

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО»**

На правах рукописи

СЫЧЁВА Елена Николаевна

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И АФОРИСТИКА Ф.И. ТЮТЧЕВА:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор А.Л. Голованевский

Брянск
2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ.....	13
§ 1. Становление и развитие фразеологии как самостоятельной отрасли русского языкознания.....	13
1.1. К вопросу о понимании фразеологии как научной дисциплины....	13
1.2. Фразеологическая единица в соотношении со словом и свободным словосочетанием.....	19
1.3. Основные направления в исследованиях фразеологии русского литературного языка.....	25
§ 2. Авторская фразеология русского языка как объект исследования.....	29
2.1. Исследование авторской фразеологии в 30-80-х годах XX века....	29
2.2. Авторская фразеология в трудах конца XX – начала XXI веков....	33
§ 3. Русская фразеологическая лексикография.....	35
3.1. Из истории формирования фразеологической лексикографии.....	35
3.2. О сложившейся типологии фразеологических словарей.....	37
3.2.1. Фразеологические словари общего типа, собственно фразеологические словари.....	38
3.2.2. Фразеологические словари устойчивых выражений (поговорки, поговорки, крылатые слова), афористические словари.....	40
3.3. Авторская фразеологическая лексикография.....	42
Выводы.....	46
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА.....	49

§ 1. Фразеологическая система языка в структуре языковой личности Ф.И. Тютчева.....	49
1.1. Место фразеологической системы языка в структуре языковой личности.....	49
1.2. Место фразеологической системы в художественном методе Ф.И. Тютчева.....	51
§ 2. О принципах классификации лексико-фразеологического материала литературного языка и авторских текстов.....	57
Выводы.....	60
ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА В СВЕТЕ ЕГО ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ «ЧЕЛОВЕК» И «ПРИРОДА».....	
§1. <i>Человек и Природа</i> в поэзии Ф.И. Тютчева как отражение его философских взглядов.....	62
§2. Семантическое поле «Человек» в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева.....	66
2.1. Тело и организм человека как денотативные компоненты поэтической фразеологической системы.....	66
2.2. Эмоциональный мир человека.....	75
2.3. Речемыслительная деятельность человека.....	86
2.4. Общество.....	94
§ 3. Семантическое поле «Природа» в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева.....	102
3.1. Фразеологическое изображение природных стихий в поэзии Ф.И. Тютчева.....	102
3.1.1. Стихия земли.....	105
3.1.2. Стихия воздуха.....	111
3.1.3. Стихия воды.....	115
3.1.4. Стихия огня.....	116

3.2. Фразеологическое изображение животного мира в поэзии Ф.И. Тютчева.....	118
Выводы.....	124
ГЛАВА 4. ПОЭТИЧЕСКАЯ АФОРИСТИКА Ф.И. ТЮТЧЕВА И ЕЕ МЕСТО В СОСТАВЕ АВТОРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	127
§ 1. Афоризмы как структурно-семантические единицы языка.....	127
§ 2. Общая характеристика афористики Ф.И. Тютчева как объекта исследовательской практики.....	132
§ 3. Семантическое поле «Человек» в поэтической афористике Ф.И. Тютчева.....	135
3.1. Человечество в целом.....	135
3.2. Человек конкретный.....	145
3.3. Эмоции.....	150
§ 4. Семантическое поле «Природа» в поэтической афористике Ф.И. Тютчева.....	156
4.1. «Природная» афористика, отраженная в энциклопедиях.....	156
4.2. Общая характеристика афористического СП «Природа» в поэзии Ф.И. Тютчева.....	157
4.3. Времена года в афористике Ф.И. Тютчева.....	161
4.4. Вопросы, на которые природа не дает ответа.....	164
§ 5. Бытие – Небытие Человека и Природы.....	165
Выводы.....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	171
БИБЛИОГРАФИЯ.....	177
1. Теоретическая литература.....	177
2. Словари и энциклопедические издания.....	201
3. Источники.....	205
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	206

ВВЕДЕНИЕ

В современных исследованиях весьма актуальной является тенденция, направленная на изучение лингвистических факторов не изолированно, а в тесном контакте и взаимосвязи с различными отраслями знаний (логикой, философией, психологией) и на фоне целого комплекса антропологических когнитивных структур, представляющих собой концептуальную картину мира, тесно связанную с языковой. Возникает целый ряд языковых явлений, которые привлекают к себе внимание исследователей. К ним можно отнести фразеологию и афористику. Лингвистика последних двух десятилетий изучает язык как величайший феномен сквозь призму не только собственно языкового, но и когнитивно-креативного подхода, поэтому попытка выделить в тексте его внутреннюю сторону, исследовать оригинальное решение лексических и семантических задач представляется нам движением в этом направлении.

Специфика языка как системного образования заключается в разноплановости, многофункциональности, оппозиционности компонентов. Полисемичность и синкретичность языковых единиц порождают строго и нестрого структурированные подсистемы. В плане сказанного весьма интересен фразеологический пласт русского языка, который наряду с лексикой составляет нестрого структурированную, открытую систему языка, своеобразно отражающуюся в языковой и авторской картине мира. В наши дни большую сложность представляет постижение всего «исторического», что связано в первую очередь с общей установкой современности на теорию. История также является своего рода теорией, но вместе с тем показывает причины и мотивацию изменений, происходящих в обществе в процессе человеческой деятельности. Особенно ярко изменения жизни отражаются в языке [Колесов 2005: 3].

Фразеология представляет собой синтез взаимодействующих компонентов, находящихся в иерархических отношениях, основанных на видоиз-

менении, ступенчатом усложнении структуры, семантики, функций. А.В. Кунин отмечает наличие в языке уровня единиц вторичной номинации, обладающих сложной лексемной организацией и подчиненных грамматическим нормам. Т.Н. Федуленкова подчеркивает, что многообразие аспектов рассмотрения и вариантов функционирования фразеологизмов создает благоприятные условия для типологической релевантности единиц и позволяет проследить их иерархические отношения на языковом и экстралингвистическом уровне в изоляции и в системе [Федуленкова 2005: 78-79]. Это отражается во фразеологической и авторской лексикографии. На сегодняшний день существует множество словарей, формирование лексико-семантической системы которых базируется на различных методах и приемах. Одним из них, по замечанию Ю.Н. Караулова, является метод поля [Караулов 1976: 17], эффективность которого расценивается исследователями по-разному.

Фразеология в качестве самостоятельной научной дисциплины во многом создана трудами таких отечественных ученых, представляющих известные фразеологические школы (Московскую, Ленинградскую, Самаркандскую, Новгородскую, Тульскую, Орловскую, Челябинскую), как В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.М. Бабкин, В.Л. Архангельский, Н.М. Шанский, В.Н. Телия, Ю.А. Гвоздарев, В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, В.П. Жуков, М.М. Копыленко, М.Ф. Палевская, Ф.Г. Гусейнов, Ю.Ю. Авалиани, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Амосова, В.Т. Бондаренко, А.Н. Кожин, А.И. Молотков, А.Г. Назарян, В.М. Огольцев, Р.Н. Попов, З.Д. Попова, Л.И. Ройзензон, М.И. Сидоренко, Л.Г. Скрипник, Ю.П. Солодуб, М.Т. Тагиев, А.Н. Тихонов, Е.Н. Толикина, В.Т. Шклярова, Г.М. Удовиченко, А.И. Федоров, И.И. Чернышева, А.М. Эмирова, Ф.М. Янковский и др.

Значимым фрагментом фразеологии русского языка, в частности XIX века, является поэтическая фразеология Ф.И. Тютчева. Настоящее диссертационное исследование посвящено структурно-семантическому составу фразеологии и афористики в поэзии Ф.И. Тютчева. По нашим подсчетам,

произведенным методом сплошной выборки фразеологических и афористических единиц из «Полного собрания стихотворений» Ф.И. Тютчева, в его поэзии насчитывается 509 фразеологизмов и 113 афоризмов разной семантической и синтаксической структуры.

Актуальность работы заключается в необходимости всестороннего и глубокого изучения особенностей языка поэзии Ф.И. Тютчева, которые, с одной стороны, характеризуют его как языковую личность, с другой, – отражают языковую картину мира. Исследование языковой картины мира сквозь призму структурно-семантического состава фразеологии виднейших русских писателей XIX века, к числу которых принадлежит Ф.И. Тютчев, представляет собой перспективную научную парадигму, являющуюся актуальной как с точки зрения исследования функциональности языка в целом, так и характеристики отдельной языковой личности, роль которой в системе языка не подлежит сомнению и требует новых исследований.

Изучение языка одного автора может идти в разных направлениях. Идиостиль поэта или писателя включает в себя такие разноаспектные филологические феномены, как общий поэтический стиль, тезаурус (окказиональная лексика и фразеология), излюбленные изобразительно-выразительные средства, прочие особенности выражения поэтической мысли. В ходе изучения поэтической картины мира Ф.И. Тютчева исследователи уделяли много внимания различным сферам языка поэта. Но поэтическая фразеология данного автора является малоизученной. В настоящей диссертации выдвинута **гипотеза**, согласно которой поэтическая фразеология Ф.И. Тютчева представлена различными единицами узуального и окказионального уровней с разной степенью фразеологической связанности компонентов, а поэтическая афористика Ф.И. Тютчева занимает особое место в его общей фразеологической картине мира и во многом базируется на афористическом опыте предшественников. Разноаспектные структурно-семантические характеристики фразеолого-афористического комплекса стимулируют поиски новых подходов к классификации языкового материала.

Объектом исследования является поэзия Ф.И. Тютчева, представленная в наиболее полных собраниях его стихотворений, имеющая специфическую фразеологическую (в том числе афористическую) базу. **Предмет исследования** составляют устойчивые структурные сочетания, поэтические фразеологизмы и афоризмы, вычлененные из стихотворных текстов Ф.И. Тютчева.

Материалом и источниками работы послужили поэтические тексты Ф.И. Тютчева в его «*Полном собрании стихотворений*» [Тютчев 1987]¹, «*Поэтический словарь Ф.И. Тютчева*» А.Л. Голованевского [ПСТ], толковые, семантические, тематические, аспектные словари русского литературного языка, материалы «*Национального корпуса русского языка*» (НКРЯ), в той или иной мере связанные с проблематикой исследования; научная литература лингвистического, литературоведческого, философского характера.

Цель работы – исследовать фразеолого-афористический состав поэзии Ф.И. Тютчева и представить его как структурно-семантическую систему, определяющую особенности и закономерности функционирования данных единиц в языке поэта. Достижение названной цели достигается выполнением следующих **задач**:

- исследование базовых трудов по русской фразеологии, определяющих ее состав, современное понимание и структуру;
- изучение фразеологической лексикографии и авторской фразеологии в современных лингвистических трудах;
- определение терминологического аппарата фразеолого-афористической системы в поэзии Ф.И. Тютчева, места афоризмов и прецедентных текстов в общей фразеологической системе;
- полная выборка фразеологизмов и афоризмов из поэтических текстов Ф.И. Тютчева;

¹ Иллюстративный материал в тексте диссертации приводится по данному изданию с указанием названия стихотворения и страницы

– представление тютчевской фразеоматики на базе теории семантических полей.

Для решения конкретных задач в процессе работы использованы различные **методы**, включающие общенаучный метод сравнительно-сопоставительного анализа и собственно лингвистические методы аналитического и синтетического характера, предполагающие сплошную выборку иллюстративного материала, лингвистическое описание языковых фактов; текстологический, семантический, лексикографический, стилистический, эвристический, компонентный анализ, а также метод статистических подсчетов.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые представлен комплексный структурно-семантический анализ фразеологии и афористики в поэтических текстах Ф.И. Тютчева, позволяющий расширить лингвистическое тютчеведение новыми знаниями и открыть новые подходы и перспективы изучения фразеологической системы других авторов.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке теории поэтической личности, которая базируется на перспективном антропоморфном подходе исследования. Научное значение имеют разработанные структурно-семантические принципы и систематизация нового материала, характеризующие Ф.И. Тютчева как поэтическую языковую личность. Теоретически значимой является разработка систематизированного представления о лексических средствах языка, формирующих поэтические фразеологические обороты, играющие немаловажную роль в понимании оригинального идиостиля Ф.И. Тютчева.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут быть использованы в вузовских лекционных курсах по лексикологии, фразеологии и лексикографии современного русского языка, в спецкурсах и спецсеминарах по лингво-стилистическому анализу текста и языку писателя, на уроках в средней школе при изучении творчества Ф.И. Тютчева, а также в лексикографической практике при составлении фра-

зеологических словарей современного русского языка и поэтического словаря поэта.

В соответствии с научной новизной, теоретической и практической значимостью диссертации на защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Широкий подход к исследованию авторской фразеологии заключается не только в признании устойчивых выражений фразеологическими оборотами, но и в возможности выделять дополнительные дифференциальные признаки фразеологических единиц. Это в полной мере относится к поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева.

2. Тютчевская поэтическая фразеология представлена практически всеми видами устойчивых сочетаний слов с точки зрения их семантической слитности, фразеологической связанности и структурных особенностей.

3. В авторской фразеологии Ф.И. Тютчева широко используются общераспространенные фразеологические обороты, а также она сама пополняет их состав, поскольку обладает прецедентностью, перифрастичностью и метафоричностью, помимо общепризнанных дифференциальных признаков фразеологизмов (воспроизводимость, постоянство структурно-семантического состава, образность и т.д.).

4. Афористика, в отличие от фразеологической идиоматики, может быть только авторской. Многие тютчевские афоризмы аналогичны крылатым словам и рассматриваются в качестве фразеологических выражений, обладающих предикативностью и нередко прецедентностью.

5. Язык поэзии Ф.И. Тютчева насыщен изобразительно-выразительными средствами, обладает неповторимой образностью и лиризмом, оперирует фразеолого-афористической системой, классифицировать единицы которой можно по самым разнообразным формальным и содержательным направлениям. Все это открывает дальнейшую перспективу в исследовании его языковой личности.

б. Теория семантических полей является лингвистически значимой при распределении устойчивых языковых структур по крупным семантическим блокам и может быть применена к исследованию поэтической фразеологии и афористики Ф.И. Тютчева.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и аспирантских семинарах Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, а также были изложены в виде докладов на следующих научно-практических конференциях: Круглом столе, приуроченном к Дню славянской письменности и культуры (г. Новозыбков, май 2012); XIV международной научно-практической конференции «Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты» (г. Новозыбков, ноябрь 2012); международной научной конференции «Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы» (г. Новозыбков, октябрь 2013); XXXIII международных Толстовских чтениях (г. Тула, сентябрь 2012); XXI и XXII международных научных конференциях «Язык и культура» имени Сергея Бураго (г. Киев, сентябрь 2012, июнь 2013); международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в русском языке» (г. Москва, ноябрь 2012); VII международной научной конференции «Язык, культура, общество» (г. Москва, сентябрь 2013); научных чтениях при Государственном мемориальном историко-литературном музее-заповеднике Ф.И. Тютчева «Овстуг» совместно с постоянно действующим семинаром НИИ филологии ОГУ «Русская поэзия: проблемы поэтики и стиховедения», посвященные юбилею Ф.И. Тютчева (Овстуг, апрель 2013); VII международной научной конференции «Текст. Язык. Человек» (г. Мозырь, май 2013); IV научно-практической конференции «Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия» (г. Брянск, ноябрь 2013); международной научной заочной конференции «Тютчев – русская поэтическая и

политическая языковая личность» (г. Брянск, ноябрь 2013); VI международной научно-методической конференции «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования» (г. Брест, ноябрь 2013); 2-й международной молодежной научной конференции «Поколение будущего: Взгляд молодых ученых» (г. Курск, ноябрь 2013); Шестых Жуковских чтениях «Мир русской пословицы: вечные ценности и новые смыслы» (г. Великий Новгород, май 2014); V международной научной конференции, посвященной памяти профессора П.В. Чеснокова (г. Таганрог, октябрь 2014).

Отдельные фрагменты диссертационного исследования были представлены на областных конкурсах аспирантов и молодых ученых и отмечены дипломами II степени (2008 и 2013 годы).

ГЛАВА 1.
АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И
РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

§ 1. Становление и развитие фразеологии как самостоятельной
отрасли русского языкознания

1.1. К вопросу о понимании фразеологии как научной дисциплины

Фразеология выделилась в самостоятельный раздел языковедения довольно поздно. В «Большом энциклопедическом словаре (языкознание)» В.Н. Телия определяет ее как «раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии; совокупность фразеологизмов данного языка...» (БЭС 2000: 559-561). В развитии учения о фразеологическом составе языка большую роль играет русская авторская фразеология.

В свое время известный датский языковед Отто Есперсен, автор книги «Философия грамматики» [Есперсен 1958], где подробно рассмотрено соотношение логических и грамматических категорий на материале большого количества разнообразных языков, назвал фразеологию «деспотически капризной и неуловимой вещью». А в начале прошлого столетия швейцарский лингвист Ш. Балли указал на отличия фразеологических сочетаний от свободных, предложив затем и классификацию фразеологизмов [Балли 1961]. Анализируя вклад ученого во фразеологическое учение, Б.А. Ларин пишет, что при исследовании стилистики фразеологического материала Ш. Балли отмечал «значение эмоционально-экспрессивного наполнения» высказываний для создания устойчивых сочетаний слов [Ларин 1956: 206]. В.Н. Телия замечает, что Ш. Балли «фразеология была поставлена на свой собственный

научный путь, выведена из раздела лексикологии в самостоятельную область лингвистического учения» [Телия 1966: 14].

Идеи Ш. Балли были развиты академиком В.В. Виноградовым, который акцентировал внимание на том, что «фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами», будучи аналитичными [Виноградов 1972: 29], то есть состоят из слов, а их «общее значение обусловлено семантикой этих слов» [Дидковская 1992: 5]. В.В. Виноградов в русском языкознании дал первое определение фразеологической единицы (ФЕ), показал ее соотношение со словом и свободным словосочетанием, поставил вопрос о выделении фразеологии из лексикологии. По замечанию ученого, фразеологизм, обладая формой и содержанием, имеет формальную (внешнюю) оболочку условную, обманчивую (фиксированный порядок слов, невозможность синонимической замены компонентов и проч.). Но внутренние (содержательные) признаки являются существенными для определения ФЕ: эквивалентность слову по значению, «смысловая неразложимость речения на элементы», разрыв семантических связей с тем же свободным сочетанием слов.

В.В. Виноградов, рассматривая становление фразеологической теории как «последовательного учения об устойчивых сочетаниях слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Виноградов 1977: 140], указывает на то, что оно произошло относительно недавно, хотя некоторые проблемы этой отрасли языкознания начали разрабатываться ещё в работах К. Бругмана, Г. Пауля, Ш. Балли, А. Сеше, О. Есперсена, И.А. Бодуэна де Куртенэ и других исследователей, а необходимость изучения устойчивых сочетаний слов не только для лексикологии, в том числе фразеологии, но и для грамматики настойчиво подчеркивал и академик А.А. Шахматов «в своем “Синтаксисе русского языка”» [Виноградов 1977: 118-161].

О филологической значимости трудов В.В. Виноградова говорят почти все исследователи, обращающиеся к фразеологическому учению. Они отмечают в первую очередь аналитизм в наименовании и синтез в семантике ФЕ.

Определяющим фактором в разграничении устойчивого сочетания слов и свободного словосочетания для В.В. Виноградова становится «фразеологическая семантика» [Федоров 1973: 7]. На основе структурно-семантических признаков ученый разработал классификацию фразеологизмов по степени семантической слитности, то есть «степени зависимости смысла всего оборота от суммы значений входящих в него слов», выделив три разряда устойчивых словосочетаний: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания [Виноградов 1972: 23-30]. Данная классификация вызвала многочисленные отклики, дополнения, разъяснения.

Фразеологи в качестве основных рассматривают различные принципы относительно определения, классификации и изучения фразеологического раздела языкознания. Так, Б.А. Ларин придерживается «исторического принципа становления идиом» [Ларин 1956: 203]; В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров, Н.М. Шанский разграничивают фразеологическую базу языка с позиции частеречной «соотносительности» [Жуков 1967; Молотков 1977; Федоров 1985] или «эквивалентности» ФЕ [Шанский 1969]; В.Л. Архангельский, М.М. Копыленко, З.Д. Попова в данном вопросе опираются на межкомпонентные связи, основанные на смысловых отношениях ФЕ [Архангельский 1964; Копыленко, Попова 1989]; М.Т. Тагиев при описании ФЕ в первую очередь обращает внимание на их «внешнее окружение» [Тагиев 1967, 1970].

Существуют и другие подходы к квалификации фразеологизмов русского языка, представленные в научных трудах Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 1982], В.Т. Бондаренко [Бондаренко 1995; 2009], С.Г. Гаврина [Гаврин 1974], Ю.А. Гвоздарева [Гвоздарев 1977; 1988], Т.В. Гридневой [Гриднева 1999], И.А. Коложвари [Коложвари 1986], А.Р. Обдуллаевой [Обдуллаева 1996], С.И. Ожегова [Ожегов 1957; 1974], З.Д. Поповой [Попова 2012], В.Н. Телии [Телия 1966, 1990; 1996], А.А. Чепуренко [Чепуренко 2003], А.М. Эмировой [Эмирова 1988] и др.

В 60-е годы прошлого века Н.М. Шанский, рассуждая о том, что должно изучаться во фразеологии как лингвистической дисциплине, выделил в качестве центрального теоретического вопроса роль в ней фразеологического оборота (ФО), полагая, что введение понятия ФО «имеет определяющее значение не только для построения фразеологической теории русского языка в целом, но и в лексикографической и преподавательской работе» [Шанский 1972: 167-168]. При этом Н.М. Шанский замечает, что до настоящего времени формулировки фразеологизма мало чем отличаются от слишком общего определения Ш. Балли, данного им в начале формирования фразеологической теории.

Следует заметить, что термин «фразеологический оборот», не ставший для фразеологов основным, получил четкую дефиницию только в работах Н.М. Шанского, обозначая «воспроизводимую единицу языка», структурно-семантически целостную и устойчивую, в которой не менее двух ударных словных компонентов [Шанский 1972: 169-170]. Наиболее употребительным является термин *фразеологическая единица*, введенный в лингвистический обиход академиком В.В. Виноградовым, а терминологический аппарат современной науки оперирует также его синонимами: *фразис, слитное слово или слитное речение, неразложимое словосочетание, устойчивое сочетание слов, идиома, фразема, устойчивая фраза, лексическое сочетание, фразеологизм, фразеологический оборот*.

По мнению Н.М. Шанского, основным свойством ФО, «коренным образом отграничивающим его от свободного сочетания слов и в то же время, сближающим его со словом, является воспроизводимость» [Шанский 1972: 170]. Вслед за Н.М. Шанским, А.Г. Ломов [Ломов 1998] и многие другие исследователи основным конституентным признаком, который позволяет отнести устойчивые выражения к фразеологии, также признают воспроизводимость данных единиц в качестве готовых формул для изображения тех или иных понятий и суждений.

Основными признаками, помимо воспроизводимости, по мнению В.М. Мокиенко, для фразеологизма являются устойчивость, обычно целостность значения при экспрессивной сочетаемости лексем. Исследователь полагает, что заложенная в семантике оценочность отличает ФЕ от иных структур номинативного типа, а их эмоционально-экспрессивная маркированность позволяет им выделяться из ряда свободных сочетаний слов [Мокиенко 1980: 5, 145-148].

О разложимости фразеологизма на элементы говорил Б.А. Ларин, подчеркивая, что «они разложимы лишь этимологически, то есть вне системы современного языка, в историческом плане» [Ларин 1956: 202]. А.П. Мордвилко отмечал наряду со специфичностью внешней формы (графическая и акустическая стороны) и большей сложностью по сравнению с лексемой тесное смысловое единство, присущее компонентам ФЕ [Мордвилко 1964: 6-7]. Важными признаками ФЕ, по мнению А.И. Молоткова, являются непереводаемость на другие языки, возможная структурная вариативность, метафоричность, образно-экспрессивная эмоциональность [Молотков 1977: 10]. Особой характеристикой ФЕ, с точки зрения С.Б. Берлисона, является его эмоциональное значение в структуре словесно-смысловой организации [Берлисон 1971: 16-18].

В связи с различными взглядами на определение и основные признаки ФЕ состав фразеологии русского языка многие ученые определяют по-разному. Одни включают сюда пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова (фразеологические выражения – по Н.М. Шанскому или паремии – в современных исследованиях), афоризмы, различные описательные и аналитические обороты речи, составные термины и т.д.; другие оставляют эти лексико-синтаксические структуры за пределами фразеологии [Молотков 1977].

Так, С.И. Ожегов объясняет понимание широкого и узкого подхода к данной лингвистической дисциплине в зависимости от того, включены сюда только «устойчивые словесные сочетания, фразеологические единицы языка» или все «творческие произведения». При этом исследователь допускает воз-

возможность перехода некоторых единиц фразеологического характера при широком подходе в разряд собственно фразеологизмов (при узком понимании) [Ожегов 1957].

Широкий подход к составу ФЕ разделяют В.Л. Архангельский [Архангельский 1964, 1975], О.С. Ахманова [Ахманова 1957], В.Т. Бондаренко [Бондаренко 1995, 2009], М.М. Копыленко [Копыленко 1972], Р.Н. Ломов [Ломов 1998], Р.Н. Попов [Попов 1967, 1976], Л.И. Ройзензон [Ройзензон 1977], Н.М. Шанский [Шанский 1969] и др.; *узкого* придерживаются – Н.Н. Амосова [Амосова 1963, 1966], А.М. Бабкин [Бабкин 1961, 1970], В.В. Виноградов [Виноградов 1972, 1977], В.П. Жуков [Жуков 1971], А.И. Молотков [Молотков 1977], А.П. Мордвилко [Мордвилко 1964], С.И. Ожегов [Ожегов 1957], М.Р. Проскуряков [Проскуряков 2000], В.Н. Телия [Телия 1966, 1996], И.С. Торопцев [Торопцев 1966], И.И. Чернышева [Чернышева 1970] и др.

В настоящее время в исследовательской практике нет единого общепризнанного понимания фразеологизма. В нашу задачу не входит вывести универсальную дефиницию ФЕ, но необходимо определить критерии, благодаря которым устойчивые структуры выделяются из поэтического текста. Как замечает Д.Н. Шмелев, «ценность <...> критериев выделения определенных языковых единиц зависит от того, насколько данное определение позволяет объединить и последовательно и непротиворечиво охарактеризовать те языковые явления, которые интуитивно воспринимаются говорящими как однородные...» [Шмелев 1977: 300]. Высказывание Д.Н. Шмелева в полной мере можно применить к настоящему исследованию. Поэтому мы, вслед за большинством теоретиков фразеологии, придерживаемся «широкого подхода» при отборе и анализе фразеологического состава поэзии Ф.И. Тютчева и признаем определяющими такие признаки ФЕ, как относительная устойчивость структурно-семантического состава (не исключая варианты и трансформации), воспроизводимость, эмоционально-экспрессивная маркированность, метафоричность, образность.

Но широкий подход, в нашем понимании, не сводится только к расширенной классификации Н.М. Шанского, дополнившего трехчастную фразеологическую типологию В.В. Виноградова четвертым типом – «фразеологическими выражениями», поскольку включает в себя также одноударные предложно-падежные формы (нередко в сочетании с другими служебными словами: *в ногу – не в ногу* и проч.), выделяемые, например, «Фразеологическим словарем русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (ФСРЯ).

Для того чтобы иметь более или менее полную картину о природе ФО, необходимо сопоставить его со словом и свободным словосочетанием.

1.2. Фразеологическая единица в соотношении со словом и свободным словосочетанием

Фразеологизм, будучи «сложным многоплановым языковым феноменом» [Седых, Курган 2012: 88], представляет собой многоаспектную единицу, являющуюся косвенно-номинативным знаком языка, что определяет его специфические особенности.

Говоря о фразеологизмах как составных языковых единицах, некоторые исследователи разграничивают понятия «компонент фразеологизма» и «слово» [Молотков 1977] на том основании, что слова, входящие во фразеологизм, лишены лексического значения. Мы же придерживаемся мнения, что ФЕ состоят из слов-компонентов, в которых отдельные слова не совсем безучастны к общему содержанию фразеологизма.

Принято считать, что на современном этапе развития языка фразеологизмы входят в его состав в качестве самостоятельно функционирующих единиц, утративших признаки и семантику компонентов-слов, их составляющих. На них не распространяются общепринятые правила орфографии и синтаксиса (УФСРЯ: 3). Индивидуальная семантика ФЕ выходит за пределы суммы значений составляющих ее словоформ и обладает собственной семантикой, которая в первую очередь связана с его внутренней формой. Впервые

о термине «внутренняя форма» сказал А.А. Потебня: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть внутренней формой последующего» [Потебня 1913: 84].

Вслед за А.А. Потебней, А.И. Федоров предлагает понимать под *внутренней формой* сохраненную часть семантики производящей языковой единицы в ее деривате, мотивирующую данную номинацию. При этом исследователь характеризует фразеологизмы как «избыточные факты языка», функционирование которых обусловлено только эмоционально-экспрессивными потребностями. А внутренняя форма ФЕ подчинена цели выразительности и оценочности разговорного, художественного или публицистического языка [Федоров 1973: 13-20].

С понятием семантико-смысловой целостности внутренней формы В.П. Жуков и А.В. Жуков связывают явление *деактуализации*, в результате которой происходит утрата денотативного (предметного) значения и появление фразеологизма, лишенного возможности дифференцировать семантически свои элементы [Жуков 1980: 3].

Фразеологи выделяют также встречное явление – *лексикализация* фразеологического значения, когда какой-либо компонент ФЕ обретает контекстуальную самостоятельность. Данный процесс является следствием стабилизации связи между сходными фразеологизмами с данным элементом и при ослабевании связей внутри ФЕ. По закону экономии языковых средств фразеологические обороты нередко подвергаются универбации (образованию лексемы на базе сочетания слов). Универбы представляют собой результат компрессивного словообразования, многие из них появляются из ФЕ (*газировка, купальник, нержавейка, сгущенка, визитка* и др.).

Помимо внутренней формы, фразеологизм, как и любая системная языковая единица, обладает своей структурой. Фразеологической *структурой* является совокупность внешних признаков единицы: тип синтаксической модели, морфологическая изменяемость / неизменяемость, количество и порядок следования составляющих элементов с индивидуальным категориальным

значением. Фразеологическая структура представляет собой комплекс компонентов, не относящихся, по мнению некоторых ученых, к словам, поскольку они лишены семантической самостоятельности, а большинство ФЕ обладает метафорической основой, связанной с различными процессами в системе словосочетаний [Белошапкина 1964: 7-11; Баранов, Добровольский 1996: 51-64].

Под *синтаксической моделью ФЕ* понимается образец синтаксической конструкции для создания структурно идентичных фразеологизмов и присущие данным единицам семантические свойства. Как замечает, вслед за В.Н. Телией, Н.Г. Михальчук, «структуру ФЕ образуют фразеолексы, то есть лексемы, функционирующие в пределах фразеологизма», а термином «компонент» исследователь оперирует, «когда речь идет о формально-грамматической характеристике ФЕ» [Михальчук 2002: 5].

Таким образом, всякая лексема, заключенная в словосочетание фразеологического характера, подвергается семантической редукции (процесс утраты семантических свойств) в большей или меньшей степени [Жуков 1978: 12-13]. Компоненты в составе ФЕ приобретают потенциальную способность продуцирования вторичных семантических признаков.

В связи с этим отразим дифференциальные и интегральные признаки ФЕ и слова, ФЕ и свободного словосочетания, о которых говорится в учебной литературе. Но стоит учесть, что данные характеристики не являются строго обязательными (о чем сказано в предыдущем подпараграфе), а служат лишь отправной точкой при характеристике тех или иных языковых единиц.

Различия фразеологизма и слова в первую очередь связаны:

а) с постоянством компонентного состава ФЕ (не исключая ее вариантов и модификаций) и постоянством морфемного состава слова;

б) с наличием фразеологического значения у ФЕ и наличием лексического значения у слова;

в) с раздельнооформленностью ФЕ в большинстве случаев и фонетической целостностью слова;

г) с наличием, как правило, двух или более ударений у ФЕ и одноударностью слова;

К общим свойствам фразеологизма и слова относятся:

- а) воспроизводимость в готовом виде;
- б) соотношение с одной и той же частью речи;
- г) постоянство синтаксических функций.

Дифференциация ФО и свободного словосочетания происходит в основном за счет следующих характеристик:

а) ФЕ извлекается из памяти в постоянном составе (учитывая варианты и преобразования) – свободное словосочетание каждый раз создается заново и существует только в пределах того контекста, для которого оно создано;

б) ФЕ обладает особым фразеологическим значением, не складывающимся из значений слов его составляющих – значение свободного словосочетания складывается из значений слов, его составляющих;

в) ФЕ обладает *относительной* возможностью замены или пропуска одного из компонентов с сохранением общего значения – свободное словосочетание практически никогда не допускает замену слов без изменения значения;

г) ФЕ имеет единую синтаксическую функцию для всего оборота в целом – свободное словосочетание отличается наличием самостоятельности синтаксических функций у каждого слова-компонента.

Сходство между фразеологизмом и свободным словосочетанием лишь формальное (формально-грамматическое), связанное с их образованием из двух и/или более слов-компонентов [Лекант 2000: 60-73].

Заметим, что фразеологизмы обладают *фразеологичностью*, то есть свойством сочетаний слов в совокупности давать представление об одном понятии, и *фразеологической валентностью*, то есть законом совместного функционирования и семантического взаимовлияния слов-компонентов ФЕ [Татар 1992: 41]. Данные категории освещаются в книге зарубежного фразеолога-русиста Б. Татара «Фразеология современного русского языка», а в ка-

честве иллюстраций приводится тщательно подобранный материал в основном из русского художественного наследия XIX – XX вв. [Жуков 2006: 79-80].

Терминологический аппарат фразеологии оперирует таким термином, как *семантическая редукция слова*, означая «процесс неравномерной деактуализации слова, вызванный различной абстрагирующей способностью элементов его смысловой структуры». В связи с этим в семантической структуре ФЕ наличествуют компоненты, обладающие различной степенью и качеством *семантической маркированности*. Например, существует *категориальная маркированность* компонентов, то есть преобразование субстантивного сочетания в субстантивную ФЕ (*вдоль и поперек, тепленькое местечко*); *деривационная маркированность* компонентов (сохранение остаточной семантики словообразовательного форманта одного из элементов единицы, к примеру, влияние префикса *пере-* на общее значение фразеологизма *перегибать палку*); *прономинальная* (от лат. *pronomen* – местоимение) и *препозиционная* (от лат. *praeposito* – предлог) *маркированность* компонентов (*бежать во все лопатки, для отвода глаз*) и др. [Жуков 2006: 130-132].

Естественно, что исследователи, проявляя значительный интерес к семантике фразеологизма как «подсистеме языковой информации», «языковой прагмеме» [Крапотина 2007: 59-64], должны одновременно решать вопросы, связанные с семантикой его составляющих, то есть компонентов этой синтезированной языковой единицы. До настоящего времени не утихают споры о том, можно ли рассматривать компоненты ФЕ в качестве отдельных слов или это нечто иное. Согласимся с И.В. Дубинским, что наибольший вклад в доказательство «несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом» внес В.П. Жуков в одноименной статье, опубликованной в журнале «Русский язык в школе» № 3, 1969 г. [Дубинский 1971: 23]. В.П. Жуков и впоследствии обращался к этому вопросу, стимулируя тем самым решение очень важной проблемы: соотношение фразеологического компонента и слова в свободном сочетании.

Мы, вслед за В.П. Жуковым и другими исследователями, придерживаемся мнения, что у разных типов фразеологизмов наблюдается разная степень сближения (или удаления) компонентов со словом и разная степень и качество семантической редукции. Сравним два таких фразеологических сочетания, извлеченных из «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева» (ПСТ) А.Л. Голованевского: *Железный мир* – ‘вооруженное войско’ и *Славянский мир* – ‘народы славянского происхождения’. В первом сочетании семантика компонента *железный* не поддается какой-либо дефиниции вне ФО, а во втором компонент *славянский* находит свою дефиницию в любом толковом словаре.

Продолжая развивать положение о разных типах сближения ФЕ со словом, В.П. Жуков в статье «О семантической целостности фразеологизма» [Жуков 1971: 28-34] все фразеологизмы русского языка со стороны их семантической целостности разделяет на три основных типа. В первый тип включаются фразеологизмы с *целостным немотивированным значением*, во втором наиболее продуктивном типе представлены фразеологизмы с *целостным мотивированным значением*, фразеологизмы третьего (периферийного) типа – это ФО с *частично целостным мотивированным значением*. Компоненты фразеологизмов всех трех типов, по В.П. Жукову, «не обладают отдельным лексическим значением», но компоненты третьего типа «имеют большую семантическую самостоятельность», чем первого и второго типа.

Такой подход к семантике компонентов ФО в большей мере выявляет диалектическую сущность семантической целостности, связанной с «глубинными процессами, протекающими в семантической структуре» [Жуков 1971: 34].

1.3. Основные направления в исследованиях фразеологии русского литературного языка

На основе разных подходов по мере расширения границ и задач фразеологии, содержания рассматриваемых проблем сформировались специфические направления в исследовании русской фразеологической системы.

Основным из них является *структурно-семантическое направление*, в рамках которого изучаются, помимо структуры и семантики ФЕ, их классификационные, лексикографические, фразеобразовательные, фразеограмматические и другие возможности. На основе структурно-семантического направления возникли *когнитивно-концептуальное*, включающее также лингвокультурологический и контрастивный подходы к изучению языкового материала, и *трансформационное направление*, дающее выход в *авторскую фразеологию*.

Структурно-семантическое направление, помимо академика В.В. Виноградова, разрабатывали такие известные фразеологи, как Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, А.И. Молотков, В.П. Жуков, А.В. Кунин, Д.Н. Шмелев, А.М. Бабкин, Р.Н. Попов, В.М. Мокиенко, В.Т. Бондаренко и др., в научных трудах которых освещаются в том числе вопросы соотношения ФЕ с различными синтаксическими структурами.

При этом исследователи, рассматривая семантические, стилистические, компонентные, функциональные и другие аспекты изучения фразеологизмов, попутно касались «структурно-грамматических свойств определенного ряда единиц (В.Т. Бондаренко, В.П. Жуков, Л.Д. Игнатьева, В.Н. Телия, Г.Г. Хисамова, Л.П. Юздова и др.)», «разрабатывали некоторые общетеоретические положения фразеобразования и фразеологизации (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Арват, В.Н. Мигирин, Л.И. Козырев, Н.И. Рябина, Н.В. Шведова и многие другие)» [Грунченко 1999: 3-4].

Структурно-семантические особенности фразеологии как объекта словарной практики исследуют, например, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина

[Мокиенко, Никитина 1998], Е.В. Ганапольская [Ганапольская 2003] и др. Общие сведения фразеологии содержатся в работах М.А. Бобуновой [Бобунова 2009: 164-173], Л.А. Введенской [Введенская 2007], в коллективном труде «Вопросы практической лексикографии» и др. [1979]. К библиографическим разработкам фразеологии обращаются в своих трудах Л.И. Ройзензон, А.М. Бушуй [Бушуй 1987; Ройзензон, Бушуй 1970]. Основные направления в развитии лексикографии (в частности поэтической) намечены С.Х. Головкиной [Головкина 1999]. Э.Р. Мардиева исследует тему составления словаря фразеологических антонимов [Мардиева 2003], Н.М. Шевченко – фразеологию М. Цветаевой (Шевченко 2011), Л.В. Алешина – словарное фиксирование новообразований в творчестве Н.С. Лескова (СНЛ) и т.д. В своих научных разработках В.Н. Сергеев [Сергеев 1997], Г.Н. Складарская [Складарская 1995] освещают вопросы информационно-лексикографической прагматики ФЕ.

Мы имеем полное основание говорить об активно развивающемся *когнитивно-концептуальном направлении*, в пределах которого формируется фразеологическое отражение языковых концептов: абстракций (А.В. Свиридова, Н.А. Новикова, И.А. Майоренко, В.Е. Щербина), конкретных предметов (С.А. Тимощенко, К.С. Волошина), реалий окружающей действительности (С.Г. Дрыга, А.Е. Семёнов) и др. Исследования направлены на пространственную, временную, количественную характеристику фразеологической картины мира (С.М. Белякова, В.А. Новосельцева, Н.М. Родионова, Т.М. Филоненко). Фразеологические исследования посвящены сферам общественной жизни и социального устройства, например: политике (Ю.В. Ошеева, Салман Ахмед Есмаеел и др.), религии (А.В. Григорьев, Я.С. Зайцева, С.В. Булавина, О.А. Ваниева) и т.д. (см. электронные каталоги РГБ). Антропологический аспект языковой парадигмы реализуется во многих диссертационных исследованиях на примере антропоцентризма во фразеологии. Человек рассматривается с разных позиций: эмоционально-когнитивной, физиологической (в том числе соматической), национальной, социокультур-

ной, духовно-нравственной, номинативной, коммуникативно-прагматической и т.д. (Г.А. Багаутдинова, О.Н. Волобуева, М.В. Ермолаева, Н.В. Землякова, Е.Г. Коваленко, Т.М. Николюкина, А.Б. Феоктистова и др.).

Фразеология представляет собой лингвистическое явление в совокупности с экстралингвистическим, этнокультурным, а ФЕ обладают статическим, как единицы языка, и динамическим, как единицы речи, функционалом. Каждой единице в данной системе присущ ассоциативно-образный комплекс, позволяющий, по мнению В.Н. Телии, В.И. Зимина, Д.О. Добровольского, А.П. Василенко, А.Р. Поповой и ряда других исследователей, запечатлеть на языковом уровне историю и культуру цивилизаций [Телия 1996; Зимин 2011; Василенко 2006; Попова 2013].

Сопоставление фразеологии разных языков, фразеологических картин мира различных авторов (А.В. Егоров, А.В. Калинина, Е.С. Грянкина, А.В. Белобородова, З.М. Шарипова, О.Б. Смирнова и др.) реализуется на базе контрастивного подхода, тесно соприкасающегося с лексикографической практикой. Таким примером служит работа М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко «Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря» (Бобунова, Хроленко 2005).

Трансформационное направление касается в первую очередь фразеологии художественного текста, которой присущи комбинации слов, не являющиеся собственно узуальными фразеологизмами, но обладающие определенными их признаками:

- варианты ФЕ, не фиксирующиеся лексикографически;
- трансформации общеизвестных ФЕ;
- «потенциальные ФЕ», то есть обороты речи, структурно и содержательно подобные ФО, но в иных источниках в качестве таковых не отраженные;
- «камерная фразеология» [Архангельский 1975: 133; Руднев 1979: 75-82], то есть языковое явление, которое может быть охарактеризовано с позиций Л.В. Щербы о фразеологизмах, лексикализованных сочетаниях, так называемых «сложных словах». По Л.В. Щербе, сложным словом может

быть всякая синтаксическая структура, которая имеет значение, выходящее за пределы суммы значений ее слов-компонентов [Щерба 1974: 265-304]. Представителями данного направления можно считать А.Г. Ломова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Е.М. Антонову, И.М. Басенко, Е.Н. Ермакову, А.А. Степанову, И.В. Тимошенко и др.

Трансформационное направление является своеобразным переходом к *авторской фразеологии*, к которой обратились раньше всего основоположники русского фразеологического учения: В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.М. Шанский и др., впоследствии заложившие основы русской фразеологии. Наибольшее распространение подобные исследования получили во второй половине XX – начале XXI вв. В сферу внимания попадает фразеология произведений А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Ахматовой, И.С. Тургенева, М.А. Булгакова, Е.И. Носова, А.Н. Островского, В.И. Даля, А.П. Павловского и др. Поэтическую авторскую фразеологию изучают А.П. Василенко, О.Н. Фомина, Н.В. Кудрина, С.А. Чуриков и др.; прозаическую – Л.А. Исаева, Н.А. Семенова, Ю.В. Архангельская, О.В. Ломакина, А.А. Ильинский, Н.М. Калашникова и др.; драматургическую – Л.С. Наградова и др.; лингво-лексикографическую – А.Н. Субочева, В.В. Мущинская и др. Продолжает пополняться фонд научных трудов, посвященных языковой личности одного автора в целом, а также идеостилевой фразеологии в частности: А.И. Ефимов «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» [Ефимов 1953], В.П. Григорьев «Грамматика идиостиля: В. Хлебников» [Григорьев 1983], А.Л. Голованевский «Тютчев – русская языковая поэтическая личность» [Голованевский 2013], В.П. Сомов «Поэтические иносказания Пушкина» [Сомов 1999], работы А.А. Белова [Белов 2008], А.М. Дубининой [Дубинина 2005], Н.Н. Захаровой [Захарова 2001], О.В. Лежневой [Лежнева 2013] и др.

Обозначенные направления, развиваясь, активно расширяют и углубляют исследовательское фразеологическое поле.

§ 2. Авторская фразеология русского языка как объект исследования

2.1. Исследование авторской фразеологии в 30-80-х годах XX века

Исследование авторской фразеологии в XIX-XX вв. отставало от изучения авторской лексики. По мере создания и развития учения о фразеологии русского языка как самостоятельного раздела отечественного языкознания, возникал все больший интерес к тому, как ФЕ представлены в творчестве отдельных писателей, в особенности виднейших представителей русской литературы. Фразеологическое учение литературного языка являлось той теоретической базой, на основе которой проводилась собственно лингвистическая интерпретация фразеологической картины мира изучаемого автора.

Уже в 30-40-х годах XX в. стало понятно, что говорить о языке Пушкина, Лермонтова, Крылова, Грибоедова, Некрасова, Толстого, Достоевского, Чехова и других корифеев русской литературы, не обращаясь к особенностям их авторской фразеологии, значит обрекать исследования на поверхностное, неполноценное освещение заявленных проблем.

Большинство фразеологов (В.Л. Архангельский, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, А.Г. Ломов, А.И. Молотков, С.И. Ожегов, Д.Н. Шмелев и др.), опираясь на иллюстрации из художественных текстов, так или иначе обращаются к вопросам авторской фразеологии, поэтому становление теории об использовании в художественном тексте фразеологических оборотов отражает фразеологическое учение в целом.

Сам процесс оформления фразеологизмов длителен и динамичен, следовательно, вопрос о разграничении языковой (узуальной) и авторской (окказиональной) фразеологии до сих пор не имеет однозначного ответа в научной литературе. Целый ряд факторов и проблем связан с данной стороной изучения фразеологии в художественных текстах, поскольку ФЕ могут представлять собой трансформации (варианты, вариации, модификации узуальных

фразеологизмов, переинтерпретация словосочетаний и др.) существующих ФО. Возникновение фразеологизмов так или иначе связано с переосмыслением семантики свободных словосочетаний, являющихся изобразительно-выразительными средствами языка, чаще всего сравнениями, перифразами, метафорами.

Тесно соприкасаясь с общей фразеологией, авторская фразеология охватывает, по возможности, полный фразеологический состав языка конкретного писателя. Вопрос об индивидуально-авторских употреблениях ФО освещен, например, И.М. Абрамовичем в книге «Проблемы фразеологии» [Абрамович 1964]. Создание окказиональных фразеологизмов опирается в основном на узуальные структурно-семантические модели или трансформации уже имеющих в языке устойчивых сочетаний слов с опорой на общие и частные законы развития языковой системы. О трансформационных процессах, влекущих за собой вариативность и структурно-семантические преобразования ФЕ в художественных текстах, говорят и другие исследователи [Кодухов 1965; Милославский 1978; Мокиенко 1979].

Значительным этапом в развитии общей, а как следствие – авторской фразеологии, представляются исследования Н.М. Шанского. Особую филологическую ценность имеет его книга «Фразеология современного русского языка» [Шанский 1969], которая многократно переиздавалась и дополнялась, где рассматриваются вопросы общего фразеологического характера, семантическая, структурная, компонентная, этимологическая динамика фразеологизмов, а также уделено внимание описанию приемов авторской интерпретации ФЕ. В разделе, посвященном стилистике ФО, Н.М. Шанский рассуждает об авторском использовании и оформлении ФЕ в стилистических целях.

Основными путями пополнения фонда авторской фразеологии, по мнению ученого, является добавление семантических коннотаций в смысловую структуру ФЕ с сохранением лексико-грамматической целостности, а также видоизменение лексико-грамматического состава ФЕ (синонимическая замена или добавление компонентов) с сохранением семантики и структурных

свойств. Семантическое преобразование фразеологизмов в художественном тексте может идти за счет изменения семантики или грамматических свойств ФО с последующим его переходом в свободное словосочетание. Зачастую происходит создание окказиональных фразеологизмов по аналогии с узуальными на базе структуры или отдельных элементов общеязыковых оборотов. В авторской интерпретации наблюдается функционирование ФЕ одновременно в качестве фразеологического и свободного сочетания слов, употребление в изобразительно-выразительных целях остаточного образа или содержания ФЕ при сохранении знания о фразеологизме-первоисточнике (*и никаких других звездой сезона* (Г. Рыклин); *что молока от черта, что от пшеничной каши золотой руды* (В. Маяковский) и проч.).

По замечаниям Н.М. Шанского, авторские преобразования фразеологических оборотов нередко возникают как результат использования в одном контексте фразеологизма и одного из образующих слов или контаминации двух фразеологических оборотов, связанных общими или внутрисистемными компонентами [Шанский 1969: 205-218].

Таким образом, *авторский фразеологизм* можно определить как структурно-семантическое преобразование языковой ФЕ или создание по аналогии с существующими в языке фразеологическими моделями единицы, часто с перифрастическими или метафорическими чертами, функционирующей в художественном тексте в качестве несвободного сочетания слов.

При обнаружении авторских фразеологизмов в литературном произведении и квалификации их как таковых полезна разработанная Д.Н. Шмелевым схема фразеологической связанности, состоящая из семи типов и основанная на эпидигматике ФЕ (диахронной многозначности), парадигматике ФЕ (противопоставленности значений разных ФЕ), синтагматике ФЕ (сочетательных способностях ФЕ).

По Д.Н. Шмелеву, всякий фразеологизм должен обладать одним из видов связанности: парадигматической (типа *стиральная машина, сделать замечание*), синтагматической (типа *обложной дождь, земно кланяться*), дерив-

вационной (эпидигматической) (типа *глубокий старик, хранить молчание*), парадигматико-синтагматической (типа *подзорная труба, грецкий орех*), парадигматико-деривационной (типа *железная дорога, волшебный фонарь*), синтагматико-деривационной (типа *черный как смоль, позарез нужно*), парадигматико-синтагматико-деривационной (типа *краеугольный камень, вскружить голову*) [Шмелев 1973: 272-273].

Ключевым моментом в развитии авторской фразеологии стало появление наряду с многочисленными трудами общего и частного характера такого издания, как «Поэтическая фразеология Пушкина» А.Д. Григорьевой и Н.Н. Ивановой [Григорьева, Иванова 1969], повлекшего за собой интерес к фразеологическому аспекту в творчестве других классиков.

Как замечают исследователи, понятие «поэтическая фразеология» обладает широким спектром семантики, а ее единицы, будучи эквивалентными словам (именам и глаголам), часто происходят из перифрастических или описательно-метафорических сочетаний. Поэтические фразеологизмы любого автора отличаются от общеязыковых, поскольку при наличии речевых синонимов они редко им тождественны, а степень фразеологизации этих языковых единиц нестабильна и зависит от конкретных дистрибутивных условий, то есть они могут выступать и в роли поэтических фразеологизмов, и как свободные сочетания слов. Еще одной отличительной особенностью поэтической фразеологии является ее повышенная эмоциональность, экспрессия и стилистическая нагрузка, даже по отношению к общеязыковым маркированным фразеологизмам.

Авторы монографии заявляют, что появление поэтических фразеологизмов происходило за счет объединения образов внутри одного контекста, их взаимодействия друг с другом, варьирования одной и той же мысли. Фразеологические модели выстраивались на базе символического схематизма, эпитетных свойств в структуре перифрастических и описательно-метафорических оборотов, преобладания эмоциональности и экспрессивности над «вещностью» [Григорьева, Иванова 1969: 6-21].

Представленная в книге пушкинская поэтическая фразеология носит комплексный характер, а деление на главы происходит посредством группировки ФЕ в большие темы, отражающие перифразы, символы, метафорические структуры, сочетания-штампы, фразеологизмы-сравнения, описательные обороты. Они выступают своеобразными характеристиками персонажей (*питомец Муз; сын Феба; любимец Купидона, Вакха и Киприды*), явлений природы (*лучистый царь; лазурный свод небес*), войны (*пламя войны; бич войны; погибельная гроза*), поэзии (*дщери Мнемозины; жилище чистых муз; Аполлонов конь*), жизни и смерти (*степь мирская; путь тернистый; факел смерти*), чувств и состояний (*ленивый мак; мрак безбожия; змия зависти*).

В отдельных частях работы анализируются поэтические сочетания предложного типа. При этом особый акцент сделан на пушкинских фразеологических сравнениях. Помимо авторской дистрибутивной фразеологизации, наблюдается обращение к речевым штампам начала пушкинской эпохи (*румян, как маков цвет* – «Прозаик и поэт», «Евгений Онегин» III 33) и внимание к общенародным традициям (*завоев, как зверь* – «Зимний вечер») [Григорьева, Иванова 1969: 270-284].

Поэтическая фразеология Ф.И. Тютчева в тексте диссертации рассмотрена во многом по аналогии с взглядом А.Д. Григорьевой и Н.Н. Ивановой на пушкинскую поэтическую фразеологию, а также на основании принципа фразеологической связанности Д.Н. Шмелева.

2.2. Авторская фразеология в трудах конца XX – начала XXI веков

Русская фразеология на рубеже XX–XXI вв. продолжает развиваться по разным направлениям на базе различных подходов. Активно разрабатывается структурно-семантическое направление, восходящее к основополагающей теории В.В. Виноградова [Алефиренко 1993; Алимпиева 1986; Жуков 1980; Машина 2000: 148-152; Родионова 2002]; трансформационное направление, видными представителями которого выступают А.М. Мелерович и

В.М. Мокиенко [Алефиренко, Валух 1990; Борисова 1999; Добрыднева 1996; Ломов 1998; Мокиенко 1990, 2009; Мелерович, Мокиенко 2005]; лингвокультурологический подход к исследованию, вслед за московской школой В.Н. Телии [Блинова 1983; Вакуров 1981; Верещагин, Костомаров 1982; Гак 1995; Добровольский 1998; Добрыднева 2000; Залевская 2000; Ковшова 2013; Потапушкин 2004; Телия 1990, 1996; Феоктистова 1999] и др.

Не меньший интерес вызывает направление в русле авторской фразеологии, где под влиянием контекста «общеязыковая экспрессивность» единиц нередко видоизменяется в «экспрессивность окказиональную», что влечет за собой образование фразеологизмов [Бакина 1991: 9]. В этом направлении исследователи обращаются к вопросам прагматики русской фразеологии, стилистическим и структурно-семантическим особенностям ФЕ, категориальному и идейно-смысловому назначению оборотов и др. [Варлакова 2002: 3].

Если проанализировать материалы научных конференций, проходящих в Москве, Курске, Брянске, Новозыбкове, Киеве, Мозыре и др., посвященных актуальным проблемам языкознания («Рациональное и эмоциональное в русском языке» [2012], «Поколение будущего: Взгляд молодых ученых» [2013], «Русское слово в языке и речи» [2000], «Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева: Литературоведение, лингвистика, методика» [2003], «Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность» [2013], «Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы» [2013], «Мова і культура» [2012], «Текст. Язык. Человек» [2013] и др.), видно, что авторская фразеология находит своих исследователей – практически на каждой конференции представлены доклады данной тематики. Ежегодно в Великом Новгороде проходят «Жуковские чтения», посвященные фразеологии и паремиологии, в других городах издаются сборники научных трудов по фразеологии, например «Фразеология: вчера, сегодня, завтра» (Тула) [2011].

Обилие исследований в конце XX – начале XXI вв., посвященных авторской лексико-фразеологической системе, подтверждает неослабевающий

интерес к авторскому идиостилю. Только за последнее десятилетие защищено множество кандидатских и докторских диссертаций, посвященных авторской фразеологии (И.М. Курносова, О.Н. Фомина, Е.А. Коршкова, Н.В. Гончарова, Н.В. Кудрина, С.А. Чуриков, Н.Ю. Темникова, М.В. Попкова, И.В. Щурова, М.В. Орехова, О.А. Мещерякова и др.).

Изучается фразеология отечественной литературы и переводных художественных текстов, сопоставляются фразеологические системы разных авторских идиостилей, исследования посвящены вербально-семантическому, лингво-когнитивному, мотивационному уровням языковой личности.

§ 3. Русская фразеологическая лексикография

3.1. Из истории формирования фразеологической лексикографии

Динамика языкового строительства подчинена в первую очередь законам национально-культурной эволюции общества. Углубленные разработки теоретических вопросов в области лексикологии и фразеологии стимулируют активную эмпирическую деятельность, непосредственно касающуюся развития практической лексикографии. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «границы между лексикографией, к ведению которой относится все, что касается словарей, то есть их теория и практика, и лексикологией, занимающейся вопросами лексической семантики, кажутся довольно определенными и считаются как бы заданными аксиоматически» [Караулов 1976: 19]. А непрерывность «семантического пространства в системе языка» с течением времени фиксируется текстами, в устной разговорной речи, но главное – словарями [Копыленко, Попова 1989: 61].

Фразеологизмы – это в первую очередь носители национально-культурной семантики, определение которой вызывает немало трудностей (ФРР: 3). Поэтому важным звеном формирования фразеологического учения в самом общем смысле является фразеологическая лексикография как погра-

ничная область, сформированная на базе фразеологии и лексикографии, учение о составлении словарей.

Важность существования и создания лексикографических изданий отмечали многие великие люди. Однажды Вольтер афористично заметил: «Словарь – это вселенная в алфавитном порядке». Н.В. Гоголь в письме С.Т. Аксакову, автору произведения «Детские годы Багрова-внука», подчеркивал, что погрузиться с наслаждением в «громаду – русский язык» можно, внимательно прочитав академический словарь, а известный французский поэт Беранже заявлял, что без обращения к словарям «не мог бы написать и десяти стихов» [Введенская 2007: 3-7].

В работе Л.В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» [Щерба 1974] были впервые в русской лингвистике намечены подходы к пониманию словарной типологии. Ученый выделил шесть основных противоположений, позволяющих отделять лексикографические источники друг от друга. Среди этих антиномий мы не обнаружим «неавторский словарь – авторский словарь», поскольку словари языка писателя (по Л.В. Щербе) приравниваются к словарям-справочникам.

Вопрос о типологии словарей и месте в ней авторского словаря затрагивался многими лингвистами, в том числе и А.Л. Голованевским [Голованевский 2013: 40-57]. А.Л. Голованевский отмечает, что в 30-е гг. XX в. авторская лексикография только начинала свое развитие, но в последующие десятилетия благодаря активным разработкам лексикографических школ были опубликованы полные словари А.С. Пушкина, И.В. Гёте, Ф.М. Достоевского, В. Шекспира и др. Авторские словари толкового типа А.Л. Голованевский предлагает условно классифицировать по аналогии с неавторскими [Голованевский 2013: 40-42].

Современные типологии словарей, по сравнению с типологией Л.В. Щербы, имеют более аналитический характер: энциклопедическим словарям противопоставляются лингвистические, которые в свою очередь делятся на толковые и аспектные. В лексикографическом многообразии самы-

ми универсальными относительно лексико-фразеологического состава языка являются большие толковые словари.

Вопросы теории и практики создания различных словарей освещены в специальных исследованиях В.В. Виноградова [Виноградов 1977], П.Н. Денисова [Денисов 1980], В.А. Козырева и В.Д. Черняк [Козырев, Черняк 2000] и др. К существующим научным трудам, посвященным лексикографической базе русских словарей XX в., относятся, например, «Русская лексикография» В.А. Козырева и В.Д. Черняк [Козырев, Черняк 2004], русских словарей XXI в. - учебное пособие М.А. Бобуновой «Русская лексикография XXI» [Бобунова 2009]; а также специальные издания по фразеологии русского языка, например «Лексикографическая разработка русской фразеологии» А.М. Бабкина (1964). Существуют и другие работы, посвященные истории становления, общим теоретическим вопросам, типологиям в словарной практике.

3.2. О сложившейся типологии фразеологических словарей

Фразеологические словари занимают устоявшиеся позиции в лексикографической системе, в связи с этим можно выстроить их специальную типологию: фразеологические словари общего типа (собственно фразеологические словари), фразеологические словари устойчивых выражений (пословицы, поговорки, крылатые слова), афористические словари, авторские фразеологические словари.

В современной лексикографии насчитывается более сотни изданий по фразеологии различной тематики и направленности (границы фразеологии, вариативность, парадигматические отношения). Но тем не менее, как отмечают лексикографы, практика составления фразеологических словарей значительно отстает от словарной репрезентации лексического состава языка [История русской лексикографии 1998: 437-438].

3.2.1. Фразеологические словари общего типа, собственно фразеологические словари

К самым распространенным изданиям по фразеографии относятся фразеологические словари общего типа, или собственно фразеологические словари. Среди множества русских изданий можно выделить, наряду с общими, словари определенной направленности [Бобунова 2009: 60-76].

Одним из самых популярных является «Фразеологический словарь русского языка» (ФСРЯ), вышедший под редакцией А.И. Молоткова, изданный в 1967 г. и насчитывающий более 4000 ФЕ. В нем отражается «узкий» подход к пониманию фразеологии русского языка и зафиксировавший в словнике только фразеологические сращения и единства.

На базе словников данного словаря и его дополнения (автор – А.И. Фёдоров) был создан «Фразеологический словарь русского литературного языка» (ФСРЛЯ), включающий более 12000 ФО (2008 г.), а в 2003 г. вышел в свет «Фразеологический словарь русского языка» А.Н. Тихонова, А.Г. Ломова, Л.А. Ломовой (Тихонов 2003), где собрано более 10000 ФЕ.

Во фразеологизме хранятся сведения различного характера: исторические, этнокультурные, литературоведческие и др. И лингвисты пытаются вскрыть эти сведения, создавая новые типы словарей. Так, в основном с культурологической точки зрения рассматриваются фразеологизмы в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телии (2006 г.). Около 1500 ФЕ включает издание «Русская фразеология. Словарь-справочник» Р.И. Яранцева (2007 г.), поделенный на темы и разделы.

«Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (СТСРИ) в редакции А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, включающий в свой состав около 8000 идиом современного русского языка, представляет собой наиболее полное собрание единиц идиоматического характера, в том числе и нелитературные формы, функционирующие в современном русском языке (2007 г.). Словарь тематический, фразеологизмы располагаются в нем по

смысловым категориям, так называемым таксонам. Другим изданием под редакцией тех же авторов является «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» (ФОСРЯ), относящийся к дескриптивному (описательному) типу (2009 г.).

Современной науке известно немало изданий, посвященных каким-либо аспектам изучения фразеологии, в том числе парадигматическим отношениям. Так, наиболее часто употребляемые образные сравнения (около 1500) приведены в синонимо-антонимическом «Словаре устойчивых сравнений русского языка» (СУСРЯ) В.М. Огольцева (2001 г.).

Фразеологическим синонимам посвящены такие издания, как «Словарь фразеологических синонимов русского языка» (авторы – В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляр), где приведено около 730 рядов синонимов ФЕ (СФСРЯ 1987); «Словарь фразеологических синонимов русского языка» (авторы – А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова), насчитывающий свыше 8000 ФЕ в составе 950 синонимических рядов (СФСРЯ 1996) и др.

Фразеологическая омонимия представлена в «Словаре фразеологических омонимов современного русского языка» Н.А. Павловой (СФОСРЯ), где приводится более 600 фразеологических омонимов, зафиксированных в русском языке со времен Пушкина до современности (2010 г.).

Фразеология русского языка фиксируется словарями с точки зрения ее происхождения, например в издании «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» (РФИЭС) А.К. Бириха, В.М. Мокиенко и Л.И. Степановой (2007 г.), где размещается около 6000 ФЕ.

Трансформационные процессы ФЕ при их использовании в художественных и публицистических текстах рассматриваются в книге «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко (Мелерович, Мокиенко 2005).

В современной лексикографии активизируется интерес к созданию фразеологических словарей различной семантической направленности. См., например: Л.Г. Кочедыков «Краткий словарь библейских фразеологизмов»

(2006 г.); И. Лебедев «Женский фразеологический словарь. Справочное пособие для мужчин» (2002 г.) и др.

3.2.2. Фразеологические словари устойчивых выражений (пословицы, поговорки, крылатые слова), афористические словари

Исследование паремиологии русского языка в XX – XXI вв. сопровождается не только теоретическими разработками [Баранов 1989: 74-90; Козько 2012: 34-35; Крикман 1978; Ломакина 2011: 68; Николаева 2003; Савенкова 2002: 67], но имеет прямой выход в практическую лексикографию. Все больший интерес у исследователей вызывают не только пословицы и поговорки, но и так называемые «анти-пословицы» [Николаева 2003: 66-74] (например: «Пока семь раз отмеришь, другие уже отрежут», «Убегая от себя, никому не говори – куда» и др.).

Рассматривая афоризмы как разновидность крылатых слов, мы подчеркиваем более узкий характер первых в отличие от общераспространенного характера вторых (афоризмы: «Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем еще, что такое жизнь?» – Конфуций (МТ: 39), «Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться жизни» – Ницше (МТ: 458); крылатые выражения: «А Васька слушает да ест», «А ларчик просто открывался» – И.А. Крылов (Ашукин 1955: 9-11) и проч.). В связи с этим выделим отдельно словари крылатых слов, а также пословиц и поговорок, и словари афористических выражений.

Самым популярным словарем первого типа является сборник «Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной (Ашукин 1955). К таким изданиям также относятся: «Переключка веков. Размышления, суждения, высказывания» (Носков 1990); «Большой словарь крылатых слов русского языка» (составители – В.П. Берков, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулержкова) (БСКСРЯ), включающий около 4000 крылатых слов; «Жемчужины народной мудрости: Пословицы,

поговорки и сходные с ними народные выражения» Н.Я. Астапенко (1959 г.) и др.

Одним из новых изданий, где размещены крылатые слова и остроумные изречения выдающихся личностей, является «Словарь крылатых выражений» М.М. Петровой, включающий более 2000 единиц (2011 г.).

В современной лингвистике намечена тенденция изучения крылатых выражений одного автора. Так, например, огромную ценность для исследователей имеет «Словарь крылатых выражений Пушкина», изданный В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко (Мокиенко, Сидоренко 1999), в котором зафиксировано около 1900 крылатых выражений. Данный словарь не только отражает становление современного русского языка на примере пушкинских контекстов, но и является глубоко национальным выразителем народного менталитета.

Одним из самых новых словарей подобного типа является также справочник В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко «Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник» (Мокиенко, Сидоренко 2013), в котором представлено более 1700 словарных статей на базе картотеки, созданной по всем исследованиям творчества И.А. Крылова (всего 198 басен).

Все популярнее становятся лексикографические собрания афоризмов выдающихся исторических лиц, писателей и поэтов, поскольку, по мнению И.Ф. Анненского, «самое чтение поэта уже есть творчество...» [Анненский 1988: 374].

К настоящему времени существует немало сборников афоризмов, доступных читателю: «Большая книга афоризмов» (Кондрашов, Комарова 2005); «Справочник афоризмов и изречений для школьников» (Павлов 1995); «Афоризмы» (Ничипорович 1998); «Жемчужина мысли» (Жадан 1990); «Энциклопедия мысли» (составители – О. Азарьев, Л. Демидова, М. Наникишвили, Н. Хоромин) (ЭМ); «Витражи мудрости. Афоризмы, крылатые слова, изречения» (Король 1991); «Над кем смеетесь?» (Готовский

1989); «Словарь афоризмов русских писателей» (Королькова 2008); «Большая книга афоризмов», составленная К.В. Душенко (БКА); энциклопедия «Мудрость тысячелетий» (автор-составитель В. Балязин) (МТ) и др.

Данные лексикографические издания имеют различия по кругу исследуемых авторов, по способу размещения языкового материала (тематически, по смысловым категориям, парадигматическим связям, в алфавитном порядке и проч.), в связи с обозначенными хронологическими границами и т.д.

По-разному представлены афористические единицы одного и того же автора в нескольких изданиях (одни афоризмы выделяются не везде, другие – имеют различия в формальной обработке); разнятся и перечни цитируемых лиц определенного исторического этапа, направления деятельности и др. Эти сборники приводят остроты знаменитых философов, литераторов, историков со всего мира от зарождения письменности до конца прошлого столетия. Многие из них имеют энциклопедический характер и, помимо иллюстраций, содержат важные попутные сведения (биографическую информацию об авторе цитаты, исторические факты, легенды и проч.).

3.3. Авторская фразеологическая лексикография

Накопление теоретического и фактического фразеологического материала в значительной мере послужило стимулом для разработки фразеологических словарей отдельных авторов.

Авторские словари вызывают все больший интерес в среде филологов [Голованевский, Шестакова 2008а], [Голованевский, Шестакова 2008б]. Вопрос об истории создания авторской лексикографии (в том числе фразеологической) довольно подробно разработан в многочисленных статьях Л.Л. Шестаковой и обобщен в ее монографии «Русская авторская лексикография. Теория, история, современность» [Шестакова 2011], где исследователь на базе имеющихся словарных типологий, предложенных В.Г. Гаком, А.М. Цывиным, В.В. Дубичинским и др., предлагает свою типологию автор-

ских словарей, состоящую из двенадцати взаимодополняющих признаков [Шестакова 2011: 40-65]. Систематизация данного типа лексикографических источников является важным звеном при общей характеристике фразеологических словарей.

По мнению А.Л. Голованевского, «сами термины “авторский словарь”, “словарь языка одного автора” и другие, тождественные или близкие им по значению, вошли в активное употребление <...> после выхода в свет антологии “Русская авторская лексикография XIX – XX веков”». Основное отличие толкового словаря от авторского А.Л. Голованевский видит в том, что первый потенциально отражает общенародный язык, а второй характеризует отдельную языковую личность с точки зрения ее узуса. Таким образом, выделяется общая лексикографическая антиномия: «толковый словарь языка – словарь языка автора» [Голованевский 2009: 21-22].

Устойчивые выражения любого рода, по мнению некоторых филологов, должны включаться в словник любого авторского словаря, поскольку именно полнота представляет собой истинную филологическую ценность при изучении языка одного писателя или поэта [Ларин 1974: 216; Харченко 2006: 117; Щерба 1974: 269], а в круг основных задач авторского словаря входит изучение вербальных условий, возникающих в художественных текстах, истоках современной фразеологической науки [Балакай 2009: 11-13].

Как замечает А.Л. Голованевский, «авторская лексикография в наше время является самостоятельной отраслью мировой и отечественной лексикографии» [Голованевский 2013: 40]. В основном авторские словари охватывают практически все особенности языка того или иного автора, в том числе и авторскую фразеологию. Но, тем не менее, серьезных фундаментальных работ по фразеологии выдающихся русских писателей и поэтов сравнительно мало. Это, на наш взгляд, объясняет и ситуацию с созданием авторских фразеологических словарей.

Если проанализировать данные Л.Л. Шестаковой [Шестакова 2011] о состоянии авторской лексикографии с 60-х гг. XIX в. по наше время, то вы-

рисовывается довольно четкая картина, свидетельствующая о том, что фразеологическая лексикография лишь сопутствует лексической, но никогда не опережает ее. Так, в «Словаре языка Пушкина» (1956-1961) (СЯП), первом отечественном авторском словаре в его терминологическом значении, различные фразеологические выражения отделяются от слов, являющихся их компонентами, но не приобретают по разным причинам должной фразеологической квалификации. Но и спустя полвека не появилось фразеологического словаря Пушкина как такового, вобравшего в себя все его фразеологическое богатство, описанного с позиций современной фразеологической науки.

Исследователи пытаются приблизиться, если не к созданию специального фразеологического словаря, то к фиксации разнообразных по грамматической форме и структурно-семантическим разновидностям типов ФЕ в издании «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий». Фразеологические обороты выделяются в специальном разделе, если имеется несколько значений, каждое дается после соответствующего номера в круглых скобках. При этом отмечается, что если фразеологизм отличается от языковой нормы, то указывается источник модификаций ФЕ: *точить бритву на кого-л.* (модификация фразеологизма *точить зубы на кого-л.*). В словаре приводятся начальные формы ФЕ, обязательные примеры из текстов Достоевского, а также пословицы и поговорки (СЯД: XIX-XX).

Можно говорить о том, что получает все большее распространение комбинированный тип авторского словаря – лексико-фразеологический. Таковым, например, является «Поэтический словарь Ф.И. Тютчева», составленный А.Л. Голованевским (ПСТ), в котором в словарных статьях, наряду с лексическими значениями, также выявляется семантика ФЕ. Это издание продолжает лучшие традиции отечественной толковой и авторской лексикографии [Голованевский 2009: 10-11].

Но наличие комбинированных лексико-фразеологических авторских словарей не означает, что они могут в полной мере заменить фразеологические словари этих авторов. Они необходимы и потому, что могут предста-

вить полноценную характеристику всех типов ФЕ исследуемых авторов, так как словари комбинированного типа все-таки больше внимания уделяют подаче лексического материала, а ФЕ служат в них своего рода вспомогательным материалом. Считаем, что специализированные словари имеют большую ценность, чем комбинированные, именно они позволяют проследить развитие тех фразеологических процессов, которые происходят в языке.

Обратим внимание в связи с этим на изданный в 2011 г. в Киргизии «Фразеологический словарь М. Цветаевой», подготовленный Н.М. Шевченко (Шевченко 2011). Как известно, еще в 1996-2004 опубликован «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», составленный И.Ю. Беляковой, И.П. Оловянниковой, О.Г. Ревзиной. В Словаре Н.М. Шевченко около 800 фразеологизмов. Общий список фразеологизмов (в широком понимании) достигает 3000 единиц. Краткая характеристика этого словаря дана З.Д. Поповой, которая полагает, что на основе подобных словарей можно ставить и изучать разные проблемы фразеологии, например: механизм порождения и функционирования фразеологизмов, «человеческий фактор» в языке и др. [Попова 2012: 392].

Выделенные Н.М. Шевченко индивидуально-авторские фразеологизмы становятся предметом пристального внимания З.Д. Поповой, заявляющей: «Обращение к поисковой системе Яндекс показало, что судьба фразеологизмов, которые Н.М. Шевченко определила как индивидуально-авторские, была весьма причудливой» [Попова 2012: 393]. Дело в том, что Н.М. Шевченко определяет языковой или авторский характер ФЕ, исходя из наличия или отсутствия их в опубликованных фразеологических словарях. Такой подход к пониманию индивидуально-авторских фразеологизмов, конечно, неприемлем. Убедительным аргументом при выделении авторских фразеологизмов могут послужить ныне существующие электронные базы данных, фиксирующие единицы фразеологического характера во всех контекстах русского языка (охватывая различные сферы языка и функциональные стили). Так, «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) представляет собой инфор-

мационно-справочную систему общим объемом более 500 млн. слов, включающую собрание русских текстов в электронной форме. Обращение к НКРЯ может снять некоторые сомнения в квалификации рассматриваемых ФЕ.

Накопление и, как следствие, познание языковых ресурсов реализуется за счет аккумулятивной функции. Лексикография, являясь специфической областью лингвистики, во многом развивается стихийно, поскольку словари подчиняются разным целям и обладают тематическим и структурным разнообразием.

Выводы

Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина сформировалась в русском языкознании в 40-х гг. XX в. Огромная заслуга в ее формировании и развитии принадлежит академику В.В. Виноградову, в трудах которого на основе положений Ш. Балли была разработана структурно-семантическая классификация русской фразеологии, поставлен вопрос о ее объеме и задачах. В связи с осмыслением основных положений трудов В.В. Виноградова в центре внимания исследователей становятся вопросы, определяющие специфику ФЕ, разграничение и сближение функций ФЕ и самостоятельного слова или словосочетания, структуры ФЕ, некоторые другие вопросы. Большинство (но не всеми в полной мере) лингвистов признано, что основными признаками ФЕ являются воспроизводимость, мотивированность, идиоматичность, устойчивость структурно-семантического состава. И все-таки названные признаки осмысливаются не как жестко привязанные к ФЕ, а относительные, так как они могут сближаться то с отдельным словом, то со свободным словосочетанием. Многие лингвисты подчеркивают это диалектическое противоречие.

Хотя ФЕ обладают собственной семантикой, не совпадающей с семантикой входящих в них лексем, но их компоненты не полностью семантически опустошены. Мера их семантической, как было показано в трудах В.П. Жукова, зависит во многом от структуры фразеологизма. ФО в подав-

ляющем большинстве случаев обладают положительными или отрицательными коннотациями, поэтому всегда являются стимулом для эмоциональной реакции получателя информации.

В процессе исследования фразеологической системы русского языка выделились отдельные направления и сформировались подходы изучения. Центральным направлением, определившим развитие ряда других, мы признаем условно названное структурно-семантическое, основателем которого является академик В.В. Виноградов, а также возникшие на его базе когнитивно-концептуальное, трансформационное направления и, как следствие, авторская фразеология.

Исследования, посвященные авторской фразеологии, появились сравнительно поздно. Вопрос о разграничении языковых и авторских фразеологизмов до сих пор не имеет однозначного ответа в научной литературе. Теория авторской фразеологии тесно соприкасается с общей фразеологией, но в авторской фразеологии исследуется, по возможности, полный фразеологический состав конкретного писателя. В связи с этим особо значимы исследования Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева и др.

Важным этапом в развитии авторской фразеологии стало появление наряду с многочисленными трудами общего и частного характера такого издания, как «Поэтическая фразеология Пушкина» А.Д. Григорьевой и Н.Н. Ивановой. В этой монографии особое внимание уделяется источникам, на базе которых формируется авторская фразеология, и важнейший из них, по-нашему мнению, – перифрастические или описательно-метафорические сочетания.

В конце XX – начале XXI вв. развитие фразеологического учения активно продолжается. Языковое строительство диктует условия фиксирования и накопления знаний, поэтому аккумулятивная функция проявляется также в лексикографировании, то есть теории и практике составления словарей. Фразеология располагает достаточным количеством изданий, отслеживающих

семантику, структуру, парадигматические отношения и другие характеристики ФЕ.

Авторская фразеология по мере своего развития одновременно расширяет и свою лексикографическую базу, порождая новые типы словарей. В настоящее время существует множество наработок, посвященных языку одного автора. А наряду с фразеологическими словарями общего типа огромную ценность представляют фразеологические словари устойчивых выражений (пословиц, поговорок, крылатых слов), афористические словари, авторские фразеологические словари.

Таким образом, общая фразеология русского языка является плодотворной почвой для развития авторской фразеологии, а фиксирование данных знаний происходит благодаря развитию общей и авторской лексикографии, что дополняет лингвистику новыми знаниями смежных дисциплин.

ГЛАВА 2.
ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЭЗИИ
Ф.И. ТЮТЧЕВА

§ 1. Фразеологическая система языка в структуре языковой
личности Ф.И. Тютчева

1.1. Место фразеологической системы языка в структуре
языковой личности

В современной лингвистике сложились разные подходы к изучению и характеристике картины мира. Так, С.Г. Тер-Минасова выделяет три основных взаимосвязанных формы: реальную, культурную (понятийную) и языковую картину мира [Тер-Минасова 2000].

Понятие «языковая картина мира» Н.Ю. Шведова трактует как «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей, представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999: 15]. Дополняют такой подход к языковой картине мира теоретические разработки других филологов [Болотнова 1992; Серебренников 1988; Яковлева 1994].

Фразеологическая картина мира является неотъемлемой частью языковой, а фразеологическая система языка углубляет, расширяет, специализирует, маркирует лексическую систему. С проникновением в сущность фразеологизма как в самостоятельную структурно-семантическую единицу языка, отличающуюся как от индивидуальной лексической единицы, так и от сво-

бодного словосочетания, становится понятно, что эти единицы должны занимать особое место в структуре языковой личности.

Термин «языковая личность» (ЯЛ) наиболее полно разработан в отечественной лингвистике в трудах Ю.Н. Караулова: «Русский язык и языковая личность» [Караулов 2004]; «Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности» [Караулов 2006]; «Лингвокультурное сознание русской языковой личности» (в соавторстве с Ю.Н. Филипповичем) [Караулов, Филиппович 2009].

По Ю.Н. Караулову, структура ЯЛ складывается из трех уровней – вербально-семантического (лексикон), лингво-когнитивного (тезаурус) и мотивационного, или уровня деятельностно-коммуникативных потребностей (прагматикон). Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц. Это положение автор развивает неоднократно в ряде работ, посвященных в основном авторской лексикографии. Для нас важно, как в представлении Ю.Н. Караулова распределяются по уровням языковые единицы – слово, менее слова, более слова.

Наряду со словом во всех его проявлениях, к первому, вербально-семантическому, уровню относится словосочетание как единица, наиболее приближенная по форме и значению к слову, и значимая часть слова – морфема. Второй, лингво-когнитивный, уровень характеризуется обобщенными единицами (понятия, крупные концепты, идеи и проч.). Как отмечает Ю.Н. Караулов, «в качестве стереотипов на этом уровне выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках...». Прецедентные тексты Ю.Н. Караулов включает в состав третьего, мотивационного, уровня, наряду с разного рода оценками, предпочтениями, способами аргументации [Караулов 2004: 48-55].

Следовательно, анализируемая в диссертации авторская фразеология и афористика характеризует второй уровень ЯЛ Ф.И. Тютчева, а прецедентные тексты, которые по отдельным признакам (воспроизводимость, устойчи-

вость) сближаются с ФЕ, характеризуют, по Ю.Н. Караулову, третий уровень ЯЛ поэта. Нам представляется, что прецедентные тексты, которые структурно и семантически сближаются с пословицами, поговорками, крылатыми словами, можно рассматривать и как единицы лингво-когнитивного уровня.

Таким образом, при исследовании фразеологии, афористики, паремий, прецедентных текстов в творчестве любого автора исследователю предоставляется возможность показать глубинные основы ЯЛ на втором и третьем уровнях, не оставляя в стороне и элементы первого уровня – слова, значения, синонимы и др., поэтому, обращаясь уже к Л.В. Щербе, заметим, что на лексико-фразеологическом уровне ЯЛ проецируется на все три элемента его триады: речевая деятельность (говорение и понимание) – языковая система (словарь и грамматика) – языковой материал (тексты) [Щерба 1974: 26].

1.2. Место фразеологической системы в художественном методе

Ф.И. Тютчева

В структуре ЯЛ Ф.И. Тютчева особую роль играет его поэтическая фразеология, являющаяся значимым фрагментом фразеологии русского языка XIX века и современности, в определённой мере обладающей «переинтерпретацией» и «непрозрачностью» ФЕ (ФОСРЯ: 7). Данные характеристики связаны с авторским дефинитивным переосмыслением узуальных фразеологизмов или фиксацией в поэтических контекстах окказиональных единиц. Проблемы авторской фразеологии художественного текста во многом зависят от исследовательского взгляда на фразеологизмы, подразделяющиеся на три крупных блока: идиоматику, идиофразеоматику, фразеоматику. Ряд вопросов решается благодаря активным разработкам в области общей фразеологии. К новейшим изданиям по данной теме относятся, например, «Аспекты теории фразеологии» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского (2008 г.); «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной (2010 г.); «Многоязычный словарь современной фразеологии» Джанни Пуччо

(2012 г.); «Основы фразеологии» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского (2013 г.) и др.

Изучение тютчевской фразеологии в рамках его поэтики представляется интересной областью исследования, поскольку к настоящему времени нет фундаментальной работы, где полно представлен массив поэтических фразеологизмов Ф.И. Тютчева в широком понимании данного языкового явления, то есть фразеоматика, хотя существует ряд наработок, посвященных фразеологизации тютчевских стихотворных контекстов. А *контекст*, по Н.Н. Амосовой, представляет собой «сочетание семантически реализуемого слова <...> с указательным минимумом» [Амосова 1963: 28].

Поэзия Ф.И. Тютчева остается востребованной, несмотря на смену времен и трансформацию социума. Индивидуальный стиль, или идиостиль [Виноградов 1959: 169; Григорьев 1983: 56-58], Тютчева проявляется прежде всего, в постоянном присутствии оппозиции «Бытие – Небытие», о чем пишут некоторые исследователи, например Л.В. Пумпянский, Ю.М. Лотман и др. [Лотман 1990: 110-111; Пумпянский 1928].

С самого начала творчества Ф.И. Тютчев заявил о себе как яркий представитель поэзии философской, в которой мысль, по замечаниям Н.Я. Берковского, при всей ее обобщенности, никогда не рисует отвлеченных образов, всегда тесно переплетается с душевным или природным началом, неотступно следуя за ним [Берковский 1987: 11-18]. Эта особенность тютчевской лирики служит благодатной почвой для создания фразеологизмов и афоризмов. Единицы данного уровня, относящиеся к «категориально релятивной семантике», представляют собой, как уже было сказано, относительно самостоятельную систему языка и имеют тесные связи, неразрывные отношения друг с другом и с единицами иных языковых уровней [Шиганова 2002: 3-7]. Как и любой знак языка, фразеологизмы обладают номинативной функцией, но ведущей, безусловно, является экспрессивно-коммуникативная [Алёшечкина, Пекарская 2012: 11], поскольку «для выражения чисто денотативного плана существуют другие языковые средства» [Кунин 1967: 147].

Тютчеведение занимает достаточно устойчивые позиции в современной филологии благодаря активным исследованиям отечественных филологов [Лотман 1990, 1996; Пигарев 1978; Петров 1992; Самочатова 1981; Голованевский 2006, 2009, 2011, 2012, 2013; Седова 2008; Чагин 1996].

По нашим данным, в поэзии Ф.И. Тютчева насчитывается 509 фразеологизмов, вычлененных посредством сплошной выборки из тютчевских стихотворных текстов, которые, как и другие единицы языка, могут быть подвергнуты разным классификациям в свете различных аспектов и подходов по формальным и содержательным признакам, с точки зрения материального и идеального, иерархически и тематически.

В настоящей работе используется полевой метод анализа ФЕ. Существуют такие ФО, которые могут относиться к разным семантическим полям, благодаря своим коннотациям, структуре, семантическим связям и аналогиям. По мнению Й. Трира, «для теории поля... язык представляет собой замкнутый целостный континуум», являющийся целостной системой, расчлененной на отдельные упорядоченные компоненты. Метод поля, наряду с иными структурными методами (оппозицией, комбинаторикой, дистрибуцией, трансформацией и др.), позволяет изучать языковые явления с позиций структурной семантики [Караулов 1976: 7-19].

Фразеологическая система поэзии Ф.И. Тютчева в современном языковедении изучена слабо и нуждается в последовательном углубленном исследовании и детальных проработках отдельных вопросов.

Настоящая диссертация ставит перед собой цель как можно шире представить структурно-семантический аспект фразеологической картины мира Ф.И. Тютчева, поэтому не представляется возможным подробно охарактеризовать все фразеологизмы его поэзии. В сферу внимания попадают единицы с различной степенью узуальности / окказиональности (в том числе пограничные явления, связанные так или иначе с субъективным восприятием), а также авторские преобразования языковых ФО, например:

1) ФЕ, зафиксированные в словарях: *бить челом, бог с тобой, злоба дня, на краю земли, опустить руки* и др.

2) ФЕ, не зафиксированные в словарях: *бог Вахх, Британские воды, дух вольности, небесный лев, сонм верховный* и др.

3) Трансформированные ФЕ: *брать дань* (ср.: *брать барьер, брать напрокат, брать в долг, брать налог, штраф, пошлину и т.п.*); *сорваться с уст* (ср.: *сорваться с языка*); *держатъ возжжи* (ср.: *держатъ себя на возжжах*); *сомкнуть вежды* (ср.: *не смыкать глаз*) и др.

Самого широкого понимания авторской фразеологии, включая единицы идиоматического, метафорического, перифрастического, афористического характера, мы придерживаемся вслед за такими учеными, как Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев [Шанский 1969; Шмелев 1973, 1977].

Во фразеологических исследованиях Н.М. Шанского отмечается, что объем фразеологии в большинстве своем определяется по принципу номинативности / коммуникативности единицы, ее извлечения из памяти в готовом виде или возникновение в процессе общения. К фразеологическим оборотам филолог относит также «лексикализованные словосочетания терминологического характера» (*кесарево сечение, железная дорога, белый гриб, фрикативные звуки, политическая экономия* и др.). На основании свойства воспроизводимости Н.М. Шанский подчеркивает, что ФЕ от свободных словосочетаний отличает не «материальная, внешняя, “лицевая” сторона, а внутренняя» [Шанский 1969: 3, 86-89].

Д.Н. Шмелев говорит не только о разной структуре ФЕ, формально соотносимой практически со всеми типами словосочетаний и предложений, но и об *индивидуальности* семантики и синтаксической функции каждого конкретного ФО. Между фразеологическими конструкциями и совпадающими с ними свободными словосочетаниями наблюдаются «функциональные соотношения», в основе которых часто лежит метафоричность, «отвергнутая в качестве определяющего признака» многими словарями. Фразеология с ее «широким пониманием» во многих исследованиях является «неоднородной

областью языкознания», представленной «всевозможными устойчивыми сентенциями, образными речениями, экспрессивными перифразами, поговорками и т.д.». В связи с этим «вряд ли имеет смысл говорить о правильном и неправильном понимании природы фразеологизма». А выделенные словарями фразеологизмы в качестве таковых часто не лишены субъективизма в оценке и не всегда отобраны на основании заявленных «категориальных признаков фразеологизмов». Согласимся также с Д.Н. Шмелевым и в том, что мотивированность фразеологизма через исходное словосочетание «никогда не стирается настолько, чтобы последний превратился полностью в “внесловное” образование». Поэтому степень мотивированности – немотивированности ФО является важным, но не решающим критерием отбора фразеологического материала [Шмелев 1977: 292-293, 300-302].

Множество точек зрения на объем фразеологии позволяет ученому утверждать, что одной из самых актуальных задач представляется определение самого понятия «фразеологической связанности», основанного на явлениях мотивированности, детерминированности, взаимозависимости и, в частности, важнейшем, по мнению Д.Н. Шмелева, признаке деривационной связанности значения. Изобразив парадигматические, синтагматические, деривационные значения ФО в виде пересекающихся сфер, исследователь создал универсальную схему определения фразеологичности единиц. Им намечено семь типов фразеологической связанности.

Приведем конкретные примеры функционирования в поэтическом идиоме Ф.И. Тютчева ФЕ с различными типами фразеологической связанности, представленными Д.Н. Шмелевым [Шмелев 1977: 310-320].

I парадигматическая связанность (П) (бог с вами, вверх дном, вести беседу, жизненная дорога, божья роса, Черное море и др.):

- принадлежность к разным лексическим парадигмам (не обязательно соответствие конструктивной формуле);
- отсутствие семантической нерасчленимости, наличие определенного места в лексической «матрице»;

- функционирование на уровне лексической парадигматики, различная парадигматическая обусловленность.

II синтагматическая связанность (С) (вливать душу, вложить меч в ножны, воспретить путь, во время о'но, глас вопиющего в пустыне и др.):

- детерминированная связь между компонентами словосочетания, их зависимость от лексического окружения;

- лексическая (но не синтаксическая) связанность;

- растворение частного значения компонента в целостности семантики всего словосочетания, но сохранение потенциальной способности «к разрушению своих синтагматических ограничений» и функционированию в новых контекстах.

III деривационная связанность (Д) (верить глазам, вседвижущий перст, будить (пробудить) от заколдованного сна, на тонком волоске висеть, в душевной глубине и др.):

- контекстуальная обусловленность, фразеологическая связанность компонентов словосочетания в связи с их полисемией;

- лексическое (но не семантическое) ограничение употребления в строго определенных словосочетаниях;

- индивидуальная мотивированность и внутренняя форма компонентов словосочетания при отсутствии совокупной семантической мотивированности, что сближает их с единицами лексики;

- частичная мотивированность всего оборота, опосредованное отношение к первоначальному значению;

- возникновение значения ФО на «мнимой возможности его буквально-го понимания».

Последний признак, по Д.Н. Шмелеву, является решающим, позволяющим многие авторские фразеологизмы квалифицировать как таковые. Учитывая, что парадигматические, синтагматические и деривационные значения языковых единиц тесно взаимосвязаны, ученый подчеркивает наличие ком-

бинированных типов фразеологических сочетаний, возникших на пересечении основных:

IV П + С: брат по крови, бить в бубны, божья благодать, Новый год, Альпийские горы и др.

V П + Д: бить челом, борец ветхозаветный, выпал жребий, година обновленья, в стары годы, Эдемские врата и др.

VI С + Д: втоптать в грязь, Христово воскресенье, вызвать из жизни, сгибать выю, вырвать (вырывать) с корнем (вон) и др.

VII П + С + Д: аристократия светил ночных, в крови до пят, бросить во прах, вознестись на высшую ступень, говорить стихами и др.

Данная схема при возможных неточностях классификации фразеологизмов обладает существенным преимуществом – широкий охват материала без установления ложно-априорного «единого критерия» определения фразеологического статуса [Шмелев 1973: 259-273].

Подход Д.Н. Шмелева ценен для нас при исследовании уникального явления поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева, часто граничащего с наличием переносного лексического значения у словосочетаний, то есть метафоричностью и перифрастичностью.

§ 2. О принципах классификации лексико-фразеологического материала литературного языка и авторских текстов

Словарный состав языка может быть охарактеризован в связи с различными семантико-тематическими классификациями, представленными в семантических, тематических, идеографических словарях. Лексико-семантическая парадигматика обладает рядом специфических объединений на уровне слов (фразеологизмов) и их лексико-семантических вариантов. Взаимодействия интегрально-дифференциального характера семных композиций в семантической структуре слова реализуются за счет различных парадигм, количество которых колеблется в научной литературе.

Опираясь на данные учебных пособий по современному русскому языку [Диброва 2001: 233-269], [Лекант 2000: 22-33], [Новиков 2003: 170-172], выделим следующие виды парадигм: *тематическая парадигма (группа, ряд) (ТП)*, *лексико-семантическая группа слов (ЛСГ)*, *гиперо-гипонимическая парадигма (родо-видовая) (ГГП)*, *омонимическая парадигма (ОП)*, *синонимическая парадигма (СНП)*, *антонимическая парадигма (АП)*, *семантическое поле (СП)*, *ассоциативно-семантическое поле (АСП)*. Некоторые ученые, например П.А. Лекант, Е.И. Диброва и др., выделяют *лексико-стилистическую парадигму*, образованную в художественных текстах на базе ТП, ЛСГ и ГГП.

Все приведенные языковые группировки, обладая интегральными и дифференциальными признаками, подчинены различным собственно лингвистическим или экстралингвистическим (внеязыковым) целям. ТГ отражает понятийную, то есть смысловую, интеграцию языковых единиц в характеристике самой действительности. Объединение элементов, выраженных в словесной форме, на основе существующих реалий, понятий и явлений окружающего мира позволяют некоторым ученым не относить ТГ к образованиям лексической системы.

Объединение языковых единиц в ЛСГ основано на соотношении слов по их семасиологическим признакам, то есть с опорой на лексическую семантику. ГГП представляет собой иерархическую взаимосвязь слов родового понятия (*гиперонима*) и слов видовых понятий (*гипонимов*). Данное объединение опирается на ТГ и ЛСГ.

СП – это самая обширная ономазиологическая и семасиологическая организация слов с иерархической, сферической структурой, отличающаяся наличием ядра, центра, периферии, фрагментов и отсутствием парадигматических характеристик. СП определяется Ю.Н. Карауловым как «совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими

отношениями», «собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка» [Караулов 1976: 25-27].

Экстралингвистические факторы языка, способствующие возникновению в сознании говорящего и/или слушающего набора понятий и значений, сопутствующих употреблению того или иного слова, а также «языковая способность человека», создают круг ассоциативных связей, которые объединяют словесные воплощения данных смысловых конструкций в АСП. На базе ассоциативных принципов психолингвистические «словостимулы» и «ассоциаты» (реакции на лексемы) в совокупности создают ассоциативно-вербальные сети, учение о которых подробно разработано Ю.Н. Карауловым [Караулов 1993; Караулов 2006].

Лексическая семантика предполагает выделение двух взаимосвязанных и разнонаправленных аспектов: от плана выражения к плану содержания (от формы к значению) – *семасиологию*, от плана содержания к плану выражения (от значения к форме) – *ономасиологию*. В исследовании тютчевского материала нами будет использовано оба принципа: семасиологический и ономасиологический. В первом случае мы идем от тютчевских ФЕ к толковым словарям, во втором – от тематических словарей к тютчевским ФЕ.

Наиболее общим понятием при объединении единиц фразеологического характера представляется *семантическое поле (СП)* как структура, лингвистическая и экстралингвистическая одновременно. Широкий подход к изучению фразеологии в нашем исследовании предполагает анализ как единиц номинативного типа (собственно фразеологизмов), так и единиц предикативного типа (афоризмов), поэтому распределение фразеолого-афористического материала по СП отражает языковое и смысловое (понятийное) содержание.

Ограниченный объем диссертационного исследования не позволяет охарактеризовать ФЕ с точки зрения всех (или большинства) существующих классификаций. Основным методом характеристики фразеологической картины мира Ф.И. Тютчева мы избрали распределение всех фразеологизмов по двум семантическим полям («Человек» и «Природа») на основе «Тематиче-

ского словаря русского языка» под редакцией В.В. Морковкина [ТСРЯ]. Полное представление о поэтических фразеологизмах Ф.И. Тютчева как элементах языковых СП отражено в *Приложении I* к данной работе. Перечень всех тютчевских ФЕ приведен в позиционном соответствии с выделенными в поэзии Тютчева СП.

Выводы

Пополнение фразеологического фонда языка происходит во многом за счет художественных текстов. А языковая картина мира любого автора напрямую связана с его языковой личностью.

Языковая личность Ф.И. Тютчева проявляется в оппозициях и тождествах его стихотворений, в том числе на фразеологическом уровне, а широкий взгляд на фразеологию в структуре языковой личности позволяет включить в диапазон рассмотрения множество различных сочетаний слов со связанной семантикой, относящихся, по Ю.Н. Караулову, к лингвокогнитивному и мотивационному уровням.

Поэзия Ф.И. Тютчева в рамках его фразеологической картины мира представляется обширной областью исследования, а возможности существующих подходов и методологий при анализе языкового материала позволяют наметить основные тенденции и пути решения поставленных задач. Благодаря многообразию имеющихся в современной лингвистике классификаций ФЕ рассматриваются с разных сторон и аспектов.

В данном исследовании расставлены различные акценты при типологических характеристиках тютчевской фразеоматики с точки зрения структуры, семантики, маркированности, употребления в художественной литературе и узуальной лексикографии, функционально-прагматической природы, вариативности ФЕ. В поле зрения попадают фразеологизмы, зафиксированные в словарях и не отраженные в них. Фразеологичность единиц в поэзии Ф.И. Тютчева определяется с опорой на научные труды Н.М. Шанского,

Д.Н. Шмелева, которые придерживаются широкого подхода к фразеологии и говорят о «лексикализации словосочетаний» и типах «фразеологической связанности» сочетаний слов.

На основании теоретических выкладок разнообразных подходов к семантико-понятийному делению языкового материала на тематические парадигмы, лексико-семантические группы слов, гиперо-гипонимические парадигмы, омонимические парадигмы, синонимические парадигмы, антонимические парадигмы, семантические поля, ассоциативно-семантические поля признано, что самым общим понятием при группировке ФЕ можно считать семантическое поле.

В соответствии с классификацией «Тематического словаря русского языка» под редакцией В.В. Морковкина вся поэтическая фразеология Ф.И. Тютчева делится на два семантических поля – «Человек» и «Природа», в которых отражается индивидуально-авторский подход к интерпретации действительности на уровне фразеологии.

ГЛАВА 3.

ФРАЗЕОЛОГИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА В СВЕТЕ ЕГО ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ «ЧЕЛОВЕК» И «ПРИРОДА»

§ 1. *Человек и Природа* в поэзии Ф.И. Тютчева как отражение его философских взглядов

Поэзии Ф.И. Тютчева присущи специфические образы, колорит, чувственность. Парадоксальность этой лирики заключается в том, что при видимой простоте она содержит в своем подтексте сложную когнитивно-перцептивную базу. Многие исследователи говорят об особом поэтическом языке Ф.И. Тютчева, подразумевая его архаичность, космичность, философичность, одичность [Голованевский 2012б]. В связи с этим к творчеству поэта в разные времена обращались философы, писатели, поэты, литературоведы, критики (В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Н. Бердяев и др.).

Крупные семантические пространства, сконцентрированные вокруг ядерных понятий «Человек» и «Природа», организуют в общей языковой картине мира концептуальные комплексы, включающие обширный лингвистический потенциал. СП «Человек» и «Природа» в поэзии Ф.И. Тютчева выходят на диссертационный уровень при изучении авторской метафоры (например работа Н.А. Гуриченко [2005]). Лингвокультурологическому комплексу «Человек – Природа» посвящено исследование С.А. Кошарной применительно к русской языковой картине мира [Кошарная 2003]. Непосредственно по тютчевской фразеологии нам не известны крупные исследования, поэтому наш материал даст возможность сопоставить, как реализуются фразеологизмы и метафоры в структуре семантических полей поэзии Ф.И. Тютчева.

Поскольку человеческие ум и душа являются неизбежным отражением «Мировых Ума и Души», считается возможным «для человека познание истинно-высшего мира» [Казакова 2010: 74]. Обычно тютчевский мир изящен,

полон света и весны, но бывает и темен, неприветлив. Л.Н. Толстой видел гениальность лирики Ф.И. Тютчева в первую очередь в «умении взглянуть на жизнь с философской высоты», так как для него (Л.Н. Толстого) «мир есть что-то бесконечное и непонятное», а жизнь человека ему представляется «непостижимой частью этого непостижимого “всего”» [Эйхенбаум 2006: 178]. Философичность и таинственность поэтического мира Ф.И. Тютчева распространяется в полной мере на его фразеологию, так как «в когнитивной парадигме фразеологизм понимается как микротекст, структурирующийся в ходе интерпретации носителем языка всех типов семантической информации фразеологизма в семантическом пространстве культурного знания, принадлежащего субъекту речевого общения» [Гранкина 2012: 54].

Как замечают исследователи поэтического языка Ф.И. Тютчева, его привлекал «свет из тьмы», в душе у него, по словам А.А. Фета, горел «огонь, сильней и ярче всей Вселенной», «светить было его внутренней потребностью», по мнению критика Т.И. Райнова [Райнов 1923: 65]. Сложность парадигматических отношений в области фразеологического изображения мира в лирическом пространстве Ф.И. Тютчева, как отмечает в своих работах Д.Н. Шмелев, при видимой семантической и структурной простоте единиц связана также с тем, что некоторые значения в зависимости от разных позиционных условий могут то сближаться друг с другом, то отграничиваться друг от друга [Шмелев 1973: 77].

Лирика Ф.И. Тютчева во многом сохраняет в себе особенности предыдущих эпох, к примеру, идущей из античности традиции «видеть в земле и воздухе, огне и воде (у Аристотеля, например) первоэлементы, образующие жизнь вообще; традиции, продолженной до него романтиками (Байрон, Шелли, М.Ю. Лермонтов и др.)» [Нагуманова 2003: 156].

Поэтическое пространство в стихийно-антропоморфном восприятии Ф.И. Тютчева пронизано светом. Данный постулат характеризует в полной мере постоянно присутствующую в поэтическом мире Ф.И. Тютчева оппозицию Человек – Природа. В стихотворениях исследуемого автора преоблада-

ют объективные, пейзажные черты, а лирический герой – это прежде всего созерцатель природы, глазами которого и видится *светлый* фразеологический образ *матери-Земли*, поскольку «свет – первое условие жизни по Тютчеву» [Касаткина 1969: 19-21]. «Природа бесконечна, а люди преходящи и смертны», – писал Паскаль. Но они, не задумываясь над этой бесконечностью, дерзко пытаются познать все природные тайны, словно способны хоть в чем-нибудь с ней состязаться, будто человек, включая два начала (душу и тело), в состоянии понять то, «в чем нет души и что не может говорить каждому понятным для него языком» [Ларошфуко, Паскаль, Лабрюйер 1974: 122-126, 169]. Иного мнения придерживается Руссо, который бессознательно возражает, говоря в сочинении «Эмил, или О воспитании» о «великой и возвышенной книге» природы, единственной, открытой «всем очам», говорящей «языком, понятным для всех умов» [Руссо 1981: 369]. И Ф.И. Тютчеву, создающему такие неповторимые стихи о природе и человеке, «была ведома притягательная сила этих слов Руссо» [Кузина 2001: 19].

В интерпретации Ю.М. Лотмана, тютчевские Человек и Природа противостоят и взаимодействуют друг с другом и внутри себя во всех проявлениях: света и тьмы, «Бытия – Небытия», реальности – ирреальности, «сознательно индивидуального и бессознательно стихийного», упорядоченного мира и хаоса. В поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева, как и во всей его поэзии в целом, постоянно сквозят антитезы земного и небесного, «западного» и «славянского», расширяющегося и сужающегося времени и пространства. На уровне философичной фразеологии происходит общение между «природой человеческой души» и «природным хаосом», «разумным началом человека» и «разумом природы».

Основой антиномии «Человек – Природа» в поэтической философии Ф.И. Тютчева является причастность ко времени и истории первого и полное абстрагирование от времени и истории второй, вечная красота и самоценность природы противостоит суетным бессмысленным проживаниям людьми своих исторических эпох [Лотман 1990: 108-139].

«Время» и «Пространство» в лирике Ф.И. Тютчева довольно подробно исследованы И.О. Ключевой в кандидатской диссертации «Пространственно-временная семантика оригинальной и переводной поэзии Ф.И. Тютчева» [Ключева 2012], частично и на фразеологическом уровне. А.В. Чичерин отмечает, что для тютчевской лирики течение времени не является основной характеристикой, как для динамических сцен в эпосе [Чичерин 1980: 163].

Философичность тютчевской поэзии отмечена различными учеными (Б.М. Козырев, Л.В. Пумпянский, М.Л. Гаспаров, Ю.М. Лотман, К.В. Пигарев, Ю.Н. Тынянов, В.Н. Топоров, А.М. Гаркави, Г.В. Чагин, Б.М. Эйхенбаум, В.Я. Брюсов [Козырев 1968; Гаркави 1981; Тютчевский сборник 1990; Брюсов 1975]), которые изучали вопросы «глубинной смысловой структуры» этих стихов как единого текста. Несмотря на постоянную оппозиционность Человека и Природы, Л.В. Пумпянский отмечает «непосредственное познавательное общение с природой» человека, что объединяет их в единое целое [Пумпянский 1928: 23].

Тютчевская поэтическая фразеология, как уже упоминалось, исследуется с опорой на ПСТ, узуальные словари, НКРЯ, анализ пушкинской поэтической фразеологии А.Д. Григорьевой и Н.Н. Ивановой (включающих сюда также перифрастические и описательно-метафорические сочетания фразеологического характера), работы Н.М. Шанского, схему фразеологической связанности Д.Н. Шмелева, позволяющие определить фразеологический характер выделяемых языковых единиц.

Следует учитывать, что в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева в силу ее метафоричности и уникальности авторского мировидения отмечается факт пересечения полей, то есть некоторые фразеологизмы (*сидеть на мели, как рак; змеиная мудрость; орел Екатерины* и проч.) можно рассматривать с разных семантических позиций в составе и СП «Человек», и СП «Природа». В работе об этом упоминается попутно при рассмотрении ФЕ, поскольку данному вопросу может быть посвящено самостоятельное исследование.

§ 2. Семантическое поле «Человек» в поэтической фразеологии

Ф.И. Тютчева

2.1. Тело и организм человека как денотативные компоненты поэтической фразеологической системы

Соматика в качестве лингвистической универсалии является интересным пластом языка, в том числе в составе ФЕ. Соматическая фразеология как русского, так и других языков, углубленно изучена в работах отечественных и зарубежных авторов (Ф. Вакк, И. Пете, Т.А. Бертагаев, Э.М. Мордкович, Э.В. Мамулия, Ю.А. Долгополова, Р.М. Вайнтрауб, А.Р. Попова [см.: Попова 2008, 2009, 2013] и др.). Некоторые исследователи (О.Н. Назаров, Н.И. Андрейчук, Л.В. Новикова, Н.Ф. Алефиренко и др.) склонны связывать обилие соматизмов-компонентов в структуре фразеологизмов как с экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами [Власова 1997: 7].

К настоящему времени в научной литературе обострился интерес к исследованию роли номинаций частей тела в языковой картине мира. Внимание лингвистов направлено не только на употребление соматизмов в прямой номинации в художественных текстах, но также на их функционирование во фразеологизмах. В данном случае мы, поддерживая точку зрения Г.Е. Крейдлина и С.И. Переверзевой, говорим о фразеологических соматизмах, то есть ФЕ, в структурно-семантическом составе которых обнаруживаются наименования телесного, или соматического, объекта [Крейдлин, Переверзева 2010: 46].

Несомненно, фразеология по своей сути уже интереснейший объект исследования, но ее ценность возрастает в несколько раз, когда речь идет о такой поэтической величине, как Ф.И. Тютчев, который является ярким представителем именно классического поэтического наследия, а «удивительный парадокс классической поэзии в том заключается, что она доступна всем до-

статочно грамотным людям, – и в то же время содержит некую тайну...» [Погорельцев 1995: 3].

Многообразие исследований, посвященных творчеству Ф.И. Тютчева, обычно затрагивает его фразеологию лишь попутно при решении более сложных задач. Непосредственно по теме нам известна лишь одна статья [Голованевский 2011: 71-80], в которой рассматриваются особенности употребления ФЕ с некоторыми соматизмами: *голова – глава, глаз – очи, рот, нос, шея – выя, рука*. Автором представлена структурно-семантическая характеристика фразеологизмов с соматическими компонентами в качестве семантического ядра ФЕ в своем составе, выявлены парадигматические связи и отношения (в основном, синонимические), указаны частотность и датировка употребления лексических средств в поэтических контекстах, на основе идиоматического материала выделены некоторые семантические группы.

Интересен тот факт, что в произведениях Ф.И. Тютчева соматизм «голова» выступает в прямой номинации, в поэтических текстах с ним не зафиксировано фразеологических соматизмов. Возможно, это связано с тем, что в большинстве случаев данная лексема в сфере своей синтагматики применительно к фразеологическому окружению приобретает негативные коннотации (*голова садовая; голова дырявая; голова идет [ходит] кругом; голову снять; на голову садиться* и др.) или относится к разговорной сфере с точки зрения функционально-стилистической принадлежности (*голова на плечах; голова [душа, сердце] горит; голова [котелок] варит; голова кружится (закружилась); выдать себя с головой; головой отвечать* и проч.) (СОШ, ФСРЯ). По-другому ведет себя в тютчевских контекстах архаизм «глава». Данная лексема имеет прочную поэтическую традицию, что способствует фразеологизации контекстов, в которых она используется. Например: «...В его *главе* – орлы парили, В его груди – змии вились» («Наполеон», с. 160). Это пример так называемого прецедентного текста, который можно рассматривать как фразеологический.

Соматизмы обычно характеризуют поведение тела в пространстве. Наиболее оптимальным подходом к изучению соматизмов в рамках ФО мы считаем *признаковый подход*, выделенный А.Д. Козеренко, Г.Е. Крейдлиным, поскольку он «предполагает описание целого ряда множеств», все те признаки, которые несут в себе новую информацию для описания человеческого тела, его составляющих как в состоянии покоя, так и в различных ситуативных проявлениях. В связи с этим выделяется три независимые группы признаков соматических объектов: *структурные, физические и функциональные* [Козеренко, Крейдлин 2011: 54-55].

В результате выборки тютчевских ФЕ с соматизмами в структуре был составлен предварительный перечень соматических компонентов в поэзии Ф.И. Тютчева (приблизительно 60 лексем), где русские и старославянские варианты представляются в качестве одной лексемы: *глава – голова, влас – волос, перст – палец* и др. (рассматривались только соматизмы человека). Из этих лексем-соматизмов около 20 образуют ФЕ, в которых они выступают в качестве семантического компонента. Проиллюстрируем сказанное на частных примерах.

О выделении основных типов соматических объектов говорят Г.Е. Крейдлин и С.И. Переверзева. Они классифицируют все соматизмы от общего к частному [Крейдлин, Переверзева 2010: 42–51]. Приведем статистические данные о соматических объектах, вычлененных из поэтических текстов Ф.И. Тютчева, в соответствии с упомянутой типологией: *тело (2 соматизма), части тела (11), части частей тела (17), органы (5), кости (1), телесные жидкости (4), места (4), отверстия (2), волосяной покров (6), чужеродные образования на теле (2)*.

В дополнение к приведенной классификации соматизмов мы предлагаем выделить также *свойства* человеческого организма: *глас (17) – голос (20); ум (22); душа (152)*. Последний соматический объект, согласно типологии Г.Е. Крейдлина и С.И. Переверзевой, можно также отнести, как и *сердце*, к *внутренним органам* человека (ср.: *душа [сердце] ноет [болит]*).

Соматизмы в стихах Ф.И. Тютчева, вступая во взаимодействие с другими лексемами и приобретая различные коннотации, создают оригинальные фразеологизмы, которые по этой причине часто не фиксируются фразеологическими словарями. Фразеологический характер данных авторских ФО определяется с опорой на материалы электронного ресурса (НКРЯ), работы Н.М. Шанского, схему фразеологической связанности Д.Н. Шмелева. В тексте диссертации дефиниции к таким единицам приводятся только по ПСТ.

Тело как соматический объект в поэзии Ф.И. Тютчева употребляется дважды. В его семантике подчеркивается, во-первых, функция тела – ‘Материальное вещество, придающее предметам определенную форму’ (ПСТ: 798): «Ту жизнь до дна – он иссушил, Что в дерево вливало душу, Давало тело бестелесным!» («А.Н. М<уравьеву>», с. 58). Во-вторых, тело как материальное, приземленное противопоставляется возвышенному: «Брала знакомые листы И чудно так на них глядела – Как души смотрят с высоты На ими брошенное тело...» («Она сидела на полу...», с. 198). В тютчевской поэзии не встречается ФО с данным соматизмом. Синонимичный *телу* соматизм *плоть*, четырежды зафиксированный в стихотворениях поэта, также не представлен в качестве соматического компонента в ФЕ («Британский леопард За что на нас сердит?», с. 274).

В русском языке для обозначения частей тела человека существует общее название – *члены*. У Тютчева в этом значении соматизм употребляется в двух контекстах: ‘1. Части тела мужского организма’ – «Возложишь не на одр растерзанные члены...» («На Новый 1916 год», с. 46). ‘2. Части тела женского организма’ – «Неопытно-младые члены Как сладко ум тревожат мой!» («Из Гейне», с. 133). Эти соматические объекты в поэзии Ф.И. Тютчева малочастотны и не участвуют в образовании идиоматических единиц.

Охарактеризуем наименования *частей тела* в составе ФЕ из поэтических текстов Тютчева по месту расположения (верх-низ). В образовании одного фразеологизма в оригинальной поэзии Ф.И. Тютчева участвует соматизм *выя – сгибать выю*: «...Умевший не сгибая выи, Царю быть другом до

конца» («На юбилей Н.М. Карамзина», с. 230). Это архаизм, имеющий современный аналог – «шея». При образовании данной ФЕ в значении ‘унижаться’ (ПСТ: 144) основополагающим фактором является функция скрепления данного соматизма. Этот фразеологизм, по неизвестным нам причинам, не фиксируется фразеологическими словарями (СОШ, СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ). Дважды встречается в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева соматизм *плечо*: *пожать плечами, совлечь с плеч* (см., например, стихотворение «Erite a l'Apote (От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мискиевича)», с. 149). Первый приведенный фразеологизм размещен во фразеологических словарях, другой – нет (СОШ, СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ).

Соматизм *рука*, а также устойчивые словосочетания и выражения с этим компонентом в составе семантического ядра, не обойдены вниманием исследователей. Например, ФЕ с соматизмом *рука* в тютчевском идиолекте представлены А.Л. Голованевским [Голованевский 2011: 71-80]. Автор иллюстрирует функционирование данного соматического компонента в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева, выделяет тематические группы среди имеющихся устойчивых выражений. Соматической фразеологии с компонентом *рука* в повести И.А. Бунина «Деревня» посвящено исследование А.Р. Поповой [Попова 2006].

Соматизм *нога* в авторских фразеологических текстах изучен слабо. В тютчевской поэзии нога (с частотностью употребления – 15) употребляется в основном в прямом значении – ‘одна из двух нижних конечностей человека’ (ПСТ: 439). Но в нескольких фразеологических выражениях подчеркивается именно нижнее положение ног в сравнении с передними конечностями – руками. Именно на этом основании используются фразеологизмы: *у ног, в ногах, сбиться с ног, присмиреть у ног*. В последних трех случаях можно обнаружить антонимические отношения, своеобразную противопоставленность активного движения и пассивной бездвижности. Но словари отмечают только ФЕ *сбиться с ног* в значении ‘движение, изменение местоположения; тщетные усилия’ (СТСРИ: 14), ‘разг. очень устать от беготни, хлопот’ (СОШ:

698). Заметим, что выделенная Словарем А.Л. Голованевского ФЕ *у ног* вычленяется из более крупной устойчивой единицы *присмиреть у ног* и имеет право функционировать как самостоятельный фразеологический элемент: «*У ног моих лежит прекрасный мир И, вечно вечереющий, смеется...*» – (Из «Фауста» Гёте), с. 116. Нижнее положение ног породило в языке и такие ФЕ, которые отражают социальную иерархию, вину и т.д. (*припасть к чьим-либо ногам*) или успокоение, смирение (*присмиреть у ног* – ‘стать покорным’): «И даже он – ваш дядя достославный, – Хоть всю Европу переспорить мог, Но уступил и он в борьбе неравной и *присмирел у ваших ног*» (<Н.С. Акинфьевой>, с. 221). Данный поэтический фразеологизм соответствует типу С + Д (по схеме Д.Н. Шмелева).

Внутри группы *части частей тела* соматизмы, участвующие в образовании фразеологизмов, вступают в гиперо-гипонимические отношения, обозначая части частей тела от общего к частному. Так, общим является *лицо–лик* (*сказать в лицо* – со значением общедоступной гласности сообщаемого, *с лица земли (земного)* – ‘исчезнуть’, *лицом к лицу* – ‘очень близко’, *лики ангелов* – ‘ангелы’ по отношению к соматизмам: *чело* (*бить челом, не дать принизиться челу*); *глаз-око* (*пропасть из глаз, хохотать в глаза, верить глазам, в моих глазах, в ее глазах; отворить очи*); *нос* (*нос приставить*). ФЕ с соматизмами *лицо* (кроме *лики ангелов*), *чело* (кроме *не дать принизиться челу*) и ФЕ *верить глазам, в [моих, ее] глазах* зафиксированы в узуальной лексикографии (СОШ, СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ).

Также общим является соматический объект *нога* (входящий в предыдущую группу, обозначая *часть тела*) по отношению к соматизмам *колени* (*на колена!*; *пасть на колени, клонить колени*), *стопа* (*под стопой*), *пята* (*в крови до пят*). Данные поэтические фразеологизмы Ф.И. Тютчева выделяются в соответствии с взглядом Д.Н. Шмелева на фразеологическую связанность компонентов ФЕ. В словарях находим *пасть на колени, клонить колени* (СОШ, СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ).

Соматический фразеологизм *хлопать ушами*, можно квалифицировать как относящийся к человеку и животному благодаря его поэтическому контексту: «В раздумье *хлопая ушами*, Стою, как Буриданов друг Меж двух стогов стоял, глаза: Который лакомей из двух?» – (Из Гейне), с. 133. Наблюдается пограничность семантики и некоторый синкретизм значения. В СОШ размещена такая дефиниция данной ФЕ: ‘ничего не делать тогда, когда нужно действовать’ (С. 845). В поэтическом тексте человек, который не в состоянии определиться со своим выбором, сравнивается с Буридановым ослом (*Буриданов друг*), который был обречен на голодную смерть, не зная, какую из двух равноудаленных охапок сена съесть в первую очередь. Принято считать, что это выражение принадлежит французскому философу-схоласту XIV в. Жану Буридану, хотя оно не встречается в его сочинениях и, возможно, было произнесено в устной форме. Подобные мысли высказывались Аристотелем и Данте (Ашукин 1955: 57).

Следующей группой соматических объектов являются соматизмы, обозначающие *органы*. Фразеологические образования в данном случае представлены следующими соматическими компонентами: *мозг* (*мозг в кости*: «...Кулак был из свинца, И богатырский *мозг в кости*» – «Приветствие духа» (Из Гёте), с. 88); *уста* (*сорваться с уст* (*сорвавшись с уст*), *смыкать уста* (*смыкает уста*): «Пощады нет, протесты нетерпимы, Их приговор *смыкает* всем *уста*» – «Две силы есть – две роковые силы...», с. 243). Архаичный соматизм «уста» является семантическим ядром двух ФЕ, вступающих в тютчевских контекстах в антонимические отношения (перед нами комплиментарные фразеологизмы-антонимы): *сорваться с уст* (*сорвавшись с уст*) - *смыкать уста* (*смыкает уста*). ФЕ *сорваться с уст* означает ‘внезапно, неожиданно для себя и других произнести какое-либо слово (слова), фразы’ (ПСТ: 862): «Но если вдруг живое слово *С их уст, сорвавшись*, упадет, ...О, как в нем сердце пламенеет!» («Живым сочувствием привета...», с. 147). Данная ФЕ в поэзии Ф.И. Тютчева образуется за счет контаминации путем объединения двух различных узуальных фразеологизмов: *сорваться* (*срывать*-

ся) с языка – ‘неволью, неожиданно, вдруг быть произнесенным. О слове, выражении и т.п.’ (ФСРЯ: 450) и *из уст кого, чьих* – ‘от кого-либо (узнавать, слышать и т.п.)’ (ФСРЯ: 498).

Соматизм *сердце* во многих ФЕ является образом-символом (*сердце истомилось, сердце поет, сердце изнывает, сердце гложет, сердце жалить, проникнуть как в сердце друга, растерзать сердце, России сердце, русские сердца, носить в сердце, иссохшее сердце, правда сердца, царь сердец*): «Опять вздохнут о горестной утрате Все честные, все *русские сердца*» («Памяти Е.П. Ковалевского», с. 240). Среди выделенных фразеологизмов большинство отражает в своей семантике душевные переживания, нравственные скитания человека. Другие метафорично изображают Россию. Так, ФЕ *России сердце* соответствует схема С + Д (по Д.Н. Шмелеву), а ФЕ *Русские сердца* – П + Д. ФО *царь сердец* употреблен для номинации исторического деятеля (Александра I) и в качестве вариативной единицы представлен в БАС (БАС 17: 558). Из приведенных ФЕ, относящихся к глагольному типу, в словарях представлены: *сердце поет, сердце изнывает, растерзать сердце, носить в сердце* (СОШ, СТСРЯ, ФОСРЯ, ФСРЯ).

Телесные жидкости в тютчевских стихотворениях представлены четырьмя соматическими компонентами, среди которых только соматизм *желчь* не представлен фразеологически. Большинство фразеологизмов образует соматизм *кровь* – *лить кровь, льется кровь, играет кровь, заструится кровь, стынет кровь, кипит кровь, скудеет кровь, вытекать кровью, служить кровью, исходить кровью, даваться кровью, брат по крови, в крови до пят, купаться в крови, собственной кровью, сосать кровь из жилы, тундра крови*: «И кто в избытке ощущений, Когда *кипит и стынет кровь*, Не ведал ваших искушений – Самоубийство и Любовь!» («Близнецы», с. 174). ФЕ с компонентом *кровь* могут, с одной стороны, обозначать такие состояния человека, как энергичность, силу духа, сильные страсти. В таких случаях *кровь играет, струится, кипит*. С другой стороны, посредством ФЕ с данным соматизмом изображается старение, утрата чувств молодости и т.п. Потеря

крови для человека – это его гибель. Отсюда и ФЕ с такой семантикой. К общеязыковым фразеологизмам в поэзии Ф.И. Тютчева из данной группы относятся *лечь кровь, льется кровь, играет кровь, стынет кровь, кипит кровь, даваться кровью, купаться в крови, исходить кровью, брат по крови, сосать кровь (из жилы)* (БАС, СОШ, СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ).

ФО создаются также при участии следующих соматизмов данной группы – *пот (в поте и пыли), слеза (глядеть сквозь слезы, расточать слезы, смочить слезами скорби, обливаться слезами, есть со слезами, лить слезы, признательная слеза, юдоль слез)*. Среди приведенных фразеологических выражений ряд фиксируется лексикографически: *обливаться слезами, в слезах, юдоль слез* (СОШ, СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ), другие выделены как ФО на основании схемы фразеологической связанности Д.Н. Шмелева.

Отверстия имеют в своем составе два соматизма – «морщина» и «рот». Первый не участвует в образовании фразеологизмов. Другой образует ФЕ узуального характера: *зажимать, зажать рот* (СОШ, СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ).

Следующей группой соматических объектов, по Г.Е. Крейдлину и С.И. Переверзевой, является *волосяной покров*. Внутри нее содержится только один соматизм, образующий фразеологизм, а точнее производная от него при помощи словообразовательного форманта -ок- лексема «волосок» (*на тонком волоске висеть*: «Там вечно будешь зреть секиру изощренну, *На тонком волоске висящу* над головой» – «На Новый 1816 год», с. 46). ФЕ *на волоске (висеть, держаться)* фиксируется практически всеми фразеологическими словарями (СТСРИ, ФОСРЯ, ФСРЯ) и имеет значение ‘находиться в очень ненадежном положении’ (СОШ: 95). Значение и контекстуальное оформление тютчевского фразеологизма обосновано усилением семантики стержневого компонента, обозначающего нечто хрупкое, за счет трансформации ФЕ (по Н.М. Шанскому): деривационные (суффиксальное словообразование) и лексические (расширение состава) процессы.

2.2. Эмоциональный мир человека

Оппозиционность души и тела, постоянно присутствующая в лирике Ф.И. Тютчева, противопоставляет соматическую природу человека чувственно-духовной. Эмоциональный мир человека является отражением его души. Как отмечает Л.В. Пумпянский, метафизичность тютчевской лирики заключает в себе тесное взаимодействие «смысловой души» и «реальности тела» [Пумпянский 1928: 19]. *Душа*, будучи широким понятием, выходит за пределы религиозной тематики и соотносится с соматическим объектом [Козеренко, Крейдлин 2011], что непосредственно отражается в стихах Ф.И. Тютчева.

Лексема *душа* многозначна, в своем первом значении изображает 'внутренний, психический мир человека, его сознание' (СОШ: 553), в других словарях приведены дефиниции типа 'внутренний орган, являющийсяместилищем чувств' (ФОСРЯ: 109, 166, 167). В классическом литературном наследии, отмечает Т.И. Клименко, находим: «загадочная русская душа», «русская правдивая и горячая душа» (И.С. Тургенев), «простая, честная и широкая душа» (А.Н. Толстой), «у русской души два начала: лежание и молниеносная деятельность» (В.О. Ключевский) и др. [Клименко 2000: 58]. В связи с этим образ-символ *душа* как объект художественной литературы представлен в различных научных исследованиях (см. работы [Константинова 2009; Шестакова 1999] и др.).

В стихах Ф.И. Тютчева лексема *душа* часто тождественна лексеме *дух*, может соотноситься с этимологически однокоренными словами *дохнуть*, *дышать* и др., что отмечается А.Л. Голованевским [Голованевский 2009: 78-79]. Это способствует созданию поэтических фразеологизмов. При отсутствии материала в используемых нами фразеологических и толковых словарях русского языка мы обращались к НКРЯ и схеме фразеологической связанности Д.Н. Шмелева за подтверждением фразеологичности той или иной единицы в тютчевской интерпретации.

С одной стороны, *душа*, наряду с *сердцем* (*душа* [*сердце*] *ноет* [*болит*]) [см.: Крейдлин, Переверзева 2010], может быть причислена к *внутренним органам* человека [Козеренко, Крейдлин 2011: 57-58]. С другой стороны, приведенную лексему можно рассматривать как соматический объект, относящийся вместе с соматизмами *голос*, *ум*, к *свойствам* человеческого организма.

Также можно говорить о духовно-соматическом комплексе ФЕ с компонентами *душа*, *сердце*, *кровь*. Это лексемы, которые в первую очередь воспринимаются как соматизмы. Но при включении потенциальных и коннотативных сем в их семантическое пространство происходит абстрактно-собирательное выражение психо-эмоционального состояния субъекта. ФЕ с компонентами *душа*, *сердце*, *кровь*, а в ряде случаев и с компонентом *ум*, в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева в разных контекстах сопоставляются, противопоставляются, сочетаются и т.п. Душа отождествляется с сердцем (а в иных случаях и с кровью) при взаимодействии денотативного и коннотативного значений данного соматизма (исследования [Демский 1970; Прядохин 1977; Копыленко, Попова 1989]), то есть когда происходит перекрещивание семантики духовного и телесного.

Статистические данные показали, что с приведенными компонентами в тютчевских стихах реализуется 55 ФО: «душа» (29), «сердце» (13), «кровь» (14). В поэзии Ф.И. Тютчева эти фразеологические обороты подвергаются формальной и содержательной авторской интерпретации. Исходя из классификации Н.М. Шанского (см. второй параграф первой главы), данные единицы мы систематизировали по наибольшему количеству признаков в сопоставлении с ФЕ, фиксирующимися словарями (БАС; СОШ; СТСРИ; ФОСРЯ), и друг с другом.

<i>Признаки</i>	<i>Душа</i>	<i>Сердце</i>	<i>Кровь</i>
Семантические коннотации ФЕ	<i>быть душой</i> <i>греть душу</i> <i>в глубь души</i> <i>всей душой</i> <i>от души</i>	<i>сердце ноет</i> <i>растерзать сердце</i>	<i>даться кровью</i> <i>купаться в крови</i>

	<i>душа ноет</i>		
Изменение лексико-грамматического состава ФЕ	<i>сила духа без души припасть душой вливать душу в душевной глубине дух упал оторвать душу потрясти душу</i>	<i>сердце изнывает</i>	<i>льется кровь кровь играет кровь кипит в крови до пят</i>
Изменение семантики или грамматических свойств ФЕ	<i>вынести душу тревожный дух душа с душой небесный дух дух нечистый / зло- счастный дух</i>	<i>носить в сердце</i>	<i>лить кровь кровь стынет</i>
Аналогия с узуальной ФЕ на базе структуры	<i>наводит на душу дух вольности дух свободы дух силы</i>	<i>сердце истомилось сердце гложет</i>	<i>скудеет кровь исходить кровью</i>
Фразеологизация поэтического контекста	<i>святилище души душу положить за други дух жизни душ светило русский дух русские души</i>	<i>сердце жалить проникнуть как в сердце друга России сердце русские сердца иссохшее сердце правда сердца царь сердец</i>	<i>заструится кровь вытекать кровью служить кровью брат по крови</i>

Опираясь на полученную сводку данных, констатируем, что ряд поэтических фразеологизмов Ф.И. Тютчева не имеет аналогов во фразеологических словарях, но обнаруживает прецедентные основы и реминисценции с единицами из произведений других авторов (НКРЯ), обладает фразеологической связанностью (по Д.Н. Шмелеву). Большинство ФЕ образуется за счет добавления или замены компонентов, а также усечения фразеологической структуры (ФЕ с соматизмами *душа (дух), кровь*). Значительные изменения в семантике ФО происходят реже. Отметим наличие синонимичных вариантов в стихах Тютчева (*всей душой (сердцем), душа (сердце) ноет*), что лишний раз доказывает контекстуальное пересечение семантики как самих соматизмов, так и ФЕ с ними. О фразеологической синонимии говорят такие ученые, как Т.А. Бертагаев, В.И. Зимин и др. [Бертагаев, Зимин 1960: 4-10], а на примере фразеологизма *в крови до пят* реализуется в полной мере «несистемное

нарушение постоянства состава и местоположения компонентов ФЕ», то есть наблюдается одновременно их замена, сокращение, добавление [Шанский 1969: 22, 111, 205]. Модификация данного фразеологизма происходит в том числе на базе общеязыковой ФЕ *с головы до пят*.

Признаковый подход, намеченный А.Д. Козеренко, Г.Е. Крейдлиным [Козеренко, Крейдлин 2011: 55], с соматизмом *душа* реализуется следующим образом. Структурным признаком соматического объекта *душа* является отсутствие материальности, бесплотность, *физическим* – локализация эмоций, чувств, ощущений, *функциональным* – проявление эмоционально-интеллектуальных характеристик человека, то есть его духовность. Как следствие, *душе* присуще основное свойство – *духовность*.

В поэзии Ф.И. Тютчева фразеологизмы соматического характера с лексемой *душа* и ее производными обычно представляют собой *субстантивные единицы* (*душа с душой, русские души, небесный дух, дух вольности* и др.), а также *глагольные* (*вливать душу, оторвать душу, греть душу, быть душой* и прочие). Многие из этих поэтических фразеологизмов имеют выраженные эмоционально-экспрессивные коннотации. Рассматриваемые соматические ФО семантически условно членятся по таким направлениям: 1) *личностные характеристики* (*дух вольности, дух свободы, дух силы, сила духа, святилище души, тревожный дух, без души, быть душой, припасть душой, вынести душу, душу положить за други*); 2) *переадресация переживаний* (*душа с душой, наводит на душу, греть душу, вливать душу*); 3) *эмоциональная сфера личности* (*в глубь души, в душевной глубине, дух жизни, душ светило, всей душой, от души, душа ноет, оторвать душу, потрясти душу, дух упал*); 4) *столкновение добра и зла* (*дух злощастный / дух нечистый, дух небесный*); 5) *национальные русские черты* (*русские души, русский дух*).

Обратимся к *личностным характеристикам* в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева с соматическим объектом *душа*.

Со значением 'быть в центре всех событий, выступать нравственным авторитетом какого-либо коллектива' (ПСТ: 209) функционирует фразеологизм *быть душой* в контексте стихотворения «<Е.С. Шеншиной>» (С. 273). В ФОСРЯ размещена данная ФЕ с пометой «нейтр.» со значением '(испытывать какую-л. эмоцию) в максимальной степени, что описывается как вовлеченность в это состояние всего воображаемого внутреннего органа, являющегосяместилищем чувств; очень сильно, страстно' (ФОСРЯ: 166).

Семантика ФО *вынести душу* в значении 'сохранить в себе все лучшее' (ПСТ: 209; БАС 2: 1122) (см. стихотворение «При посылке Нового завета», с. 207) в первую очередь опирается на пятое значение главного компонента данной единицы (см. СОШ, с. 115): вынести – 'вытерпеть, выдержать'.

ПСТ трактует тютчевскую ФЕ *без души* как 'бездуховный, безнравственный' (ПСТ: 209): «О, этот век, воспитанный в крамолах, Век *без души*, с озлобленным умом...» («Хотя б она сошла с лица земного...», с. 231). Данный поэтический фразеологизм в других словарях имеет антонимичную единицу, основанную на антонимии предлогов *с – без: с душой* – 'с увлечением, подъемом (делать что-л.)' (ФСРЯ: 152). Столкновение фразеоформ у Ф.И. Тютчева, например, хорошо обыгрывается в стихотворении «Послание к А.В. Шереметеву»: «Между московскими красами Найти легко, сомнений нет, Красавицу в пятнадцать лет *С умом, душою и душами*» (С. 62). В основе возникшего каламбура лежит полисемия лексемы «душа» – '1. глубокий внутренний мир человека' и '2. крепостные крестьяне в царской России' (СОШ: 183).

ФЕ *душу положить за други*, соответствующая схеме П + Д (по Д.Н. Шмелеву), в значении 'пожертвовать всем ради друга; отдать все, что можно за кого-либо' (ПСТ: 203, 209, 544) зафиксирована в стихотворении «А.В. Пл<етне>вой» (С. 256): «Лишь тем доступна благодать... Кто *душу положил за други* И до конца все претерпел». Фразеологизм *святилище души* у Ф.И. Тютчева понимается как 'внутренний мир человека, охраняемый от посторонних' (ПСТ: 685): «Толпа вошла, толпа вломилась в *святилище души*

твоей...» («Чему молилась ты с любовью...», с. 176). Святилище – это храм или посвященное божествам место, и тем святотатственнее действия толпы, вломившейся в святилище души Е. Денисьевой.

Как фразеологические синонимы со значением ‘независимость, самостоятельность мыслей’ (ПСТ) функционируют в стихотворениях Ф.И. Тютчева семантически тождественные единицы с общим лексическим элементом – соматизмом *дух*: *дух свободы* (ПСТ: 678) (см. стихотворение «Небо бледно-голубое...», с. 228), *дух вольности* (ПСТ: 120) (см. стихотворение «Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 98). Образ души, как замечает А.Л. Голованевский, в поэзии Ф.И. Тютчева часто соотносится с природными стихиями, чаще всего – с воздушной или водной [Голованевский 2009: 78]. Фразеологическая связанность данных ФО представляется как С + Д (по схеме Д.Н. Шмелева).

Сходным компонентным составом обладает приводимая ниже пара ФЕ с изменением порядка следования лексем и стержневого слова: *дух силы* (ПСТ: 699) – «*Дух жизни, силы и свободы Возносит, обвеваает нас!*» («Весна», с. 58), *сила духа* (ПСТ: 698) – «*Злосчастные бойцы, все силы духа, всю сердца кровь В бою мы истощили...*» (<Из «Путевых картин» Гейне>, с. 103). В тютчевской поэзии наличествует их фразеологический синоним: *сила воли* – «*Все отнял у меня казнящий бог: Здоровье, силу воли, воздух, сон...*» (<Э.Ф. Тютчевой>, с. 264). Семантика рассматриваемых ФЕ прозрачна и представляет собой сумму значений компонентов (С + Д – по схеме Д.Н. Шмелева). Данные именные ФЕ часто сближаются с перифразами, которые сходны с крылатыми словами, типа *дух отрицанья*, *дух сомненья* (Ашукин 1955: 173).

Переживания человека, направленные на другого, так называемая *переедресация переживаний*, находит свое отражение в тютчевской фразеологии.

Тютчевский ФО *вливать душу* со значением ‘наделить душой что-либо’ (ПСТ: 108) несколько отличается от общеязыкового: *вдохнуть душу*

[дух] во что-л. – ‘оживить, возродить что-либо’ (ФСРЯ: 58). Узуальным является фразеологизм *греть душу*, зафиксированный в стихотворении «Саконта-ла» (Из Гёте) (С. 72) в значении ‘успокаивать, вдохновлять’ (ПСТ: 164); ‘радость, удовольствие, счастье’ (СТСРЯ: 17); ‘делать кого-л. радостным, умиротворенным, что описывается как воздействие тепла на воображаемый внутренний орган человека, являющийсяместилищем чувств’ (ФОСРЯ: 167).

Фразеологизм *душа с душой* (из стихотворения «Песнь радости» (Из Шиллера), с. 64) появился в результате метонимии со значением по ПСТ ‘человек с человеком’ (ПСТ: 209). Структурно-семантически сходная ФЕ, то есть лексико-грамматический трансформ, размещен в ФСРЯ: *душа в душу* – ‘в полном согласии, дружно (жить, прожить и т.п.)’ (ФСРЯ: 149-150).

В значении ‘мысленно воспринимать увиденное, реагировать на него’ (ПСТ: 209) употреблена у Ф.И. Тютчева ФЕ *наводит на душу*: «Бесцветный грунт небес, песчаная земля – Все *на душу* раздумье *наводило*» («Через ливонские я проезжал поля...», с. 109). У поэта Серебряного века С.А. Есенина в поэме «Черный человек» существует своеобразная реминисценция к данной ФЕ: «Черный человек... Читает мне жизнь Какого-то прохвоста и забулдыги, *Нагоняя на душу* тоску и страх» [Есенин 1990: 450].

Тютчевской поэзии присущи эмоциональность и чувственность, а на прагматику фразеологизмов, по замечаниям В.И. Зиминой, в первую очередь влияет семантика «эмотивного компонента», адекватная «его прагматическому статусу» [Зимин 2004: 252]. В связи с этим в стихах поэта присутствуют фразеологизмы, освещающие *эмоциональную сферу личности*.

ФО *в душевной глубине* Ф.И. Тютчев употребляет, говоря ‘о скрытых, внешне не проявляющихся чувствах’ (ПСТ: 152) (см. стихотворение «Из “Фауста” Гёте», с. 115). Данная ФЕ имеет варианты употребления, отраженные в лексикографических источниках: *в глубине души [сердца]* – ‘внутренне, втайне; подсознательно’ (ФСРЯ: 108). В поэзии Ф.И. Тютчева фиксируется синоним приведенного фразеологизма – *в глубь души* в значении ‘проник-

новения внутри всего существа' (ПСТ: 153), имеющий небольшие изменения в структурном составе.

В значении 'искренне, всем существом' (ПСТ: 209) употреблена ФЕ *всей душой* (см. стихотворение «При посылке Нового завета», с. 208). Данный фразеологизм в СТСРИ имеет значение 'эмоциональные / психические состояния, чувства' (СТСРИ: 17), в ФОСРЯ приведена дефиниция, идентичная фразеологизму *быть душой*: 'нейтр. (испытывать какую-л. эмоцию) в максимальной степени, что описывается как вовлеченность в это состояние всего воображаемого внутреннего органа, являющегосяместилищем чувств; очень сильно, страстно' (ФОСРЯ: 166). В ФСРЯ отражена полисемия данной единицы: *всей душой [сердцем]* – '1. безгранично, беспредельно, искренне, горячо (верить, любить и т.п.); 2. очень сильно (хотеть, стремиться, ожидать и т.п.); 3. целиком, полностью, всем существом (быть на стороне кого-л., сочувствовать кому-л. и т.п.)' (ФСРЯ: 152).

В ПСТ приведена дефиниция ФЕ *от души* (см. стихотворение «19-е февраля 1864», с. 212) – 'всем существом, от полноты всех чувств' (ПСТ: 209); в СТСРИ данная ФЕ приведена как общий интенсификатор конкретного свойства ('доброта', 'дружба') (СТСРИ: 14). Приведенный фразеологизм обладает свойством расширения компонентного состава, что отражено в словарях: *от <всей> души* – 'совершенно искренне; с полной откровенностью, непосредственностью' (ФСРЯ: 152).

На уровне парадигматики в тютчевской поэзии взаимодействуют фразеологизмы *душа ноет* и *сердце ноет* в значении 'испытывать грусть, тоску, непонятную боль' (ПСТ: 443) (см. стихотворения «Нет дня, чтобы душа не ныла...», с. 224; «Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 95), являясь фразеологическими синонимами. Примером фразеологической полисемии [Сидоренко 1982: 22] служит фразеологизм *душа ноет*, имеющий тождества в узуальных словарях с синонимичным глагольным компонентом. Так, ФСРЯ (С. 149) фиксирует: *душа [сердце] болит* – '1. (кого, чья, у кого) кто-л. испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания; 2. (за кого, за что) кто-л. беспо-

коится, страдает, переживает и т.п. за кого-л., испытывает тревогу за что-л.'. Как замечают А.Д. Козеренко и Г.Е. Крейдлин, соматизмы «сердце» и «душа», обладая «общностью функций», вступают в синонимические отношения [Козеренко, Крейдлин 2011: 58].

Со значением 'отдаваться чему-либо полностью, целиком' (ПСТ: 495) встречается у Ф.И. Тютчева ФЕ *не оторвать душу* (см. стихотворение «Я очи знал, - о, эти очи...», с. 174), со значением 'произвести сильное впечатление' (ПСТ: 559) – ФЕ *потрясти душу* (см. стихотворение «Вечер мгlistый и ненастный...», с. 126). В узуальных словарях фиксируется семантический вариант данного ФО с флективными особенностями и расширенным компонентным составом: *потрясти / поразить... до глубины души (кого-л.)* – 'эмоциональные / психические состояния, чувства' (СТСРИ: 17); 'нейтр. произвести на кого-л. очень сильное впечатление, что описывается как полное проникновение эмоций внутрь воображаемого внутреннего органа, являющегосяместилищем чувств' (ФОСРЯ: 109).

На основе перифразы для обозначения радости в тютчевской поэзии появляется фразеологизм *души светило* (ПСТ: 672) из стихотворения «Песнь Радости» (Из Шиллера), с. 64), соответствующая схеме П + С + Д (по Д.Н. Шмелеву). ФО *дух упал* со значением 'потерять веру; утратить силу воли, возможность сопротивляться тяжелым жизненным обстоятельствам' (ПСТ: 206, 858) (см. стихотворение <Из «Пятого мая» Мандзони>, с. 102) в узуальной словарной практике имеет фразеоформу: *падать [упасть, пасть] духом* – 'приходить в уныние, отчаиваться' (ФСРЯ: 307-308). Две ФЕ *дух жизни* и *дух свободы* – 'жизненная сила' (ПСТ: 227, 678) контаминируются на основании понимания роли свободы в жизни человека («...Уступил свои права *Духу жизни и свободы*, Вдохновениям любви» – «Небо бледно-голубое...», с. 227), обладают фразеологической связанностью С + Д (по схеме Д.Н. Шмелева).

Актуальным в художественной литературе является извечное *столкновение добра и зла*. Эта оппозиция в стихотворениях Ф.И. Тютчева про-

является в том числе и во фразеологизмах, вступающих в антонимичные отношения.

ФО *небесный дух* у исследуемого поэта характеризуется как ‘пртп. нечистому, злосчастному духу’ (ПСТ: 206) (см.: «Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 97). Данная единица в едином поэтическом тексте Ф.И. Тютчева имеет антонимы – фразеологизмы-синонимы с тождественной семантикой: *дух нечистый / злосчастный дух* – ‘многогрешный при жизни, исполненный грехов’ (ПСТ: 206, 433-434) (см. стихотворения: «Харон и Каченовский», с. 56; «Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 95). Приведенные ФЕ характеризуются как П + Д (по схеме Д.Н. Шмелева). Тонкий мыслитель, Ф.И. Тютчев остро ощущал и отражал в стихах, в том числе на уровне поэтической фразеологии, противостояние добра и зла. Об этом в апреле 1873 года, приближаясь к смерти, он написал: «Никогда еще борьба между добром и злом, составляющая основу жизни мира, не была ни более острой, ни более драматичной» [Кожин 2001: 404].

Среди тютчевских поэтических фразеологизмов с соматизмом *душа* имеется две единицы, характеризующие *национальные русские черты*. Данные ФО различаются коннотациями в семантике, а также категорией числа и вариативностью однокоренных лексем. ФЕ *русский дух* обладает значением по ПСТ ‘русские интересы; роль, значение России в мире’ (ПСТ: 206, 656) (см. стихотворение «На юбилей князя А.М. Горчакова», с. 236). Метонимичное изображение русских людей, что отмечено в ПСТ (С.656), содержится во фразеологизме *русские души* (см. стихотворение «Императрице Марии Александровне», с. 275) (П + Д – по схеме Д.Н. Шмелева).

По замечаниям В.Н. Телии, фразеологизмы представляют собой «продукт вторичной, косвенной номинации» [Телия 1966: 11], что сказывается и на соматической фразеологии Ф.И. Тютчева, в том числе с компонентом *душа*, отражающим его эмоционально-духовную сферу. *Душа* в концептуальном толковании как изображение внутреннего мира человека (в том числе на примере ФЕ) подробно исследуется в диссертации Ю.Д. Тильман «Культур-

ные концепты в языковой картине мира: Поэзия Ф.И. Тютчева» [Тильман 1999].

Заметим, что национальные воззрения Ф.И. Тютчева отражаются также посредством других поэтических фразеологизмов со славянской / неславянской семантикой. Славянская традиция проявляется в ФЕ с семантическими компонентами *славянский, русский, родной*.

Самыми общими ФЕ славянской фразеологии Ф.И. Тютчева представляются фразеологические синонимы *Славянская земля, Славянский мир* и *Славянская семья*, характеризующие славянские народности (ПСТ: 712): «Обличилась перед нами Вся *Славянская земля!*» («К Ганке», с. 148); «*Славянский мир*, сомкнись тесней» («Два единства», с. 255); «Воспрянь – не Польша, не Россия – Воспрянь, *Славянская семья!*» («Epitre a l'Apotre. *От Русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мискиевича*», с. 149) (П + Д – по схеме Д.Н. Шмелева).

Данные ФЕ являются фразеологическими гиперонимами к поэтическим «славянским» (обозначающим Россию, Польшу и др.) и «русским» (*России сердце, Святая Русь, русские сердца*) гипонимам (см. стихотворения <К.В. Нессельроде>, с. 163; «29-е января 1837», с. 140; «Памяти Е.П. Ковалевского», с. 240 и др.). Славянская семантика сужается при обозначении России в ФЕ *русская земля* (см. стихотворение <А.М. Горчакову>, с. 257) и ФЕ *русский порог*, обозначающей границу России (см. стихотворение «Неман», с. 186) (по Д.Н. Шмелеву – П+Д).

Еще более узкое значение имеют объединенные общим компонентом фразеологизмы *родная земля, родной край, родные места, небеса родные* – ‘родина большая и малая’ (ПСТ: 646-647) (по Д.Н. Шмелеву – П+Д): «О *край родной!* такого ополченья Мир не видал с первоначальных дней...» («Ужасный сон отяготел над нами...», с. 209); «Итак, опять увиделся я с вами, *Места* немилые, хоть и *родные*, Где мыслил я и чувствовал впервые...» («Итак, опять увиделся я с вами...», с. 154).

Как изображение неславянского мира в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева выступает ФЕ *иноплеменный мир* (ПСТ: 363): «*Иноплеменный мир* дивится, одна лишь Русь его поймет» («На юбилей князя А.М. Горчакова», с. 236). Европа в целом названа *европейским миром* или *почвой Европейской*: «Сей *европейский мир*, руки твоей создание, как он велик!» («Из “Эрнани” <Гюго>», с. 108), «Давно на *почве Европейской*, Где ложь так пышно разрослась, Давно наукой фарисейской Двойная правда соznалась...» («Славянам», с. 234).

Более частным характером обладают ФО *Франкистанская земля* – Франция («Из премудрого далека *Франкистанской их земли* Погулять на счет пророка Все они сюда пришли» – «Современное», с. 249); *Новый мир* – Америка, открытая Колумбом («И *новый мир*, неведомый, нежданный, Из беспредельности туманной На божий свет ты вынес за собой» – «Колумб», с. 150). По схеме фразеологической связанности Д.Н. Шмелева мы относим данные ФО к типу П + Д.

2.3. Речемыслительная деятельность человека

Общение человека в социуме реализуется посредством различных коммуникативных процессов, обладающих своими способами, особенностями и мотивацией. *Речь* – вербальный способ – выступает как основной. Невербальные (жесты, мимика) чаще всего представляют собой дополнительные способы сообщения информации. К данной категории можно отнести *молчание*, выражающее, с одной стороны, отрицание говорения, с другой, – являющееся способом невербального говорения.

«Совершенно особым объектом в ряду звуковых знаков оказывается голос человека, наделяемый несравненно более широким спектром значений и магических функций, чем звуки вообще» [Толстая 1999: 9]. В процессе возникновения человеческой речи происходило непрерывное взаимодействие общения словесного и бессловесного, а «в истории культуры сложилось тож-

дество между говорением и действием, и поэтому молчание понимается как действие, заключающееся в отказе от говорения» [Ковшова 2011: 29-30]. В связи с этим выделяем *словесное молчание*, то есть отсутствие говорения, и *абсолютное молчание*, то есть отсутствие информативных вербальных и невербальных импульсов.

«В природе творящей и природе сотворенной» [Гиршман 2003: 6], отраженной в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева как неотъемлемой части его идиостиля, проявляется со всей полнотой акт речевой коммуникации. Тютчевские образы воплощаются в первую очередь посредством идеи, которая «как бы всецело ушла в мысль, в чисто духовную работу» [Кожин 1989: 344-345]. А мышление – это стимул для коммуникативной активности, выражающейся посредством говорения, реже – молчания. В связи с этим семантическая корреляция *молчание – речь* находит свое отражение и в поэтических фразеологизмах Ф.И. Тютчева.

Тютчевская фразеология включает большое число ФО с лексемой *слово* в качестве структурного компонента. Слово является проводником любой мысли. «Символическое употребление слова может быть сформировано в конкретном тексте (или многих текстах одного автора), а может привноситься в текст из культуры [Гехтляр 2009: 204]. Поэтому целесообразно говорить о том, что фразеологизмы с данной лексемой отражают говорение как такое. По мнению А.Л. Голованевского, «двупланный (абстрактный-конкретный) характер употребления знака *Слово* дифференцированно закрепился в русской идиоматике и синтагматике», оно функционирует в устойчивых выражениях, способствует возникновению «устойчивых номинативных метафорических сочетаний с оценочным атрибутивным компонентом» [Голованевский 2000: 12].

Вычлененные из поэтических текстов Ф.И. Тютчева фразеологизмы с компонентом *слово* по структурным особенностям делятся на следующие группы [Шанский, Иванов 1987: 73-74]:

а) *субстантивные*, где приведенная лексема является стержневой, а устойчивые сочетания образуются за счет метафорической образности эпитетов в совокупности с контекстуальными коннотациями (*евангельское слово, живое слово, заветное слово, многозначительное слово, последнее слово, торжественное слово*). К данному типу ФЕ отнесем и *словеса святые*;

б) *глагольные*, имеющие в качестве стержневого слова глагол, управляющий словоформой лексемы *слово* (*верить слову, дать слово, класть слова*);

в) *адъективные*, соотносимые с прилагательным, в данном случае – с причастием (*наделенный даром слова*);

г) *модальные*, эквивалентные модальным словам, в данном случае – падежная словоформа, фиксирующаяся в словаре в качестве вводного слова (*словом*) (СОШ: 731).

Помимо ФЕ с лексемой *слово*, в структурно-семантическом составе в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева обнаружены фразеологизмы, обладающие иным составом и отражающие смысловые связи семантической корреляции *молчание – говорение*. Среди них выделены следующие структурные типы: а) *субстантивные* (*мыслящий тростник*), б) *субстантивно-адъективные* (*глас вопиющего в пустыне*), в) *глагольные* (*вести беседу, гласить много славы, давать клятвы, прийти на мысль, держать совет, знать не знает, сорваться с уст*). Второй тип ФЕ особенно характеризует коммуникативную деятельность, поскольку глагол как часть речи по своей сути является носителем процессуальности и «глаголы восприятия, мышления и говорения представляют собой организованную систему» [Глинка 2003: 67]. При определении фразеологичности тютчевских единиц, как и в предыдущих частях диссертации, мы обращались к ПСТ, фразеологическим и толковым словарям, НКРЯ, схеме Д.Н. Шмелева.

Обратимся к каждой из групп. Субстантивные ФЕ, обладая структурным сходством, дифференцированы семантически.

Фразеологизм *евангельское слово* является цитатой из Евангелия (ПСТ: 719-720) (см. стихотворение «11-е мая 1869», с. 244). ФЕ *живое слово* имеет значение ‘произнесенное слово или фраза, отличающаяся глубиной содержания и своей формой’ (ПСТ: 720) (см. стихотворение «Живым сочувствием привета...», с. 147). Данный фразеологизм фиксируется в других лексикографических источниках как полисемант, например в ФСРЯ: ‘1) устная речь в отличие от письменной; 2) речь, содержащая свежие интересные мысли, волнующая и трогаящая слушателя’ (ФСРЯ: 432).

ФО *заветное слово* фиксируется в ПСТ в значении ‘слово или фраза, хранящаяся в памяти народа’ (ПСТ: 720) (см. стихотворение «Колумб», с. 151). *Многозначительное слово* обладает значением ‘фраза, речь, текст, имеющие важное значение для кого-либо’ (ПСТ: 720) (см. стихотворение «Памяти М.К. Политковской», с. 261). Данные единицы имеют варианты в (БАС 4: 292; БАС 6: 1092).

Фразеологизм *последнее слово* в ПСТ фиксируется со значением ‘фраза, речь, поставившая точку в споре, дискуссии’ (ПСТ: 720) (см. стихотворение «Черное море», с. 258). Данный фразеологизм отмечен в СТСРИ со значением ‘успех, победа’ (СТСРИ: 23). ФСРЯ дает такую дефиницию данной ФЕ ‘самое высшее (техническое, научное и т.п.) достижение, открытие’ (ФСРЯ: 432). Как видим, в ПСТ значение ФЕ *последнее слово* не совпадает с указанными в других фразеологических источниках. *Последнее слово* у Ф.И. Тютчева – это расторжение позорной для России 114 статьи Парижского мирного договора (1856 г.), ограничивающей права России на Черном море. В этом употреблении также просматривается контаминация значений фразеологического и свободного сочетаний слов. Это тоже своего рода победа, как отмечает СТСРИ, но такая, которая «поставила точку» в Крымской войне 1854-1856 гг. лишь в 1871 г. В это время и было написано стихотворение-отклик на победу русской дипломатии в лице А.М. Горчакова над западными противниками России.

Торжественное слово в поэтических текстах Ф.И. Тютчева встречается со значением ‘слова, произнесенные царем в публичной речи, вошедшие в народную память’ (ПСТ: 720) (см. стихотворение «Хотя б она сошла с лица земного...», с. 230). Данный ФО присутствует в (БАС 15: 668-669).

ФЕ *словеса святые* (по схеме Д.Н. Шмелева – П + Д) имеет в качестве опорного компонента устаревшую форму множественного числа лексемы *слово*. *Словеса*, то есть ‘слова, произнесенные Кириллом перед смертью Мефодию как завещание продолжать дело служения славянам’ (ПСТ: 720), в поэтических текстах Ф.И. Тютчева приобрели метафорическую образность, получили дополнительные семантические коннотации фразеологического характера: «И в свой черед, как он, не довершив труда, ...и *словеса святые* Его вспомянув, воскликнем мы тогда: “Не изменяй себе, великая Россия!”» («Великий день Кирилловой кончины...», с. 242).

В поэзии Ф.И. Тютчева зафиксированы следующие глагольные ФЕ с компонентом *слово*.

Верить слову имеет значение ‘верить обещанному, сказанному...’ (ПСТ: 719) (см. стихотворение «Как дочь родную на закланье...», с. 120), в других лексикографических источниках встречается вариативная форма данной ФЕ с идентичным значением: в ФОСРЯ *верить на слово (кому-л.)*, то есть ‘считать чье-либо высказывание правдой, не требуя доказательств в его истинности и не предпринимая никаких действий по его проверке’ (ФОСРЯ: 504-505); в СТСРИ *верить на слово (кому-л.)* фиксируется в нескольких значениях и означает ‘честность, откровенность, искренность’, ‘обещание’, ‘доверчивость, доверие, веру’ (СТСРИ: 16-18); в ФСРЯ *верить (поверить) на слово* – ‘полагаясь на чьи-либо заверения, без подтверждения фактами, доказательствами’ (ФСРЯ: 432).

Фразеологизм *дать слово* в стихотворениях Ф.И. Тютчева обозначает ‘обещать кому-либо что-либо, поклясться’ (ПСТ: 719): «...Во имя вашего отца *Дадим* же мы друг другу *слово*: Не изменяться до конца» («Графине А.Д. Блудовой», с. 225). В других словарях имеется ФО *давать (дать) слово*,

в первом значении обозначающий ‘клятвенно уверять кого-либо в чем-либо, обещать что-либо’ (ФСРЯ: 125).

ФЕ *класть слова* в поэзии Ф.И. Тютчева встречается в значении ‘делать надписи на чем-либо’ (ПСТ: 294) и характеризуется деривационным типом фразеологической связанности, по Д.Н. Шмелеву: «На гробовой его покров Мы, вместо всех венков, *Кладем слова* простые...» («На гробовой его покров...», с. 227). Фразеологизм адъективного типа в поэзии Ф.И. Тютчева *наделенный даром слова* имеет значение ‘талантливый поэт’, и в данном случае речь идет о Байроне (ПСТ: 720; БАС 7: 145) (см. стихотворение «Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 94).

ФЕ *словом*, относимая нами к модальным, фиксируется в стихах Ф.И. Тютчева со значением ‘без лишних слов, коротко говоря’ (ПСТ: 720): «...Москве предоставляя в дар Учтивейшего из татар,...Ну, *словом*, лучшего из той среды...» («Во дни напастей и беды...», с. 275). В других лексикографических источниках данная ФЕ встречается как часть компонентного состава, расширенного другими лексемами. В ФСРЯ находим два устойчивых сочетания *одним словом* – ‘короче говоря’ и *словом сказать* – ‘итак, короче говоря’ (ФСРЯ: 432, 427). В СТСРИ размещен фразеологизм *одним словом*, обладающий обобщенной семантикой ‘говорения’ (СТСРИ: 16).

Рассмотрим другие ФЕ с семантикой говорения, зафиксированные в поэтических текстах Ф.И. Тютчева. Так, «совмещение двух начал – звукового и речевого – активнее всего наблюдается в семантике лексем *голос* и *глас*, выражающих источник звука» [Атаманова 2012: 159]. Идиома субстантивно-адъективного типа *глас вопиющего в пустыне*, употребленная в поэзии Тютчева, процитирована во всех четырех евангелиях и восходит к библейскому выражению (кн. Пророка Исайи, 40.3) [Тютчев 1987: 408]. Данная ФЕ имеет значение ‘то, что остается без ответа; о безответном призыве; бесполезный призыв, обращение в пустоту’ (ПСТ: 121): «...Все безответен и поныне *Глас вопиющего в пустыне...*» («Певучесть есть в морских волнах...», с. 220). СТСРИ определяет приведенный ФО как ‘одинокость’ (СТСРИ: 20). В

ФСРЯ находим дефиницию к данному библеизму – ‘книжн. Напрасный призыв к чему-либо, остающийся без ответа, без внимания’ (ФСРЯ: 107).

Субстантивная ФЕ *мыслящий тростник* возникла в поэзии Ф.И. Тютчева из образа, восходящего к афоризму из «Мыслей» Блеза Паскаля, французского философа, писателя, математика: «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но эта *тростинка мыслящая*» (ПСТ: 389): «И отчего же в общем хоре Душа не то поет, что море, И ропщет *мыслящий тростник?*» («Певучесть есть в морских волнах...», с. 220).

Рассмотрим ФЕ, относящиеся к глагольному типу. По мнению Н.В. Атамановой, внешняя сторона речевого акта в стихах Ф.И. Тютчева концентрируется обычно вокруг глаголов *сказать* и *говорить*, что в большей мере предполагает передачу «смыслового содержания, выражения эмоций, речевого взаимодействия и контакта» [Атаманова 2012: 161].

ФЕ *вести беседу* имеет значение ‘общаться’ (ПСТ: 91; БАС 2: 226): «Одни зарницы огневые... *Ведут беседу* меж собой» («Ночное небо так угрюмо...», с. 223). Фразеологизм *гласить много славы* фиксируется в ПСТ в словарной статье к лексеме *слава* (ПСТ: 711), являющейся общеславянской и имеющей тот же корень, что и *слыть, слово*, но с перегласовкой (Шанский 1975: 414-415): «*Много славы, много горя* Эта нить порой *гласит*» («Вот от моря и до моря...», с. 191) (по Д.Н. Шмелеву – П + С + Д).

Некоторые сомнения вызывает глагольное словосочетание *говорить стихами* (Ф.И. Тютчев), *разговаривать стихами* (В.В. Маяковский) [Маяковский 2007: 204-206.]. Контекст тютчевского стихотворения свидетельствует о фразеологизации сочетания: «Прими ж мой дружеский совет (Оракул *говорил стихами* И убеждал, бывало, свет)...» («Послание к А.В. Шереметеву», с. 62) (С + Д – по схеме Д.Н. Шмелева).

Давать клятвы является описательным оборотом со значением ‘клясться’ (ПСТ: 296; БАС 3: 521): «Здесь *клятвы* он *дает* священны...» («Урания», с. 54). Такая же ситуация складывается с тютчевским устойчивым

словосочетанием *держат совет*, означающим ‘советоваться’ (ПСТ: 735): «Так вышние силы свой *держат совет!*» («Урания», с. 51).

ФЕ *прийти на мысль* имеет значение ‘задумать, решить что-либо’ (ПСТ: 389) (см. стихотворение <Е.С. Шеншиной>, с. 272). Данный фразеологизм зафиксирован в других лексикографических изданиях: *прийти (приходить) на мысль [на ум, на разум] кому-л.* в ФСРЯ имеет три значения ‘1) возникать, появляться в сознании кого-либо; 2) думаться, представляться, доходить до сознания кого-либо; 3) хотеть, желать, намереваться и т.п.’ (ФСРЯ: 359-360).

Поэтический фразеологизм *знать не знает* в значении ‘полная неосведомленность; ничего неизвестно’ (ПСТ: 257) представляет собой простое сказуемое по синтаксической роли в поэтическом тексте автора и имеет особенность – усложнение за счет повторения лексемы с отрицательной частицей *не* (см. стихотворение «От жизни той, что бушевала здесь...», с. 261). СТСРИ приводит семантическое тождество: *знать не знает – ведать не ведает* со значением ‘незнание, непонимание, неизвестность’ (СТСРИ: 18).

Большинство приведенных фразеологизмов Тютчева отражают *говорение* в семантической корреляции *молчание – говорение*. Тютчевские фразеологизмы, типа *прийти на мысль, знать не знает, мыслящий тростник*, в большей мере отражают мыслительную деятельность, нежели говорение, то есть в данном случае, скорее всего, в авторском фразеологическом осмыслении выражаются эксплицитные семы молчания. *Молчание* также лаконично вписывается в авторскую концепцию мира, хотя оно семантически «и предполагает отрицание звука, беззвучие». Программным стихотворением «к выявлению умолчания» является «Silentium!» (С. 106), написанное не позднее 1830 г. и опубликованное впервые в газете «Молва» в 1833 г., в нем семантика самого глагола *молчать* меняется на протяжении текста. Известно, что это поэтическое произведение было любимым стихотворением Л.Н. Толстого [Чагин 2006: 279].

Молчание занимает «определенное место в парадигме звукообозначений и получает отражение в пространственно-временной характеристике поэтического мироздания» [Атаманова 2012: 165-174]. Стихотворение «Silentium!» своей афористичностью (об этом подробно сказано в четвертой главе) и семантикой *молчания* (с которой как таковых ФЕ в авторском идиолекте не фиксируется) дополняет говорение в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева.

2.4. Общество

Как известно, мир людей представляет собой общество. Социально-духовное устройство общества характеризуется различными межличностными и коммуникативными связями, возникающими в процессе человеческой жизнедеятельности, направленной на удовлетворение физических, физиологических, этнокультурных, религиозно-нравственных и иных потребностей.

Лексема *мир* в БАС представлена двумя полисемичными омонимами. В поэтическом пространстве Ф.И. Тютчева лексическую силу имеет первый омоним во втором ('вся жизнь, все живое, все окружающее') или в восьмом ('группа людей, объединенных общностью занятий, интересов; определенная общественная среда') значении (БАС 6: 1032-1037). Исторически лексема *мир* образовалась от той же основы, что и *милый*, посредством словообразовательного форманта *-рь*. Этимология соотносит это слово с общеславянской лексикой, наличествуют соответствия в балтийских языках, к примеру древнелитовское *mieras* – 'мир, тишина', латышское *miers* – 'мир' (Шанский 1975: 266).

Тютчевский поэтический социум представлен не только ФЕ с лексемой *мир* в структуре, но и фразеологизмами, заключающими в семантике данное понятие. Эти единицы условно можно классифицировать таким образом:

1. *Весь существующий мир* (дольний мир, сей мир, мир земной, божий мир, лунный мир, царство живых и др.).

Наряду с ФЕ обобщенного значения в этой группе выделяются также подгруппы фразеологизмов, отражающих частные проявления мира людей.

1.1. *Общность людей (железный мир, Европейский мир, иноплеменный мир, Новый мир, Славянский мир и др.).*

1.2. *Культурно-религиозный мир (другой мир, темный мир и др.).*

2. *Потусторонний мир (горный мир, царство теней, подземная обитель, Элизиум теней, мгла стигийская и др.).*

Своеобразным промежуточным звеном между мирами приведенных групп выступает: 3. *Переход из одного мира в другой (покинуть (покидать) сей мир, покинуть на лучший мир и др.).*

Общие проявления *всего существующего мира* во фразеологическом идиолекте Ф.И. Тютчева отражены в синонимических ФО.

В значении 'земное существование' (ПСТ: 278, 400-401) выступают ФЕ *дольный мир, сей мир, мир земной*, представляющие в поэтическом мире Ф.И. Тютчева синонимы-дублиеты и соответствующие схеме – П + С + Д (по Д.Н. Шмелеву): «Несусь – и *дольный мир* исчез передо мной, - Сей мир, туманною и тесной Волнений и сует обвитый пеленой, - Исчез!..» («Уралия», с. 50); «Счастлив, кто посетил *сей мир* В его минуты роковые!» («Цицерон», с. 105); «Иль блаженные две тени Покидают *мир земной?*» («На Неве», с. 165).

Наряду с семантической общностью приведенные единицы обладают однотипностью структуры: помимо схожести синтаксических формул, они имеют общее стержневое слово – лексему «мир». К данному синонимическому ряду примыкает ФЕ *царство живых*, обозначая общество (ПСТ: 973; БАС 17: 553): «Неужто, брат, из *царства ты живых...*» («Харон и Каченовский», с. 56). Эти строки представляют собой отрывок из эпиграммы поэта на профессора Московского университета М.Т. Каченовского, на лекциях по археологии и теории изящных искусств которого, как упоминает в некрологе Ф.И. Тютчеву М.П. Погодин, шуточный текст и был написан [Тютчев 1987: 370].

Самую частную семантику из ФЕ, относимых к анализируемой группе, имеет фразеологизм *лунный мир* (по Д.Н. Шмелеву – П + Д.) в значении ‘пространство, освещенное луной’ (ПСТ: 374), указывая на отдельное проявление земного человеческого мира в его субъективно-объективном восприятии. Данная единица реализуется, например, в контексте стихотворения «Рим, ночью» (С. 159).

Фразеологическая общность людей изображена у Ф.И. Тютчева посредством ФЕ, характеризующих различные социальные группы. Так, например, *железный мир* (П + Д – по Д.Н. Шмелеву) обозначает ‘вооруженное войско’ (ПСТ: 402): «Он зрел в уме: подвижные Шатры, равнины боев, Рядов пехоты длинный блеск, Потоки конных строев – *Железный мир* и дышащий Велением одним!..» (<Из «Пятого мая» Мандзони>, с. 102). Поэтический текст с данной ФЕ, является переводом отрывка из оды поэта А. Мандзони, посвященной Наполеону. Предположительно, Ф.И. Тютчевым переводился подлинник, но под влиянием немецкого перевода Гёте [Тютчев 1987: 379].

Свойственная поэзии Тютчева религиозность проявляется также на уровне культурно-религиозного мира его поэтической фразеологии.

Ф.И. Тютчев – поэт, возвращенный на религиозных философских воззрениях и защищающий их. Но в то же время он, воспитанник С.Е. Раича, неукоснительно отстаивает свободу мысли и чувства, которую, «тоже освященная православием, верхушка общества пытается подавить, заключить в рамки официальных постулатов» [Парыгин, Алексеев 1993: 126-146]. Во многом это проявляется в библеизмах, то есть библейских словах и выражениях, представляющих собой, по мнению ряда исследователей, ФЕ и цитаты из текста Библии [Климович 2010]. Религиозно-библейская лексика и фразеология Ф.И. Тютчева представляет собой интереснейшее языковое явление и заслуживает самостоятельного углубленного исследования.

Из стихотворения «К Нисе» (С. 69) выделяется контекст «...Наших чувств тебе, знать, мало, – Ниса, Ниса, *бог с тобой!*», содержащий вариатив-

ную, в том числе и в тютчевской интерпретации (см. другие стихотворения поэта), ФЕ *Бог с тобой (тобою, вами)* как ‘пожелание хорошего’ (ПСТ: 47). Наличие фразеологизма во фразеологических словарях, а также данные НКРЯ (более 650 употреблений в различных текстах), свидетельствуют о широкой сфере функционирования представленной единицы. Данная ФЕ полисемична, в узуальной фразеологии обладает вариантами: *Бог [Христос] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]*. ‘1. Пусть будет так, ну да ладно. Выражение согласия, примирения, прощения, уступки и т.п. 2. Как можно, зачем?! Выражение удивления, упрека, несогласия и т.п. 3. Пусть все будет хорошо, удачно и т.п.’ (ФСРЯ: 40). Внутри данного фразеосочетания лексемы деактуализируются в узуальный фразеологизм, функционирующий с дополнительной образностью в поэзии Ф.И. Тютчева.

Парадигматические связи в религиозной фразеологии поэзии Ф.И. Тютчева реализуются, например, в таких ФЕ: *знает бог (откуда)* и *бог ведает (каком)*, то есть ‘неизвестно, нельзя сказать определенно’ (ПСТ: 47): «...Вдруг *знает бог откуда* Нам на душу отрадное дохнет...» («Когда в кругу убийственных забот...», с. 155); «...В затменье умственном, *бог ведает, каком...*» («Конечно, вредно пользам государства...», с. 274). В НКРЯ функционирует в контекстах различных жанров около 30 употреблений первого варианта этой ФЕ и около 100 – второго. Данные фразеологические синонимы в поэзии Ф.И. Тютчева контаминируются, образуя ФЕ, обладающую в общезыковых словарях вариативностью: *Бог [господь, аллах, черт, бес, леший, шут, пес, хрен] <его [тебя, ее, вас, их]> знает [ведает]*. Наблюдается дефинитивная полисемия: ‘1. Неизвестно, никто не знает. 2. Выражение восторга, возмущения, недоумения, радости и т.п.’ (ФСРЯ: 38-39).

Нерона, римского императора, что отражено в ПСТ (С. 47), Ф.И. Тютчев перифрастично называет *богом земным* (П + Д – по Д.Н. Шмелеву): «...Былинка с кесарем вступила в состязанье: “Не уступлю тебе, знай это, *бог земной...*”» («В Риме» (С *французского*), с. 231). Множественное число данной тютчевской ФЕ приобретает более общий характер,

указывающий на целый класс исторических лиц: «Гражданина голос смелый На совет к *земным богам...*» («Песнь радости» (Из Шиллера), с. 65). По запросу в основном корпусе НКРЯ приводится 7 употреблений фраземы. В большинстве случаев это художественные тексты, где другие авторы, наряду с Ф.И. Тютчевым, называют так главу государства. Например, у Д.С. Мережковского в произведении «Петр и Алексей» (1905) встречается: «Феодос говорит в лицо государю: “Ты бог земной”».

Солнце названо Ф.И. Тютчевым фразеологической перифразой *светлый бог*, функционирующей, к примеру, в таком контексте: «Но *светлый бог* главу в пучины клонит, ...Передо мною день, за мною ночь» («Из “Фауста” Гёте», с. 116). Обращение к НКРЯ (основной и поэтический корпусы) выдает в качестве результата поиска около 20 употреблений в прозаических и поэтических текстах, причем многие авторы так же, как и Ф.И. Тютчев, говорят о солнце. Например, В.С. Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве» (1878) пишет: «Но недолго может довольствоваться всечеловеческое сознание этим величественным, но скудным и пустынным единством, и скоро вслед за неподвижным и неизменным богом звездного неба выступает вечно движущийся и изменяющийся, страдающий и торжествующий, благой и светлый бог – *солнце*». Или у И.О. Лялечкина [Из Катулла Мендеса, 1] (1895): «Проснулось утро... Светлый бог взошел!.. / Ты молвила: “Приди!”».

Тютчевское солнце – это и *небесное светило* (П + Д – по Д.Н. Шмелеву) (см. стихотворение «На новый 1816 год», с. 45). Наблюдается переключки с узуальным фразеологизмом *восходящее светило (звезда)* в значении ‘человек, начинающий приобретать славу, получать известность в какой-либо области знания или деятельности’ (ФСРЯ: 172, 413) с заменой синтаксически зависимого компонента.

Во ФЕ *светлый бог* («Но *светлый бог* главу в пучины клонит... Передо мною день, за мною ночь» – «Из “Фауста” Гёте», с. 116) усматриваются языческие проявления культа солнца, отождествляемого с богом: Хорсом, Ярилой, Дажьдбогом, Сварогом. Тютчевская ФЕ несколько переключается с узу-

альной в первом значении *светлая голова* – об ‘очень умном, ясно, логично мыслящем человеке’ (ФСРЯ: 113, 413). Прослеживается аналогия с тютчевской единицей *аристокрация светил ночных*, как дейкиссом, связанным с главенствующим положением солнца. Контекстуальным антонимом к приведенным выступает ФЕ *светило бессмертия* (С + Д – по Д.Н. Шмелеву), зафиксированная в стихотворении «Байрон. *Отрывок*. <Из «Цедлица»>» (С. 99) и обозначающая, как отмечено в ПСТ, луну (С. 34).

Образы солнца и луны являются значимыми фигурантами в различных религиозных культах, эта традиция произрастает еще из первобытных времен. Так, в буддийской религии существует учение о том, что Солнце, Луна, звёзды «являются теми местами, куда переселяются души умерших людей, прежде чем они достигнут состояния Нирваны» [Шкловский 1987: 11]. По мнению Козырева, в поэзии Ф.И. Тютчева «всё полно богов» [Козырев 1968: 71-126], а в стилистической манере поэта прослеживаются языческие взгляды Фалеса [Погорельцев 2009: 73].

В поэтическом контексте «И в божьем мире то ж бывает, И в мае снег идет порой...» («И в божьем мире то ж бывает...», с. 226) в качестве обозначения ‘созданного богом’ (ПСТ: 363) вычленяется ФЕ *божий мир* с деривационным типом связанности, по Д.Н. Шмелеву. Функционируя более чем в 200 литературных контекстах (НКРЯ), данная фраза используется различными авторами в текстах разной жанровой принадлежности и направленности (В. Астафьев, Ю.М. Лотман, Б.Л. Пастернак, И.А. Бунин и многие др.).

Фразеологическим синонимом-дублетом к приведенному выше ФО выступает в поэзии Ф.И. Тютчева библеизм *божий свет*. В ФСРЯ при наличии вариативности *белый (божий) свет* обозначает ‘окружающий мир, землю со всем существующим на ней; жизнь во всех ее проявлениях’ (ФСРЯ: 411-412), в СОШ содержится ФЕ *белый свет* с пометой «разг.» и аналогичным значением (СОШ: 701). Синописис (перечень смысловых категорий) СТСРИ также приводит ФО *белый свет* без вариантов употребления и трактует ее, характе-

ризуя пространство, место (СТСРИ: 13) (см. стихотворение «Колумб», с. 150).

Античность противопоставлена современности, в связи с этим у Ф.И. Тютчева фиксируется контекстуальный фразеологизм *другой мир* (ПСТ: 402), вычлененный из стихотворения «Уралия» (С. 53), которое изобилует историческими лицами, мифологическими и легендарными персонажами, топографическими объектами. В иллюстрации к данной ФЕ фиксируются топонимы: *Гвадалквивир* – река на юге Испании, *Таг* – самая крупная река на Пиренейском полуострове [Тютчев 1987: 370].

ФЕ *другой свет* в поэзии Ф.И. Тютчева имеет значение ‘далекие непознаваемые времена, о которых напоминают природные явления’ (ПСТ: 672) и вычленяется из стихотворения «Через ливонские я проезжал поля...» (С. 110), написанного в октябре 1830 г. В узуальной фразеологии наличествует близкая по структуре единица с переосмысленной семантикой *тот свет* – ‘загробный мир как противопоставление земному миру, жизни’ (ФСРЯ: 412).

Фразеологизм *темный мир* имеет выраженные негативные коннотации, обозначая ‘представителей различных социальных и религиозных слоев, выступающие с позиций лжи, вероломства, насилия против своих идейных противников’ (ПСТ: 884) (по схеме Д.Н. Шмелева – П + Д): «...Вот все они – весь этот *темный мир*: Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий, Ложь и насилие, рыцарство и клир» («Гус на костре», с. 253). Стихотворение отсылает читателя во времена костров инквизиции, на одном из которых был сожжен Ян Гус, признанный еретиком. *Клир* обозначает ‘церковный притч; духовенство’ [Тютчев 1987: 416-417].

Вторая группа ФЕ, отражающих социальную сферу общества, имеет прямую антонимическую взаимозависимость с первой, обозначая *потусторонний мир*. В своем поэтическом мире Ф.И. Тютчев «противопоставляет живую жизнь как реальное, смерти – как погружению в нереальность» [Касаткина 1969: 28], а «тютчевская *тьма* в одновременном значении «смерть» и

«жизнь» отражает тот фрагмент языковой картины мира, который знаком каждому носителю языка: тяжелая, мучительно-беспросветная жизнь – это тьма, или, что то же самое, – смерть» [Голованевский 2009: 39].

В данном случае носителем общегрупповой семантики является ряд фразеологических синонимов с различными дефинитивными вариантами.

Фразеологизм *горний мир* толкуется как ‘мир иной’ (ПСТ: 400; БАС 3: 301) (см. стихотворение «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», с. 205). Данная единица может иметь вариант с расширенным компонентным составом – *покинув горний мир* в значении ‘перейдя из мира иного (горнего) в наш (дольний) мир’ (ПСТ: 594).

ФЕ *подземная обитель* как тютчевское ‘царство мертвых’ (ПСТ: 495) в соответствии со схемой фразеологической связанности Д.Н. Шмелева относится к типу П + Д: «Разверзлась пред тобой *подземная обитель!*» («На новый 1816 год», с. 46). Опоэтизирован ‘загробный мир, где блаженствуют души праведников’ (ПСТ: 887; БАС 17: 1839) – *Элизиум теней* с зафиксированным топонимом древнегреческой мифологии: «Душа моя, *Элизиум теней*, Теней безмолвных, светлых и прекрасных, Ни помыслам години буйной сей, Ни радостям, ни горю не причастных, – Душа моя, *Элизиум теней*, Что общего меж жизнью и тобою!» (С. 119). Первоначально в первой строке после слова «моя» печаталось тире вместо запятой, что делало приложение сказуемым и усиливало мысль о резком разделении внутреннего и внешнего миров [Тютчев 1987: 383].

«Тонкие переходы от живого к неживому, от идеального к материальному» [Погорельцев 2009: 137] прослеживаются в лирике Ф.И. Тютчева разной тематики и направленности. Поэтому две рассмотренные семантические категории могут быть соотносимы с контрарными коррелятами, отражающими градуальные качества, поскольку между ними существует так называемое промежуточное семантическое пространство со значением *перехода из одного мира в другой*, также представленное во фразеологии Ф.И. Тютчева в качестве фразеологизмов *покинуть (покидать) (сей) мир, покинуть на луч-*

ший мир, являющихся синонимами-дублетами и обозначающих смерть, что отражено в ПСТ (С. 376, 594): «Когда на *лучший мир* покину дольний прах...» («Одинокство <Из Ламартина>», с. 57); «Когда ж *сей мир покинуть* Пришел его черед, Он делит всё наследство, – Но кубка не дает» («Заветный кубок» (Из Гёте), с. 91); «Иль блаженные две тени *Покидают мир* земной?» («На Неве», с. 165).

В узуальной лексикографии встречаются структурно-семантические варианты данных ФЕ (СТСРИ: 22; ФОСРЯ: 309- 310; ФСРЯ: 249, 500).

Как видим, благодаря образности и «преобладанию экспрессивно-коннотативных сведений в семантике» [Федоров 1985: 111] многие словосочетания у Ф.И. Тютчева деактуализируются, превращаясь в ФО со своей «спецификой элокутивного статуса» (то есть завершающим этапом материализации мысли на уровне текста) и подчиняясь единой художественной цели выразить «мысль рельефно, с большой эмоциональной насыщенностью, сделать речь более разнообразной, живописной, сжатой, легкой, действенной и доходчивой» [Ломакина 2011: 11-12].

§ 3. Семантическое поле «Природа» в поэтической фразеологии

Ф.И. Тютчева

3.1. Фразеологическое изображение природных стихий в поэзии

Ф.И. Тютчева

Теоретической базой алхимии послужило учение о четырех элементах, первооснове мира, восходящее к философии древних мыслителей – Эмпедокла, Платона, Аристотеля и др. Традиционно единство четырех стихий изображается пентаграммой, пятый луч которой символизирует Дух. Существует мнение, что человек способен управлять всеми стихиями, кроме духа, представляющего собой так называемую немодулированную энергию [Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

В поэзии Ф.И. Тютчева функционирует полисемичная лексема «стихия», обладающая несколькими дефинициями, в основном отражая взгляд древних натурфилософских учений на существующий мир и называя 'один из основных элементов природы' (СОШ: 768). Лексема «стихия» в поэзии Ф.И. Тютчева употреблена 10 раз и в 6 случаях она метафорически связана с водой: «Настанет ночь – и звучными волнами *Стихия* бьет о берег свой» («Сны», с. 82); «И вот, свободная *стихия*, – ... Шумишь ты, как во дни былые, И катишь волны голубые, И блещешь гордою красой!» («Черное море», с. 259).

Выделяемая, наряду с четырьмя традиционными (земли, воздуха, воды, огня), *пятая стихия* (так называемый Дух) у Ф.И. Тютчева представлена в первую очередь посредством *мысли*, интерпретируемой как пятый элемент. Неслучайно современники «называли его поэтом мысли» [Касаткина 1969: 16], так как в тютчевской поэзии, помимо фразеологизма *пятая стихия* («Здесь дым один, как *пятая стихия*...» – «Дым», с. 232), вычленяются другие изображающие ее ФЕ: *прийти на мысль, мыслящий тростник*. В данном случае наблюдается факт пересечения СП, поскольку данные ФО мы рассматривали среди фразеологизмов речемыслительной деятельности человека.

Напрямую с фразеологическим проявлением стихий в стихотворениях Ф.И. Тютчева связано метафорическое отражение самой природы и Бога, поскольку религиозная тематика является сквозной в творчестве поэта и накладывает отпечаток и на его поэтическую фразеологию: *Природа-мать* – 'та, что дает всему жизнь' (ПСТ: 588): «*Природа-мать* ему дала Два мощных, два живых крыла...» («С поляны коршун поднялся...», с. 130) и *Отец природы* – 'создатель' (ПСТ: 588): «...И что крылаты годы С печального лица земли В хранилище времен с собою увлекли, Не пременит того и сам *Отец природы*» («Послание Горация к мекенату, в котором приглашает его к сельскому обеду», с. 49). Данные ФЕ синтаксически представляют собой единицы субстантивного типа.

ФЕ *Природа-мать* встречается в стихотворении «Памяти Добролюбова»: «*Природа-мать!* когда б таких людей Ты иногда не послала миру, Заглохла б нива жизни...» (Н.А. Некрасов), а также у других авторов (Владимира Орлова, Марины Москвиной, Сергея Седова, Виктора Розова, Максима Милованова, Анатолия Трушкина, Татьяны Соломатиной и др.), что зафиксировано в основном корпусе НКРЯ.

Таким образом, в тютчевской фразеологии, посвященной стихиям, а также двум основополагающим «природным» номинациям, стоящим над стихийными проявлениями, усматривается некая иерархия: над всеми стихиями главенствует природа, являющаяся в свою очередь божественным творением. А одним из концептуальных когнитивных признаков «состояния природы» является «*стихийность*, то есть осмысление носителями русского языка природных состояний как неподвластных человеческой воле, непредсказуемых» [Селеменева 2011: 51]. Данные философские категории тесно соприкасаются с понятием *вечности*, представляющей собой «цельность, в которой нет промежутков и протяженности и для которой нет будущего, так как с ней не может ничего произойти» [Казакова 2010: 74].

О стихиях в поэзии Ф.И. Тютчева говорят в своих научных работах А.Л. Голованевский, В.Ф. Погорельцев, В.Н. Касаткина [Голованевский 2012а; Погорельцев 2009; Касаткина 1969] и др.

Существует множество типологий и классификаций, базирующихся на различных принципах и подходах, с точки зрения формы, структуры, значения, содержания, оформления. Вариативность употребления и обрастание новыми смыслами ФЕ возникает благодаря тому, что «каждая языковая ФЕ представляет собой своеобразную смысловую схему, структурно-семантическую модель, наполняющуюся в разных текстах индивидуализированным смысловым содержанием» [Третьякова 1996: 135]. Семантико-синтаксические функции, соприкасаясь и взаимодействуя, образуют также основу деления единиц на группы, способную дать целостное представление об изучаемом явлении.

Дифференцируем все ФЕ (их более 50), принадлежащие каждой стихии, с позиций *динамики* и *статики*. Таким разграничением единиц пользуется, например, в своих работах Т.В. Топорова. *Динамические* единицы характеризуют *объект, направление, цель, статические* – *субъект, локус, инструмент* [Топорова 2011: 54].

3.1.1. Стихия земли

В качестве структурного, обычно синтаксически зависимого, компонента фразеологизмов, отражающих земную стихию в поэзии Ф.И. Тютчева, в основном выступает существительное *земля* или производное от него прилагательное *земной*, при этом семантическая нагрузка фразеологического значения распределяется равномерно между элементами. Этимологически лексема *земля* является общеславянской, возникшей из утраченной словоформы индоевропейского характера *земь* – ‘земля, пол, низ’ при помощи суффиксального форманта *-j-* (Шанский 1975: 162). В сферу исследования в данном случае попадает 16 ФЕ.

С позиций разграничения динамики и статики дифференцируем тютчевские фразеологизмы с заданной семантикой таким образом. К динамическим ФЕ отнесем:

- объект – *мир земной, земной шар, чертеж земной, правда земная, мерзость запустения;*
- направление, цель – *сложить в землю, прирасти к земле.*

Статическими фразеологизмами, отражающими земную стихию, являются:

- субъект – *бог земной, земной сын;*
- локус – *на краю земли, с лица земли (земного), меж небом и землей;*
- инструмент – *ветвие от древа Аполлона, Стиксовы берега.*

По замечаниям В.Н. Касаткиной, в поэтическом мире Ф.И. Тютчева *земля* представляется как центр вселенной, а другие стихийные первоосновы

(вода, огонь, воздух) имеют с ней неразрывную связь [Касаткина 1969: 20]. Динамика и статика в поэзии Ф.И. Тютчева, выражающиеся семантически, а в частности, в значениях ФО, являются глубоко взаимосвязанными явлениями, четкой грани между этими категориями нет.

Динамическая характеристика определяет устойчивые сочетания, в семантике которых содержится реальное и потенциальное движение. ФЕ, отражающие *объект*, представляют собой единицы субстантивного типа. Это объясняется во многом их семантико-синтаксическими функциями: в предложении это в основном подлежащие и дополнения, значительно реже – другие члены предложения.

Как фразеологическое изображение ‘земного существования’, что отмечено в ПСТ (С. 352), в поэзии Ф.И. Тютчева выступает ФЕ *мир земной*: «Иль блаженные две тени Покидают *мир земной*?» («На Неве», с. 165). Целостность семантики данной единицы складывается благодаря влиянию омонимичных и полисемичных значений стержневого слова производного для данного фразеологизма свободного словосочетания. Приведенный ФО обладает парадигматической связанностью, по Д.Н. Шмелеву.

Более узким понятием по отношению к предыдущей ФЕ, также с парадигматической связанностью, выступает ФО *земной шар* в значении ‘планета Земля’ (ПСТ: 251). Данную единицу можно отнести к речевым штампам: «Как океан объемлет *шар земной*...» («Сны», с. 82); «...С быстротой чудесной, Кругом вратится *шар земной*...» («Из “Фауста” Гёте», с. 113). У советского поэта Сергея Орлова читаем:

Его зарыли в шар земной,

А был он лишь солдат...

...Руками всех друзей

Положен парень в шар земной,

Как будто в мавзолей... (1944) (НКРЯ).

В советской поэзии данная ФЕ приобретает высокий поэтический ореол и при этом не утрачивает терминологичности, которая свойственна тют-

чевскому фразеологизму. Возникает не просто значение ‘похоронить солдата’, а возвысить память о нем навечно. Он вечен, как и Земной шар.

Изображение макета Земли представлено в поэтическом мире Ф.И. Тютчева посредством ФЕ *чертеж земной*. Это высвечивается в значении фразеологизма по ПСТ – ‘карта земли, глобус’ (С. 251): «Тебе, Колумб, тебе венец! *Чертеж земной* ты выполнивший смело...» («Колумб», с. 150). Данный фразеологизм соответствует типу фразеологической связанности – П + Д (по типологии Д.Н. Шмелева).

Семантика всех приведенных выше фразеологизмов объединена цепочной связью: одно значение вытекает из другого. Парадигматические связи данных ФЕ характеризуются синонимией и гиперо-гипонимическими отношениями.

ФЕ *правда земная* (по Д.Н. Шмелеву – П +С) со значением в ПСТ ‘то, что признано людьми правильным, справедливым’ (см. стихотворение «29-е января 1837», с. 140) стоит несколько в стороне от общей семантической структуры динамических ФЕ со значением *объекта*. И тем не менее данный фразеологизм закономерно вписывается в общую картину изображения *земли*, обладая еще более узкой семантикой земного существования людей.

В данной группе тютчевских ФО выделяется выражение из Библии *мерзость запустения* (книга пророка Даниила, 9, 27), употребленное в значении ‘полное разорение, опустошение, грязь’ (БАС 6: 853): «Итак, когда увидите *мерзость запустения*, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте – читающий да понимает» (Евангелие от Матфея гл. 24, стих 15) [Святое Евангелие 1914: 105]. В поэзии Ф.И. Тютчева эта ФЕ реализуется в строках: «Минули веки искушенья, Забыты страшные дела – И даже *мерзость запустенья* Здесь райским крином расцвела» («Над русской Вильной стародавней...», с. 254).

В целом семантика этого круга фразеологизмов основана на осознании Земли в качестве планеты, населенной людьми.

Направление, цель в тютчевской фразеологии, изображающей стихию земли, представлены посредством единиц глагольного типа. Их синтаксическая роль обусловлена семантической характеристикой данного объединения устойчивых сочетаний.

Тютчевская ФЕ *прирасти к земле* со значением 'оставаться на земле, не имея возможности подняться вверх' (ПСТ: 587) (см. стихотворение «С поляны коршун поднялся...», с. 130) находит соответствия в узуальных словарях, например в СТСРИ – *прирасти к месту* (СТСРИ: 14) с аналогичным значением. Приведенный фразеологизм дает характеристику невозможности, неспособности изменить положение, отображает динамическое направление и целевую незавершенность, его значение базируется на ассоциации с законом гравитации в механике.

ФЕ *сложить в землю* встречается в поэтическом мире Ф.И. Тютчева в значении 'предать земле кого-, что-либо, похоронить' (ПСТ: 721) (С + Д – по Д.Н. Шмелеву): «Ах, и не в эту землю я сложил Все, чем я жил и дорожил!» («Итак, опять увиделся я с вами...», с. 154). В данном случае денотат *земля*, синтаксически являющийся зависимым компонентом, а семантически – основным, приобретает черты антропоцентризма, с которым «ассоциируются некоторые ритуалы, например погребения (*положить / опустить в землю*)» [Топорова 2011: 54].

Фразеологизмы данной динамической группы характеризуют стихию *земли* как 'сушу в противоположность водному или воздушному пространству' (СОШ: 229).

Статическими фразеологизмами, отражающими земную стихию, являются носители стабильных, неизменных по своей сути категорий. *Субъект* осмыслен в тютчевской поэтической фразеологии некими оппозиционными клише, синтаксически представляющими собой словосочетания по принципу полного согласования.

Субъективное мировоззрение поэта на уровне фразеологии в данном случае выходит на уровень антонимической оппозиции: с одной стороны, пе-

ред читателем земной повелитель, отождествляемый Ф.И. Тютчевым с Богом, с другой, – его подчиненный. На семантике стержневых компонентов приводимых фразеологизмов основывается антонимия ФЕ. *Бог земной* (об этом фразеологизме сказано в предыдущем параграфе при характеристике общества), противопоставлен *земному сыну* в значении по ПСТ ‘человек, люди, живущие на земле’ (С. 251): «Она с небес слетает к нам – Небесная к *земным сынам...*» («Поэзия», с. 158). Фразеологическая связанность данных ФО соответствуют схеме П + Д (по типологии Д.Н. Шмелева). Снова наблюдается факт пересечения СП.

Фразеологическое изображение *локуса*, то есть положения, локализации, Ф.И. Тютчевым реализуется посредством актуализации лексемы «земля» в сочетаниях различных парадигм.

Тютчевская ФЕ *на краю земли* (см. стихотворение «Бессонница», с. 80) в значении ‘где-то очень далеко’ (ПСТ: 250, 305-306) варьируется формально и семантически, она зафиксирована в разных падежных формах в других фразеологических словарях, к примеру: в СТСРИ *край земли, на край земли* – ‘далеко, безгранично, высоко’ (СТСРИ: 13); в ФСРЯ *на край света [земли]* – ‘куда-нибудь очень далеко, куда угодно (идти, бежать и т.п.)’ (ФСРЯ: 211). Отражается мифическое представление формы земли, имеющей края. Еще до того как учеными была доказана эллиптическая форма нашей планеты, люди, видящие линию горизонта, представляли себе Землю плоской. Так называемая концепция плоской Земли прекратила свое существование еще в античном мире, а до этого времени была распространена в космогонической мифологии некоторых древних народов, исповедующих, к примеру, индуизм и буддизм, а также отражалась в скандинавской мифологии [Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

ФЕ *меж небом и землей* (см. стихотворение «Из Эрнани <Гюго>», с. 109) в значении ‘очень высоко’ (ПСТ: 413) встречается в поэзии Ф.И. Тютчева в качестве языкового фразеологизма, который фиксируется в других словарях, обладая семантическим разноречием, помимо формальных

видоизменений: в СОШ *небо и земля* в значении совершенных противоположностей (СОШ: 401); в СТСРИ *между небом и землей (оказаться)* со значением неопределенности, неуверенности, ненадежности (СТСРИ: 18); в ФСРЯ *между небом и землей* в значении '1) без жилья, без крова, без пристанища (жить, пребывать, обитать и т.п.); 2) в неопределенном положении, состоянии (быть, находиться и т.п.)' (ФСРЯ: 272).

Данная ФЕ реконструирует «представление о первоначальном единстве земли и неба», а как «медиаторы между землей и небом» могут выступать различные предметы действительности: «*столб, кольцо, курево (дым, пыль из под копыт коня)*...» и др., что отмечает Т.В. Топорова [Топорова 2011: 54]. На столкновении неразрывных, и тем не менее оппозиционных, частей одного целого, локализованного представления о мире, и на столкновении семантических антонимов создается в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева пограничность между двумя разными стихиями: земной и воздушной. А устаревший вариант усеченного предлога придает ФЕ возвышенность и добавляет в ее семантику дополнительные коннотации.

Фразеологизмы рассмотренной группы характеризуют земную стихию через осмысление пятого лексического значения слова *земля* – 'страна, государство, а также вообще какая-н. большая территория Земли (высок.)' (СОШ: 229).

Выделяется две ФЕ (по Д.Н. Шмелеву – П + С + Д), семантически тождественные статусу *инструмент* по выбранной классификации. Это ФЕ *ветвие от древа Аполлона* – 'лавр' (ПСТ: 96, 200) («*Да ветвию от древа Аполлона* Его питомца я увью!» – <С.Е. Раичу>, с. 55) и *Стиксовы брега* – 'царство Аида, где протекает река Стикс' (ПСТ: 946) («...Но родины спаситель, Снизу весел к *Стиксовым брегам*» – «Гектор и Андромаха» (*Из Шиллера*), с. 59). Второй фразеологизм соединяет в себе проявление двух стихий – земной и водной. Так, лишний раз подчеркивается непрерывное взаимодействие и неразрывная связь между различными стихиями. Семантико-синтаксическая категория статических ФЕ со значением «инструмент» ха-

рактирует в целом стихию земли с точки зрения ее составляющих. Такими компонентами являются растение с ярко выраженной символикой и топографический объект античной мифологии.

3.1.2. Стихия воздуха

Воздушная стихия, по Ф.И. Тютчеву, самая легкая и чистая, она «как река, опоясывает землю и является условием жизни», но может быть грозной, например, во время бури [Касаткина 1969: 20-21]. Стихию воздуха Ф.И. Тютчев изображает в основном посредством единиц, фразеологически называющих небо (14 ФЕ). Среди них к *динамическим* фразеологизмам со значением *объекта* относятся *горняя высота, небесный свод – неба свод – звёздный свод, Небесный храм, небесный лев, небеса родные*; со значением *направления* – *на волю неба, приподнять к небу, путь небесный*.

Статика представлена *субъектом* – *небесные власти, небесный дух, небесные слуги, тени воздушные, Небесный царь* и *локусом* – *меж небом и землей* (ФЕ пограничного характера – совмещение свойств воздушной и земной стихий).

Обладая общим значением *динамического объекта*, ФЕ *горняя высота* у Ф.И. Тютчева является аллюзией к «выражению, упоминаемому в евангелии от Матфея (5.14)» [Тютчев 1987: 415], обозначает горную страну (ПСТ: 142; БАС 3: 301) и проявляет свою фразеологическую семантику, например в контексте стихотворения «Любезному папеньке!» (С. 267): «Так солнце, с *горней высоты*, С улыбкой смотрит на цветы...». Текст написан по случаю дня рождения отца, Ивана Николаевича Тютчева, его одиннадцатилетним сыном (1768-1846) [Тютчев 1987: 419].

По сути, единицы внутри данной семантико-синтаксической группы в большинстве своем являются синонимами, но и среди фразеологических конструкций наблюдается некая иерархия или параллелизм. Одни ФЕ вступают в гиперо-гипонимические отношения, другие образуют синонимические ря-

ды, параллельные другим синонимическим парадигмам. В ряде случаев «на статус выражения как словосочетания или свободного сочетания слов оказывает существенное влияние орфографическая традиция» (ФОСРЯ: 7-8).

Синонимические фразеологизмы *небесный свод*, *неба свод*, *звездный свод* (ПСТ: 679) (по Д.Н. Шмелеву – П +Д) обладают как фразеологической семантикой, так и прямой номинацией, большая часть смысловой нагрузки лежит на зависимом компоненте, в то время как синтаксически главный элемент каждой фразеологической структуры (аналогичный для всех трех синонимов) является носителем метафоричности и образности («*Небесный свод*, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины...» – «Сны», с. 82; «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет, Глубок и чист лазурный *неба свод*...» – (Из Гёте), с. 180; «...И кто живет под *звездным сводом*?» – «Вопросы» (Из Гейне), с. 75). Наблюдается отсылка к факту составления первой в истории карты звездного неба, созданной халдейскими звездочетами, жителями древнего населения Месопотамии [Тютчев 1987: 374].

Фразеологическое фиксирование одного из семи чудес света, ‘знаменитого маяка на острове Фарос’, расположенного недалеко от Александрии (ПСТ: 411), проявляется в ФЕ *Небесный храм* (см. стихотворение «Урания», с. 51). Архаичная форма синтаксически зависимого компонента данной единицы (ее флективная особенность) дополняет общую семантику коннотациями, присущими возвышенной речи, а фразеологическая связанность определяется по схеме Д.Н. Шмелева как С + Д.

Фразеологическая номинация ‘созвездия Льва’ (ПСТ: 322, 411) в поэтической интерпретации Ф.И. Тютчева реализуется в ФЕ *небесный лев* (по Д.Н. Шмелеву – С + Д): «Уже *небесный лев* тяжелою стопою В пределах зноя стал...» – «Послание Горация к меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду», с. 48.

В противоположность космическим объектам, но как проявление небесной, воздушной стихии, изображена родина в тютчевской поэзии. В ФЕ *небеса родные* реализуется семантика ‘родина, Россия’ (ПСТ: 647), а фразео-

логическая связанность соответствует схеме Д.Н. Шмелева П + Д (см. стихотворение «Есть много мелких, безымянных...», с. 201). В данном поэтическом фразеологизме Тютчева проявляются «специфические черты обыденного сознания этноса», о чем пишет Н.А. Козько [Козько 2012: 34-37].

«Воздушная» *динамика* находит проявление в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева в ФЕ со значением *направления*. Фразеологизм *на волю неба* (по Д.Н. Шмелеву – С + Д) имеет значение ‘отойти от земных забот’ (ПСТ: 120), фиксируется, например, в таком тютчевском контексте: «*На волю неба* предалась она» («Итальянская villa», с. 141). Небо изображено в качестве высшей инстанции, обладающей правом судить. Эта коннотация присуща также ФЕ *приподнять к небу* в значении ‘взять на небо, уйти из жизни’ (ПСТ: 587): «...Но сильная К нему рука спустилась – И *к небу*, милосердая, его *приподняла!*» (<Из «Пятого мая» Мандзони>, с. 102). Единицы данной группы ФЕ гармонично сосуществуют в контексте тютчевской фразеологии и вне его в качестве оригинального языкового явления, а семантика каждой из них вытекает из значения другой или дополняет ее. Фразеологизм *путь небесный* (по Д.Н. Шмелеву – П + Д) со значением ‘то, что предназначено свыше’ (ПСТ: 612) фиксируется в контексте стихотворения «Как дочь родную на закланье...» (С. 120), возникшего в качестве реакции на взятие Варшавы 25 августа 1831 г. русскими и развернувшуюся в связи с этим в европейской печати антирусскую кампанию [Тютчев 1987: 383].

Статический субъект воздушной стихии в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева характеризуется фразеологизмами с единым синтаксически зависимым компонентом, в семантике которого заключено основное «стихийное» значение, наделен религиозными коннотациями и поэтично изображает представителей божественной воли в противопоставление демоническим проявлениям. Все приводимые ниже ФО соответствуют схеме П + Д (по Д.Н. Шмелеву).

Отправной точкой среди единиц данной тематики является фразеологизм *Небесный царь* со значением ‘Бог, Иисус Христос’ (ПСТ: 411, 881-882):

«...Удрученный ношей крестной, Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь небесный Исходил, благословляя» («Эти бедные селенья...», с. 191). В данном контексте ко всему прочему иносказательно изображена крепостная Россия.

Но в стихотворениях Ф.И. Тютчева, наряду с изображением единобожия, имеются строки (и непосредственно фразеологизмы), отсылающие к греко-римской мифологии, а иногда – к язычеству. Так, ‘Боги’ (ПСТ: 107) названы *небесными властями* в поэтическом контексте: «Кто с хлебом слез своих не ел, ...Тот незнаком с *небесными властями*» (<Из «Вильгельма Мейстера» Гёте>, с. 92).

Иерархическую лестницу в нисходящем направлении продолжает *небесный дух*, выступающий прототипом ‘нечистому, злосчастному духу’ (ПСТ: 206) (см. стихотворение «Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 97). Далее следуют *небесные слуги* как ‘служители культа’ (ПСТ: 411). Данная ФЕ реализуется, например, в стихотворении «Императору Александру II» (С. 277-278). Это стихотворение написано в связи с запланированным и несостоявшимся посещением больного поэта Александром II [Тютчев 1987: 421].

Фразеологизация поэтического контекста у Ф.И. Тютчева происходит при создании ФЕ *тени воздушные* (см. стихотворение «Из Шекспира», с. 93), обозначающей ‘возникающие в сознании образы несуществовавших или ушедших из сего мира людей’ (ПСТ: 803). Данный фразеологизм замыкает иерархическую лестницу так называемых небесно-воздушных субъектов.

Статика внутри фразеологической стихии воздуха в поэтическом мире Ф.И. Тютчева проявляется также в одной единице со значением *локуса*, расположенной на периферии воздушной и земной стихий – *меж небом и землей* в значении по ПСТ ‘очень высоко’ (ПСТ: 413). Об этой ФЕ мы говорили, рассматривая земную стихию, где отмечали ее контаминационный характер, несовпадение тютчевского значения с приводимыми в словарях.

3.1.3. Стихия воды

Водная стихия влечет поэта, уже сама по себе она является динамичным проявлением, это «самая древняя», «живая и гармоничная стихия», «давая жизнь, она же, в конце концов, и погубит Землю» [Касаткина 1969: 20].

Фразеологизмы *стихии воды* (12 ФЕ) с точки зрения динамического и статического подхода можно классифицировать следующим образом. Среди *динамических* единиц выделяются только с *объектным* значением: *Британские воды, Нептуновы владенья, Женевские воды, ключевые воды, Средиземные волны, пустыня водяная, пучины сланные, свободная волна – свободная стихия, сонм вод, рьяный конь, конь морской. Направленных и целевых* ФЕ не выделяется. Среди *статических* фразеологизмов в условиях семантически водного пространства размещаются ФЕ, характеризующие *инструмент* – *Стиксовы берега, змей морской*. За пределами тютчевской фразеологии, отражающей стихию воды, остались *субъект* и *локус*: «Един с *Британских вод*, другой с Альпийских гор...» («Уралия», с. 53); «И мнит,.. Что слышит ток *подземных вод*...» («Безумие», с. 86); «И нам завещанное море Опять *свободною волной*, О кратком позабыв позоре, Лобзает берег свой родной» (<А.М. Горчакову>, с. 257); «...Но, родины спаситель, Снизу весел к *Стиковым берегам*...» («Гектор и Андромаха» (*Из Шиллера*), с. 59).

Вода нередко выступает в образно-мифологическом сознании и в реально-бытовой повседневности эквивалентом бытия. «В мифологии самых разных народов вода наделяется сакральным статусом, в рамках мифологических представлений принято говорить о спасательной, оберегающей и омолаживающей функциях воды», но она нередко вызывает негативные ассоциации, выступая источником зла [Арзамазов 2012: 33].

3.1.4. Стихия огня

Как пишет В.Н. Касаткина, противопоставлен воде огонь, являющийся для Земли также и полезным, и опасным, его родина – небо, когда воды рождаются в глубине Земли [Касаткина 1969: 20]. *Стихия огня* в поэтическом мире Ф.И. Тютчева изображается в основном посредством *динамических объектных* фразеологизмов (нами зафиксировано всего 8 ФЕ) – *капли огневые, потешные огни, божественный огонь, Гусов костер, неугасимый костер, очистительный костер*. Значение *цели* реализуется во ФЕ *с жаром*. А *статический субъект* представлен единицей *вулкан перегорелый*.

Во фразеологическом плане водная стихия пересекается с огненной. ФЕ *капли огневые* в качестве *объекта*, выразителя *динамических* свойств с позиций семантико-синтаксической характеристики, построена по принципу оксюморона, соединяя две противоположные стихии – водную и огненную. Формально сближаясь со стихией огня (и частично – воды), семантика данного фразеологизма проявляется в значении ‘слезы’. Эта ФЕ является эмоционально-коннотативным информантом (ПСТ: 291), соответствует схеме фразеологической связанности – П + Д (по Д.Н. Шмелеву): «Небесный луч играет в них И, преломляясь о *капли огневые*, Рисует радуги живые...» («Слезы», с. 66); «И по младенческим ланитам Струились *капли огневые*...» («Восток белел. Ладья катилась...», с. 122). Предположительно, второе стихотворение написано в 1833-1834 гг., в первые годы увлечения Ф.И. Тютчева Эрнестиной Пфеффель [Тютчев 1987: 384].

Атрибутивность человеческого существования, в данном случае – праздника, изображена посредством ФЕ *потешные огни* в значении ‘фейерверк’ (ПСТ: 558; БАС 10: 1614) (см. стихотворение «Пожары», с. 238). Впечатление от зрелища лесных пожаров под Петербургом в 1868 г. отразилось в этом лирическом произведении.

Абстрактное проявление огненной стихии в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева реализуется в библеизме *божественный огонь* со значением

‘редкого дара восприятия природы’ (ПСТ: 459) (по Д.Н. Шмелеву – П + Д): «Но, ах! не нам его судили; Мы в небе скоро устаем, – И не дано ничтожной пыли Дышать *божественным огнем*» («Проблеск», с. 71).

Указание на мифологическую птицу Феникс, «сгорающую на костре и возрождающуюся из его пепла» [Тютчев 1987: 304], согласно легенде, символизирующую солнце, бессмертие, возрождение, содержится в тютчевском фразеологизме *очистительный костер* (П + Д) (см. стихотворение «Как дочь родную на закланье...», с. 120). В этом контексте наблюдается присущая поэзии Ф.И. Тютчева эмблематичность, присутствует политический подтекст, так как на гербе Польши главное место отведено орлу [Тютчев 1987: 383].

В данной группе ФЕ фиксируются два контекстуальных синоним-дублета *Гусов костер* («...На *Гусовом костре* неугасимом Расплавь ее последнее звено» – «Гус на костре», с. 254) и *неугасимый костер* (БАС 7: 1224) («Примите Чашу! Вам звездой В ночи судеб она светила... О, вспомните, ...И что в *костре неугасимом* Она для вас обретена» – «Чехам от московских славян», с. 246) как изображение ‘костра, на котором был сожжен Ян Гус’ (ПСТ: 432, 932). Второй стихотворный текст посвящен 500-летию со дня рождения чешского реформатора и проповедника Яна Гуса (1369-1415), который был приговорен католической церковью к сожжению на костре по обвинению в ереси [Тютчев 1987: 415]. Фразеологическую природу выражения *неугасимый костер* также подтверждают данные НКРЯ, поскольку оно зафиксировано у других авторов (например: К.Д. Бальмонт «На заре», 1929; А.П. Платонов «Чевенгур», 1929).

В качестве *цели* среди *динамических* фразеологизмов рассматривается ФЕ *с жаром*, представленная в ПСТ в двух значениях: ‘1. Горячо, с увлечением’ («Он кубок взял и осушил И слово молвил *с жаром*...» – «Певец» (*Из Гёте*), с. 90); ‘2. Разгоряченно, бурно’ («...Та злая жизнь, *с ее мятежным жаром*, Через порог заветный перешла?» – «Итальянская villa», с. 142) (ПСТ: 220). В СТСРИ данный фразеологизм встречается в качестве ‘интенсификатора общего характера’ (С. 14), характеризующего конкретные свойства.

Статика огненной стихии изображена посредством одной единицы со значением *субъекта* – *вулкан перегорелый* (по Д.Н. Шмелеву – П + С + Д). Ф.И. Тютчев фразеологично говорит ‘о поэте Байроне, чья жизнь и творчество подобны огнедышащему вулкану, закончившему извержение’ (ПСТ: 137, 509): «Он стихнул днесь, *вулкан перегорелый*» («Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 99).

3.2. Фразеологическое изображение животного мира в поэзии

Ф.И. Тютчева

В тютчевской фразеологии образы животных заимствуются из различных типов и классов по зоологической характеристике [Билич, Крыжановский 2012]. Всего насчитывается 24 фразеологизма, которые можно классифицировать следующим образом.

- Тип хордовых:
 - класс птиц (13 ФЕ, в том числе образ птицы – 6 ФЕ, отдельные соматизмы – 7 ФЕ) - *лебедь Мантуи, орел Екатерины, Феррарский Орел, Зевесов орел, орел одноплеменный, в главе орлы парили; львиное крыло, под крылом, одеть крылом, прикрывать крылом, простереть крылья, тронуть крылом, от первых перышек*);
 - класс млекопитающих (7 ФЕ) - *рьяный конь, конь морской, небесный лев, северный медведь, Британский леопард, наш лев, Буриданов друг*.
- Класс пресмыкающихся (2 ФЕ) - *змея морской, змеиная мудрость*.
- Тип членистоногих:
 - класс насекомых (1 ФЕ) – *сосать, как пчела*;
 - класс ракообразных (1 ФЕ) - *сидеть на мели, как рак*.

«Представители зоологического мира» [Павлова 2011: 12] нередко становятся предметом поэтизации, так как, по рассуждениям В.М. Мокиенко, с животными и их повадками часто соотносились физические и нравственные качества людей [Мокиенко 1975]. Существует ряд работ, посвященных рас-

смотрению данной темы в различных литературных формах и жанрах [Жарникова 1994; Кобелева 2009; Медведева 2010; Чернышева 2011].

Устойчивые сочетания в поэзии Ф.И. Тютчева с семантическим образом животного в своей структуре отражают в той или иной мере разнообразные сферы жизни общества. Иные носят описательный, иносказательный или перифрастический характер, изображая реалии или явления действительности. В этом случае они могут быть отнесены к разным выделенным нами семантическим группам (*конь морской, небесный лев*).

Птицы в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева представлены образами лебедя и орла. Здесь коснемся устойчивых сочетаний с соматизмами *крыло* и *перышко*.

Ф.И. Тютчев традиционно возвеличивает образ лебедя, соотнося его с 'поэтом Вергилием, уроженцем Мантуи' (ПСТ: 322) во фразеологизме *лебедь Мантуи* (см. стихотворение «Урания», с. 52). Чаще всего лебедь «символизирует стремление к высокому, мечту, чистоту, красоту, счастье, поэзию, свободу и одиночество» [Вейкова, Каганович 2012: 30; см. также: Ковшова 2008]. Фразеологическая связанность ФО – П + С + Д (по Д.Н. Шмелеву).

Значимость образа «гуся-лебедя» в мифопоэтическом восприятии мира подтверждается частотностью его употребления в культурном наследии (фольклорные тексты, вышивка, керамика, резьба и др.). А, например, Млечный Путь, в мифологическом представлении изображающий дорогу в загробный мир, у многих народов (тюрков, угрофинов, чувашей, греков) именуется «лебединой, гусиной дорогой» [Югай 2009: 110-112].

Солидное место в тютчевской фразеологии с образом животного отведено орлу. Ассоциируясь с личностью, данные ФЕ по принципу языковых аналогий выходят на уровень метафоры, поскольку *орлом* часто называют «храброго, сильного, мужественного человека» [Тризна 2010: 59]. Некоторые фразеологизмы с компонентом «орел» изображают или указывают на исторически значимых лиц. Князь Г. Потемкин, что отражено в ПСТ (С. 482) назван Ф.И. Тютчевым *орлом Екатерины* («То, что *орел Екатерины* Уж при-

крывал своим крылом, – Венца и скиптра Византии Вам не удастся нас лишить!» – <К.В. Нессельроде>, с. 164). Итальянский поэт Торквато Тассо (1544-1595), «долгие годы живший в Ферраре при дворе герцога» [Тютчев 1987: 481], именуется *Феррарским Орлом* («*Феррарскому Орлу* ни грозных боев ряд, ...Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад Превыспренных путей нигде не воспретят...» – «Урания», с. 53). Изображение птицы в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева берет свои истоки и в мифологии Древней Греции [Кун 1998]: ФЕ *Зевесов орел*, изображающая орла как ‘символ верховного бога Зевса’ (ПСТ: 481-482): «...Ты скажешь: ветренная Геба, Кормя *Зевесова орла*, Громокипящий кубок с неба Смеясь, на землю пролила» («Весенняя гроза», с. 77). По Д.Н. Шмелеву, эти ФЕ отнесем к типу П + Д.

Эмблематичность поэзии Ф.И. Тютчева проявляется также благодаря соматизму «крыло», которое является элементом некоторых эмблем и гербов, например ‘крылатый лев – эмблема Св. Марка, считавшегося покровителем Венеции’ (ПСТ: 314; БАС 6: 414). В тютчевской поэзии этот факт запечатлен во ФЕ *львиное крыло* (см. стихотворение «Венеция», с. 161). В данном фразеологизме наблюдается контаминация семантики: совмещение признаков зверя и птицы. Дефинитивному расширению фразеологизма способствует опора на соматическую природу животного.

Соматическая фразеология Ф.И. Тютчева, отражающая образ птицы, представлена следующими ФЕ с соматизмами *крыло* и *перышко*.

ФЕ *под крылом* имеет значение ‘под опекой, защитой’ (ПСТ: 314) (см. стихотворение <С.Е. Раичу>, с. 73). ФСРЯ фиксирует данную единицу с возможностью расширения компонентного состава и со словообразовательным формантом стержневого слова: *держат под <своим> крылышком* кого-л. – ‘опекать, оберегать; покровительственно относиться к кому-л.’ (ФСРЯ: 137).

В поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева взаимодействуют семантические центры соматических ФЕ с компонентами *крыло*, *рука*, *стопа*. Образуя структурно сходные фразеологизмы, данные соматические объекты в своих дистрибутивных позициях сближаются и семантически. Ср.: *под рукой*

– ‘находиться в чьей-либо власти’ (ПСТ: 654), *под стопой* – ‘под чьим-либо владычеством’ (ПСТ: 764) и *одеть крылом* – ‘прикрыть, защитить от бед’, *прикрывать крылом* – ‘защищать, взять в собственность’, *простереть крылья* – ‘охватить заботой, покровительством’; *тронуть крылом* – ‘повлиять на что-либо’ (ПСТ: 314): «И много лет и теплых южных зим Провеяло над нею полусонно, Не *тронувши* ее *крылом* своим» («Итальянская villa», с. 141); «То, что орел Екатерины Уж *прикрывал* своим *крылом*...» (<К.В. Нессельроде>, с. 164). Во ФСРЯ представлен такой фразеологизм со сходной семантикой синтаксически главного компонента: *расправлять (расправит) крылья* – ‘начинать проявлять в полной мере свои силы, способности; действовать энергично, решительно, смело’ (ФСРЯ: 385).

Обратимся к *классу млекопитающих* в поэзии Ф.И. Тютчева.

Политико-географическая ситуация вырисовывается в поэтическом мире Ф.И. Тютчева посредством эмблематических фразеологизмов, контекстуально являющихся антонимами в стихотворении «Британский леопард За что на нас сердит...» (С. 273-274) и соотносимых по схеме Д.Н. Шмелева с типом П + Д. Речь идет о противопоставлении России европейским странам, в данном случае – Великобритании: *северный медведь* в значении ‘Россия, русский народ’ (ПСТ: 689-690) и *британский леопард* – ‘Великобритания, в гербе которой изображен лев’ (ПСТ: 56), *наш лев* – ‘англичане, Великобритания’ (ПСТ: 408) («...Наш *северный медведь* – Земляк наш всероссийский – От права своего не хочет отказаться Себя оборонять, подчас и огрызаться»; «*Британский леопард* За что на нас сердит?»; «*Наш лев* сердито зарычал. – Как! он, простой медведь, и хочет защищаться...»). В СТСРИ ФЕ *северный медведь* соотносится со спиртными напитками, в данном лексикографическом источнике размещен другой фразеологизм – *русский медведь* со значением ‘этнической, национальной номинации’ (СТСРИ: 21). Данный поэтический текст посвящен событиям Хивинского похода 1873 г., за которыми Ф.И. Тютчев внимательно следил по газетам, и взаимоотношениям России и Англии в это время [Тютчев 1987: 420]. Фразеологично, применяя сатиру,

юмор, аллегорию, Ф.И. Тютчев изображает при помощи образов зверей, их повадок и поведения в природе, целые нации, со своим специфическим менталитетом.

Оба устойчивых сочетания, вычлененных из стихотворений Ф.И. Тютчева и представляющих *класс пресмыкающихся*, обладают своей индивидуальной и разноречивой семантикой.

ФЕ *змея морской*, обозначая пароход, что отражено в ПСТ (С. 255) («По равнине вод лазурной Шли мы верною стезей, – Огнедышащий и бурный Уносил нас *змея морской*» – «По равнине вод лазурной...», с. 156), соотносит плод технического прогресса с «мифологическим существом» (Павлович 2009: 120-121). Создание данного тютчевского ФО основано на метафорическом восприятии действительности (П + Д – по Д.Н. Шмелеву).

Семантика другой ФЕ, заключающей в себе образ змеи, строится на поведенческом сходстве человека и пресмыкающегося. Так, *змеиная мудрость* (П + Д) – это ‘изошренная мудрость; благоразумие’ (ПСТ: 255-256): «...Хоть *мудрости зминой* Не презирал, понять ее умел...» («Памяти В.А. Жуковского», с. 184). В данной ФЕ семантическая опора приходится на прилагательное *змеиный*, в контексте *зминый* - производное от устаревшей формы *змий*. К образу змеи отсылают и стихотворные контексты А.С. Пушкина: «...И *жало мудрыя змеи* В уста замершие мои Вложил десницею кровавой» (А.С. Пушкин «Пророк»).

В пушкинской интерпретации змея – символ поэтической мудрости, а НКРЯ фиксирует употребление последователями поэта этих строк как крылатых. Но не стоит забывать, что другие контексты с данной лексемой могут обладать иной семантикой. Так, выражение *змий-искуситель* символизирует коварство и восходит к библейскому мифу об Адаме и Еве (Ашукин 1955: 210).

Номинация животного, относящегося к *классу ракообразных*, играет первостепенную роль в семантике ФЕ *сидеть на мели, как рак* – ‘быть в крайне трудном положении; быть близким к банкротству; находиться в од-

ном и том же положении, не двигаясь с места' (ПСТ: 351-352) (С + Д): «Когда расстроенный кредит Не бьется кое-как, а просто *на мели сидит, Сидит себе как рак...*» («Когда расстроенный кредит...», с. 226). Данная ФЕ размещена во ФСРЯ, обладая суженным компонентным составом: *как рак на мели* – 'в крайне затруднительном положении' (ФСРЯ: 383-384). Приведенный поэтический текст, в структуре которого уместен фразеологизм разговорного характера, представляет собой политическую эпиграмму.

Образ *насекомого* в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева реализуется в ФО *сосать, как пчела* (по схеме Д.Н. Шмелева – С + Д) – 'впитывать в себя что-либо полезное для людей, воздействуя на их чувства' (ПСТ: 746): «Он не змиею сердце жалит, Но, *как пчела*, его *сосет*» («Не верь, не верь поэту, дева...», с. 146). Стихотворение перекликается с лирическим созданием В.И. Красова «Не гляди поэту в очи...» [Тютчев 1987: 388]. Речь идет о поэте, а образ основывается на вредных для человека особенностях пчелы как насекомого. Паразитизм многих представителей этого зоологического класса находит религиозное толкование в «Мифе о сотворении насекомых», приведенном в «Словаре поэтических образов»: «Мечтал Сатана сотворить себе человека по образу и подобию Божиему, а сердце вложить свое <...> Пошел Сатана стругать неподобное, - полетели стружки во все стороны, и всякая стружка вылетала из-под его нечистой длани мухами, комарами, шершнями, оводами и прочим иным насекомым, которое *сосет*, пиявит и точит, и ничем от него не отобьешься, никуда не схоронишься, – докучная погань, гнус – творение сатанинское» (А.М. Ремизов) (Павлович 2009: 153-154). Образ насекомого вызывает разноречивые ассоциации, лексикографические источники соотносят его с другим существом, тканью, орудием, драгоценным, светом, транспортом, звуком, экзистенциальным, растением, стихией, веществом, ментальным, огнем, пространством, информацией, песком, часами, зеркалом, крестом, картой, счетом, рисованием (письмом), рукоделием, кипением и др. (Павлович 2009: 153-168).

Выводы

Человек и природа – две центральные темы в поэзии Ф.И. Тютчева. Они неотделимы одна от другой, что непосредственно сказывается на «природной» и «человеческой» фразеологии. Но собственно «природная» фразеология, как и «природная» метафора, у Ф.И. Тютчева беднее, чем «человеческая» фразеология и антропоморфная метафора.

В семантическом поле «Человек» прежде всего осмысливается понятие «человек телесный», что проявляется в языковой и авторской фразеологии с компонентами-соматизмами. На базе признакового подхода, намеченного А.Д. Козеренко, Г.Е. Крейдлиным, и типологии соматических объектов Г.Е. Крейдлина, С.И. Переверзевой в настоящем исследовании проведена классификация тютчевских фразеологизмов.

В поэзии Ф.И. Тютчева в качестве компонентов ФЕ используются соматизмы, функционально связанные с разносторонней деятельностью человека: части тела – *рука, нога (под рукой, пасть от руки, умыть руки, сбиться с ног, присмиреть у ног)* и др.; части частей тела – *лицо-лик (сказать в лицо, с лица земли (земного), лицом к лицу), глаз-око (пропасть из глаз, хохотать в глаза, верить глазам, в моих глазах, отворить очи)* и др.; телесные жидкости – *кровь, слеза (играет кровь, стынет кровь, кипит кровь, скудеет кровь, в крови до пят, купаться в крови, глядеть сквозь слезы, расточать слезы, обливаться слезами, лить слезы и др.)*.

Эмоциональный мир человека характеризуется ФЕ с соматизмом *душа*, а также с соматическими объектами *сердце, кровь*. В работе с учетом формальной и содержательной сторон они систематизированы по наиболее существенным признакам. Детальный анализ ФЕ (в том числе и перифрастического типа) с компонентом *душа* позволяет констатировать: душа является носителем соматической природы человека, но отражающим его эмоционально-духовную сферу.

Напрямую с соматической природой и духовной сферой человека связана его *речемыслительная деятельность*, реализация которой в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева происходит за счет семантической корреляции *молчание – речь*, а также *мышления* как стимула коммуникативной активности (*заветное слово, последнее слово, верить слову, дать слово, глас вопиющего в пустыне, вести беседу, сорваться с уст* и др.).

Мир людей представляет собой общество, которое фразеологически дифференцируется по разным основаниям. Из стихотворений Ф.И. Тютчева вычленены ФО, обозначающие общество как *весь существующий мир*, противопоставленный *потустороннему миру: дольний, земной, божий мир – горный мир, царство теней, Элизиум теней*. В понимании Тютчева *общество* – это народы и страны, в которых они проживают. В первую очередь – это *русский народ, Россия, славянство* как неделимое целое и противопоставленный им *иноплеменный мир*.

В творчестве Ф.И. Тютчева благодаря субъективному восприятию объективной реальности природа имеет особую значимость, представляя собой одно целое, связывающее воедино все стихии, первоосновы мира. Природные стихии в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева рассмотрены на базе динамико-статической характеристики семантической структуры языковых единиц, намеченной Т.В. Топоровой. Последовательный анализ фразеологизмов позволяет охарактеризовать их с динамической (объект, направление, цель) и статической (субъект, локус, инструмент) позиций.

Семантика ФЕ *стихии земли* у Ф.И. Тютчева во многом пересекается с ФЕ, рассмотренными в подпараграфе «Общество». Человек до своего окончательного ухода живет на земле, отсюда: *мир земной, шар земной, бог земной*. Но помимо этого, Человек и творец всего, что происходит на Земле (хорошего или плохого): *чертеж земной* (Колумб), *мерзость запустения* (из Евангелия).

Стихия воздуха, по Ф.И. Тютчеву, самая легкая и чистая, ее поэт изображает в основном посредством ФЕ, называющих небо: *горняя высота*,

небесный свод – неба свод – звездный свод, небесные слуги, тени воздушные и др.

Стихия воды, сама по себе являясь динамичным проявлением, влечет поэта. По мнению В.Н. Касаткиной, это «самая древняя», «живая и гармоничная стихия», способная дать жизнь, она же и губит: *ключевые воды, пустыня водяная, пучины сланные, свободная волна – свободная стихия* и др. [Касаткина 1969: 20].

В тютчевской поэтической фразеологии стихия воды часто пересекается со *стихией огня*, будучи ей противопоставленной. Так, ФЕ *капли огневые* в качестве объекта, выразителя динамических свойств с позиций семантико-синтаксической характеристики, построена по принципу оксюморона, соединяя семантику двух противоположных стихий – водную и огненную.

В соответствии с зоологической типологией классифицированы фразеологизмы Ф.И. Тютчева, характеризующие животных, а также их соматическую природу. Устойчивые сочетания данного семантического типа часто обладают образной или символьной нагрузкой. При сопоставлении фразеологического образа животного в творчестве разных авторов (Тютчев и Пушкин) могут возникнуть аналогии (*змеиная мудрость – жало мудрая змея*). Причем семантика данных единиц дистрибутивна, поскольку это же животное может выступать совершенно иным символом (*змий-искуситель*).

Фразеологическая система поэзии Ф.И. Тютчева выстроена благодаря обращению к данным ПСТ, фразеологических и толковых словарей, НКРЯ, работам Н.М. Шанского, А.Д. Григорьевой, Н.Н. Ивановой, схеме фразеологической связанности Д.Н. Шмелева. Поэт редко использует в стихах доподлинные варианты узуальных фразеологизмов, а лексическая мотивированность свободных сочетаний слов порой стирается под воздействием фразеологизации контекстов, возникают метафорические образы, яркие точные суждения, перерастающие во фразеологизмы в широком понимании данного языкового явления.

ГЛАВА 4.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АФОРИСТИКА Ф.И. ТЮТЧЕВА И ЕЕ МЕСТО В СОСТАВЕ АВТОРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

§ 1. Афоризмы как структурно-семантические единицы языка

Опыт и практика, фиксируясь в языке, создают новые жанры, способные выражать нестареющие истины в доступной для каждого поколения форме. К таким феноменам культуры относится афоризм.

Афоризм существует на протяжении веков. Его отголоски слышны даже в великой книге человечества – Библии. Сменялись эпохи, менялись люди, нравы, традиции, одни противоречия и события приходили на смену другим, исторические пласты жизни дали миру новые таланты, новые научные открытия, новые шедевры, как литературы, так и искусства в целом. Но во все времена у поколений возникала потребность запечатлеть в краткой чеканной форме представление о себе и действительности. Нередко привычное словосочетание, построенное необычно и поставленное в непривычный контекст, давало актуальную злободневную мысль, которая со временем и превращалась в афоризм. Многим изречениям больше 2000 лет, но до сих пор они пользуются популярностью, поражают непосредственностью и остроумием. Хорошие афоризмы – это своего рода вечные моральные истины, «народная мудрость высказывается обычно афористически», – заметил когда-то Н.А. Добролюбов. Об этом пишет Н.М. Грибачев во вступительной статье к сборнику «Афоризмы: По иностранным источникам» [1985: 5].

Дифференцированное понимание афористики, обладающей своей теорией и историей, с философской, литературоведческой и лингвистической позиций вызывает неоднозначность оценок при исследовании поэтических афоризмов в авторском идиолекте. Это связано, как отмечает А.В. Жуков, в первую очередь с тем, что любой знак языка претерпевает социально-хронологические, внутрисистемные и иные изменения, связанные с различ-

ными факторами, влекущими за собой изменения в плане выражения или содержания, а иногда в форме и содержании одновременно [Жуков 2011: 10].

В своей диссертации А.В. Королькова пишет, что во времена Гиппократа термин «афоризм» имел медицинское значение, в XVI – XVII вв. он приобрел «политико-моралистический» и философский характер. К XIX в. сложилось неоднозначное понимание афористики, заключающееся в существовании противоположных точек зрения: В.О. Ключевский, Л.И. Шестов, В.В. Розанов видели в афоризме форму философского познания и путь к «абсолютной истине», а многие литературные деятели традиционно воспринимали афоризм в литературоведческом ключе [Королькова 2005: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-aforistika-v-kontekste-frazeologii>].

В настоящее время существует более двух десятков дефиниций афоризма, но справедливо считать, что он одновременно содержит обобщенный смысл и типичное понимание реалий действительности.

Так, В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» говорит, что ‘афоризм – это короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении, отрывочное, но полное по себе положение’ (Словарь Даля 1: 30).

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой и в БАС афоризм трактуется как ‘изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль’, ‘сентенция, нравоучение’ (МАС 1: 52; БАС 1: 225), в СОШ – ‘краткое выразительное изречение’ (СОШ: 32).

В энциклопедии русского языка (Караулов 1997: 42) и словаре литературоведческих терминов (СЛТ: 23–24) приводятся похожие словарные статьи: афоризм в них определяется как глубокая обобщенная мысль, устойчивое изречение, законченное по смыслу, выражающееся в лаконичной форме, часто парадоксальной; отличающееся выразительностью и неожиданностью суждения.

Таким образом, можно сформулировать основные признаки афоризмов: обобщенность, лапидарность, цельнооформленность, часто парадоксальность и семантическая полнота высказывания, оригинальность способа выражения, всеобщность распространения, подтвержденная опытом значимость авторской мысли.

Многовековая история употребления афоризмов может сближать их с народными устойчивыми выражениями (поговорами, пословицами и др.), но при этом они сохраняют свой афористический характер. Если известен автор какого-либо устойчивого выражения, его можно квалифицировать как афоризм или крылатое выражение. В связи с этим все афоризмы можно разделить на речевые (индивидуальные) и языковые (массовые). И языковые афоризмы нередко выступают в роли крылатых выражений, которые представляются нам афористической разновидностью. Языковые афоризмы отличаются от индивидуальных в основном сферой своего употребления. Они в большей мере известны читателю, а отсюда и говорящему.

По замечаниям А.В. Корольковой, в литературоведении существуют различные классификации афоризмов, включающие максимы (высказывания моралистической направленности), сентенции (без имени автора), апофтегмы (приписываемые конкретному автору), хрии (изречения данного лица в данных условиях), гномы (нравоучения в стихах, восходящие к древнегреческой и восточным культурам) и др. В связи с вышесказанным можно полагать, что самым общим для понимания афоризма является осознание его 1) как литературного жанра и 2) как области знания вообще, которая, в свою очередь представляется в качестве философской категории или синтеза понятия и художественности [Королькова 2005: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-aforistika-v-kontekste-frazeologii>].

Огромную роль играют афоризмы в устной речи, но еще более значимы они в литературе, так как благодаря афоризмам мысль выражается более точно, информативно, образно и эмоционально. Впитав колорит эпох, рождавших их, они принесли в современный мир отголоски прошлого, сохраняясь в

художественных, философских, исторических сочинениях. Зачастую в одном афоризме больше содержания, чем в целом литературном произведении. Среди классического наследия афористики можно найти сборники Ф. Ларошфуко, Б. Паскаля, Ж. Лабрюйера («Максимы. Мысли. Характеры»), Г. Лихтенберга («Афоризмы») и др. Краткие, лапидарные изречения у них обычно касаются морали, иногда звучат как заповеди: «Старайся не быть ниже своей эпохи», «Сочувствие – неважная милостыня» (Лихтенберг), «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор» (Ларошфуко), «Суть человеческого естества – в движении. Полный покой означает смерть» (Паскаль).

В процессе коммуникации и непрерывного межличностного контакта в социуме происходит накопление и фиксирование мудрости, преимущественно в афористике. Афоризмам, паремиям, прецедентным текстам посвящен ряд научных работ, в том числе диссертационных (А.В. Королькова, Н.В. Назаров, И.Н. Гермогенова и др.). Именно в лапидарных изречениях реализуются в большей степени все функции языка: коммуникативная, когнитивная, аккумулятивная, экспрессивная, ментальная, прагматическая и др.

Иногда у одного и того же автора встречаются чуть ли не прямо противоположные по сути цитаты. Это, в свою очередь, свидетельствует об эволюции мировоззрения и широте взглядов автора высказывания. Тут можно вспомнить великого Гёте, для которого, по его собственным словам, совершенно не представляло труда привести убедительные аргументы в защиту одной мысли и сразу же не менее убедительно доказать обратное [Язык и общество: <http://article.ranez.ru/id/410/>]. Нередко афоризмы «передают смысл, прямо противоположный тому, который следует из семантики составляющих лексем». Этот смысл «подкрепляется структурой и интонацией всего предложения, резюмируемого этой единицей, что позволяет предположить адекватное восприятие ее <...> гипотетическим читателем» [Караулов 2006: 125].

Афористика в поэзии представляет собой своеобразную родословную лексикализации поэтических контекстов. Под воздействием узуальной практики возникают обороты речи, запечатлевающие народную мудрость, но в

интерпретации одного автора. Так, отголоски выразительных изречений из сочинений выдающихся деятелей науки и культуры разных веков в поэзии Ф.И. Тютчева свидетельствуют о прецедентных текстах в его творчестве. Прецедентный текст характеризуется, как и афоризм, важнейшим фразеологическим признаком – воспроизводимостью в различных стилях и жанрах литературы. Прецедентные тексты общеизвестны в конкретной языковой культуре, обладают специфическими особенностями речевой реализации. Также их еще называют *крылатыми выражениями*, «*интертекстами*» [Балакай 2009: 11-13].

Афоризмы представляют собой более узкое понятие по сравнению с фразеологизмами, наряду со специфическими, вмещают в себя ряд характерных для ФЕ признаков: общий характер связанности семантики, уровень иносказания и воспроизводимости сформированных единиц и др. А.В. Королькова подчеркивает, что в ментальном выражении и при широком подходе в состав русской фразеологии целесообразно включать и русскую афористику [Королькова 2006: 359]. Фактически, афоризмы – это фразеологические выражения, по Н.М. Шанскому [Шанский 1969: 84-85].

Несмотря на множество толкований афоризма, до сих пор не существует четких критериев выделения его из текста по формально-структурным или содержательным признакам. Квалификация афоризма как такового в большей мере происходит на интуитивном уровне, то есть по принципу однородности и взаимной непротиворечивости единиц, о чем говорит в своих научных трудах Д.Н. Шмелев [Шмелев 1977: 300].

Таким образом, структура афоризмов является весьма обширной. Но можно наметить ряд частотных афористических конструкций, характерных для поэзии Ф.И. Тютчева:

1. Постоянный признак, которым наделяются отдельные типы людей (Прил. + местоим. сущ.).
2. Антонимические противопоставления смыслообразующих афористических лексем-существительных.

3. Смысловое обобщение, выраженное специальными грамматическими средствами, усиливающее повтор слов.

4. Сравнения из прецедентных текстов и символов.

5. Риторические вопросы и утвердительные конструкции, влияющие на общую семантику афористической единицы и др.

На основании предельно широкого подхода к пониманию афористики в составе фразеологии в качестве фразеологических выражений в данной главе охарактеризуем особенности различных структурных типов поэтических афоризмов Ф.И. Тютчева, обычно обладающих предикативностью (Фелицына, Прохоров 1979: 5–7, 10–11). Тютчевскую афористику (с ее специфическими особенностями) рассмотрим в тех же семантических полях, что и фразеологию, поскольку, по замечаниям А.В. Корольковой, при выделении по отдельности собственно фразеологических и афористических семантических полей очевидны соответствия в них [Королькова 2006: 354].

§ 2. Общая характеристика афористики Ф.И. Тютчева как объекта исследовательской практики

Прецедентность в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева проявляется как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. В связи с этим в стихотворениях поэта часто возникает эффект *фразеологических / пословичных доминант* (М.Р. Проскуряков, О.В. Ломакина), выражающих «свою специфику в контекстуальном окружении, то есть в дискурсивной практике определенного автора, а не в языковой системе в целом» [Ломакина 2011: 68; Проскуряков 2000]. Отсюда произрастает символичность языка Ф.И. Тютчева, так как «особая роль в процессе оязыковления символа принадлежит фразеологическому знаку как знаку вторичной семиотизации, уже имеющему первичное использование и освобожденному от своего первичного значения, которое вычитывается из буквального значения составляющих его слов-компонентов» [Ковшова 2008: 20].

Афористическая картина мира в поэзии Ф.И. Тютчева представляет собой неотъемлемую часть его общей языковой картины мира. Данные характеристики выводят изучение языка и стиля автора на иной уровень, позволяют тщательнее разобраться в феномене его языковой личности. Поэтические афоризмы очень слабо представлены в энциклопедических афористических сборниках, хотя у многих поэтов, и у Ф.И. Тютчева в том числе, имеются стихотворения-афоризмы. По нашим подсчетам, в поэзии Ф.И. Тютчева реализуется 113 единиц афористического характера.

Афористика Ф.И. Тютчева как составляющая его языковой личности гармонично вписывается в общую афористическую картину мира, берущую свои истоки еще в античности и эпохе Возрождения (эпохе афористических памятников) в качестве емких изречений древнегреческих и древнеримских мыслителей (Солон, Клеобул, Пифагор, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Плутарх, Сенека, Публий Сир и др.).

Тютчевские афоризмы занимают свое достойное место в мировом афористическом наследии наряду с изречениями Лейбница, Фихте, Гюго, Ибсена, Камю, Байрона, Бальмонта, Брюсова, Пушкина, Ремарка, Ламартина, Сартра, Хемингуэя, Шопенгауэра и многих других. Это подтверждается тем, что практически в каждом сборнике крылатых слов и выражений фиксируются афористические единицы Ф.И. Тютчева.

Из многообразия энциклопедий и сборников сентенций, крылатых слов, афоризмов, о которых говорилось в первой главе, самыми «продуктивными» по отношению к тютчевской афористике являются «Мудрость тысячелетий» (15 цитат, В. Балязин) и «Перекличка веков» (10 изречений, В.Г. Носков), в других фиксируется не более 7 афоризмов, например: «Большая книга афоризмов» (А.П. Кондрашов, И.И. Комарова) – 7 выражений; «Афоризмы» (Т.Г. Ничипорович) – 2 единицы. Объективный подход к пониманию афористики как одному из разделов фразеологии, фиксирование афористических структур не с субъективной точки зрения, а по более или менее

общепризнанным лингвистическим критериям, позволяет провести более четкие грани между афоризмом и неафоризмом.

Практически безоговорочным афористическим статусом, доказанным частотностью лексикографирования, являются следующие тютчевские афоризмы: «В разлуке есть высокое значенье: Как ни люби, хоть день один, хоть век, Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье...» («В разлуке есть высокое значенье...», с. 180); «Молчи, скрывайся и таи И чувства, и мечты свои!» («Silentium!», с. 105); «Мысль изреченная есть ложь» («Silentium!», с. 106); «Природа – сфинкс. И тем она верней Своим искусом губит человека, Что, может статься, никакой от века Загадки нет и не было у ней» («Природа – сфинкс...», с. 248); «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить: У ней особенная стать – В Россию можно только верить» («Умом Россию не понять...», с. 229).

Афористика Ф.И. Тютчева в лексикографических источниках представлена далеко не полно, что можно объяснить недостаточной изученностью его поэзии. К примеру, такой известный афоризм, как «Мысль изреченная есть ложь», не отражен во многих изданиях. Но те, кто серьезно занимается исследованием поэзии Тютчева, возвращаются к его афористическому наследию через десятилетия. Так, еще в 1922 г. вышел небольшой по объему сборник «Тютчевіана: эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева» [Тютчевіана 1922]. Почти через 90 лет известный тютчевед Г.В. Чагин совместно с дочерью Т.Г. Чагиной снова обратился к афористической теме Тютчева в книге «Что сказал Тютчев...: эпиграммы, афоризмы, остроты Ф.И. Тютчева» [Чагин 2011], в которой собран афористический материал, сопровождающийся комментариями, иллюстрациями, архивными фотодокументами, дающими возможность прочувствовать колорит эпохи, когда развивался поэтический гений Ф.И. Тютчева. Острый пытливый ум поэта поражал и восхищал его современников, а меткие высказывания выражались им в прозаической и стихотворной форме.

Нередко поэтические афоризмы Ф.И. Тютчева создаются на основе прецедентных текстов, в составе которых имеются известные фразеологизмы, часто подверженные структурным и семантическим модификациям. Подобные процессы в стихотворениях вызваны в первую очередь «стремлением органически влить» устойчивое сочетание в поэтическую строфу [Бакина 1991: 18] и вложить сентенцию в одно-два предложения.

§ 3. Семантическое поле «Человек» в поэтической афористике Ф.И. Тютчева

3.1. Человечество в целом

Как отмечалось нами выше, центральными в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева (и во всей его поэзии) выступают два семантических поля (в соответствии с классификацией ТСРЯ): «Человек» и «Природа». Два этих СП составляют ядро тютчевской картины мира, они же определяют содержание той оппозиции, которую Ю.М. Лотман обозначил как «Бытие – Небытие» [Лотман 1990: 111]. Ученый конкретизирует эти понятия, раскрывая содержание ряда «природных» и относящихся к пониманию человеческой жизни-смерти стихотворений. Афористика и прецедентные тексты Ф.И. Тютчева дополняют то представление о «бытии» – «небытии», которое свойственно его поэзии.

Бытие человека, то есть его жизнь, должна обязательно сопровождаться счастьем, блаженством. *Счастье, блаженство, счастливый, блаженный* у Тютчева выступают как синонимы (ПСТ: 42). Хотя в одном из писем Ф.И. Тютчев вспоминал слова В.А. Жуковского: «В жизни есть много хорошего, кроме счастья». Жизнь не баловала поэта, поэтому *счастья* во всей его полноте, он, пожалуй, не изведal. Вот афористическая картина бытия счастливого, блаженного человека, самого счастья и блаженства.

1. *Блажен, стократ блажен...*

Кто может, радостный, сказать себе: «Я жил!» (Гораций. С. 49)

2. *Счастлив, кто гласом твердым, смелым,*

Забыв их сан, забыв их трон,

Вещать тиранам закоснелым

Святые истины рожден! (А.С. Пушкин. С. 55)

3. *Счастлив, кто посетил сей мир*

В его минуты роковые! (Цицерон. С. 105)

4. *Счастлив в наш век, кому победа*

Далась не кровью, а умом,

Счастлив, кто точку Архимеда

Умел сыскать в себе самом... (А.М. Горчаков. С. 257).

Представление о счастливом человеке в этих афоризмах заключается в его борьбе: с самим собой, с судьбой, с людьми, со временем, с трудностями, выпавшими на его долю. Если в вариациях на тему оды Горация, эта идея выражена в самом общем виде, то в других выражениях борьба как неразрывный компонент счастья представляется в конкретных жизненных ситуациях. Таков в юношеском стихотворении Ф.И. Тютчева «К оде Пушкина на Вольность» «питомец муз» А.С. Пушкин, бросающий в том же самом возрасте, что и Тютчев, вызов царям, чтобы воспеть *свободу*. Таков и Цицерон, чья вся сознательная жизнь, до последнего дня, – борьба с тиранами за справедливость. Наконец, таков современник Ф.И. Тютчева, его единомышленник А.М. Горчаков, боровшийся за интересы России и победивший в этом Запад, но прежде сумевший превозмочь самого себя, отыскав ту необходимую для победы *точку Архимеда*.

Синтаксические конструкции «счастлив, кто...», «блажен, кто...» характерны для русской поэтической традиции, и Ф.И. Тютчев их использовал при создании афоризмов раньше своих современников А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина. Так, Чацкий у А.С. Грибоедова афористично замечает: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете», а у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»

в лирических отступлениях встречается афористичное выражение: «Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел».

Как видим, в отличие от Тютчева, у Грибоедова и Пушкина это состояние Человека не связано с каким-либо преодолением, борьбой. И «Словарь языка Пушкина» в первой дефиниции лексемы *блаженный* – ‘невозмутимо счастливый, исполненный блаженства’ (СЯП 1: 132) специально маркирует это свойство качественным наречием *невозмутимо*. В других, неафористических, конструкциях у Ф.И. Тютчева также высвечивается оттенок этой невозмутимости, но только не по отношению к самому поэту: «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло С того блаженно-рокового дня, Как душу всю свою она вдохнула, Как всю себя перелила в меня» (С. 221). Это о Елене Денисьевой в годовщину ее смерти. И как нередко, в Бытии Ф.И. Тютчева совмещается несовместимое – *блаженство* и *рок*, когда одно и то же отрицается и утверждается, о чем пишет Ю.М. Лотман.

В тематических указателях различных сборников афоризмов не приводится тютчевская афористика, характеризующая счастье и счастливого человека. Но в афористическом сборнике «Мудрость тысячелетий» находим понимание счастья английским философом Джоном Локком (XVIII в.): «Счастье в своем полном объеме есть наивысшее наслаждение, к которому мы способны, а несчастье – наивысшее страдание» (МТ: 285). Это высказывание нашло свой отклик и в русской литературе. В энциклопедии «Мудрость тысячелетий» со *счастьем* зафиксировано два афористических выражения Пушкина: «А счастье было так возможно, Так близко...» (Евгений Онегин, гл. VIII); «На свете счастья нет, но есть покой и воля» («Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит...»).

Счастье как абстракция у Ф.И. Тютчева нередко выступает элементом афористических выражений. Надо отметить, что лексемы *счастье* (данная лексема 15 раз зафиксирована в стихах поэта), *счастливый* (с частотностью употребления в стихах Тютчева – 14 раз) не относятся к высокочастотным словам в оригинальной и переводной поэзии Ф.И. Тютчева, но все-таки обо-

гашают афористику в локковском понимании счастья: «И счастья нет, при всей природы красоте!» («Одиночество» <Из Ламартина>, с. 57); «...Неподвластно высшей силе Счастье в прихотях своих» («Поминки» <Из Шиллера>, с. 171); «Счастье жеребии сеет Своевольною рукой» (Там же); «Так порхай ваша, други, младость По светлым счастья цветам!» («Весна», с. 58); «...Душа, увы, не выстрадает счастья, Но может выстрадать себя...» («Когда на то нет божьего согласия...», с. 216).

Изображение присутствия и отсутствия в жизни человека счастья переключается у Ламартина, Шиллера, Тютчева. У последнего эта переключка заметнее в стихотворениях, написанных после смерти Е. Денисьевой. В приведенных выше иллюстрациях особо выражается афористическая мысль о неподвластности счастья ни Человеку, ни высшим силам. В свою очередь *судьба*, тоже важная составляющая *бытия*, посылается Богом: «Какую бог послал ему судьбу» («Из Эрнани <Гюго>», с. 108). Судьба может быть милосердой и немилосердой: «И милосердою судьбою Мне было счастье суждено» («17-е апреля 1818», с. 277); «Стоим мы слепо пред Судьбою, Не нам сорвать с нее покров...» («На новый 1855 год», с. 189). Эти афористические строки Ф.И. Тютчева о печальной судьбе России (имеется в виду ее поражение в Крымской войне).

Превратности *судьбы* также запечатлены в тютчевской афористике, особенно в его переводах. Речь идет в том числе об особом афористическом языке перевода отрывка из «Поминок» Ф. Шиллера – хоровой песни «Победное торжество» (С. 169-173). Как замечает А.А. Николаев в примечаниях к полному собранию стихотворений, эта песня сложена из высказываний героев-греков и побежденных троянцев, а все лица, упомянутые в стихотворении, в основном являются героями «Илиады» Гомера [Тютчев 1987: 395]. До Ф.И. Тютчева в русской литературе вольный перевод песни «Торжества победителей» Ф. Шиллера был произведен В.А. Жуковским (НКРЯ). Сопоставим афористические выражения этого перевода у Тютчева и Жуковского.

<i>В.А. Жуковский</i>	<i>Ф.И. Тютчев</i>
<i>Злому злой конец бывает...</i>	<i>Злое злой конец приемлет!..</i>
<i>Счастлив тот, чей дом украшен Скромной верностью жены! Жены алчут новизны: Постоянный мир им страшен.</i>	<i>Злой конец началу злому!..</i>
<i>Счастлив тот, кому сиянье Бытия сохранено, Тот, кому вкусить дано С милой родиной свиданье!</i>	<i>Счастье жеребьи сеет Своевольною рукой.</i>
<i>Смерть велит умолкнуть злобе...</i>	<i>Ах, и лучших из людей Часто губит гнев зловерный!</i>
<i>Слава дней твоих нетленна; В песнях будет цвести она: Жизнь живущих неверна, Жизнь отживших неизменна!</i>	<i>На земле, где все изменно, Выше славы блага нет...</i>
<i>Победившим — честь победы! Охранявшему — любовь!</i>	<i>Победитель – победил, Слава падшего святее!</i>
<i>Смертный, силе, нас гнущей, Покоряйся и терпи; Спящий в гробе, мирно спи; Жизнью пользуйся, живущий.</i>	<i>Все земное идет мимо...</i>

Мы попытались продемонстрировать семантические соответствия афоризмов двух разных переводов одного стихотворения, где наблюдаются различия и точки пересечения, в том числе и с другими стихотворениями. Так, синтаксическая структура двух приведенных афоризмов В.А. Жуковского «счастлив тот...» подобна синтаксической модели других тютчевских афоризмов, о которых говорилось выше («Счастлив, кто посетил сей мир...», «Счастлив, кто гласом твердым, смелым...»). Сопоставительный анализ двух

переводов одного поэтического текста позволяет увидеть его общую афористическую картину.

Таким образом, выстраивается афористическая преемственность от античности до XVIII – XIX веков, а, в сущности, до нашего времени.

Греко-тройская война – это война великих, названных Гомером по именам полководцев и воинов, и трусливых, тоже названных по именам. Вследствие этого антропонимы и топонимы в подлинниках, а потом и в переводах, приобретают символический характер, что и порождает афоризмы.

Из речей победителей в поэтическом переводе Ф.И. Тютчева «Поминок (Из Шиллера)» зафиксировано такое выражение:

...Много их пришло под Троию

Мало их пойдет назад (Царь царей, Атреев сын. С. 170).

Этот афоризм, уже в другом ритмическом строе, будет перифразирован Тютчевым в лучшем политическом стихотворении «Неман», изображающем превратности судьбы Наполеона и его, казалось бы, непобедимой армии:

Несметно было их число –

И в этом бесконечном строе

Едва ль десятое чело

Клеймо минуло роковое... (С. 187)

Только Наполеон с остатками своей армии уйдет из России не победителем, как греки из Трои, а побежденным. И кажется, целесообразнее проводить параллели строк из стихотворения «Неман» с афористическим выражением царя ахейн Атрида, а не с текстом «...из летних листьев разве сотый, Блестя осенней позолотой, Еще на ветви шелестит» (С. 167), который приводит Л.В. Пумпянский, известный тютчевед, первый обративший внимание на многие повторы в поэзии Ф.И. Тютчева, объяснивший это явление тем, что всю поэзию Тютчева можно рассматривать как единый поэтический текст. Этот взгляд разделяется в настоящее время всеми исследователями поэзии Тютчева. Строки, приведенные Л.В. Пумпянским, находят свое прямое про-

должение в одном из тютчевских стихотворений природного цикла «Я не ценю красот природы...»:

*Природы лучшие красоты
Меняют часто годы, дни...
Из нас поймет, пожалуй, сотый,
Что мы ей только и сродни* (С. 283).

В стихотворениях природного цикла Ф.И. Тютчева не затрагиваются вопросы о превратностях *судьбы*, так как здесь все заранее предопределено. В этом заключается отличие природы от человека:

*«Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих керы сторожат...
Жив и цел вернулся с бою –
Гибнет в храмине своей!..»
...Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..*

Последнее афористическое двустишие основано на антонимическом противопоставлении личных имен: друг Ахиллеса Патрокл, прославившийся мужеством и благородством, убитый троянцем Гектором, и трусливый, дерзкий, безобразный Терсит [Тютчев 1987: 395-396].

Итак, превратности *судьбы* в афористике в конечном счете связаны с жизнью и смертью. Нередко *судьба* обрекает на смерть у «домашнего порога» воинов, выживших в самых тяжелых сражениях.

Бытие Человека многогранно, как и сам Человек. В связи с этим к афористическим можно отнести такие тютчевские контексты: «Что ж негодует человек, Сей знак земной!» («Сижу задумчив и один...», с. 129); «Пред стихийной вражьей силой Молча, руки опустя, Человек стоит уныло – Бессильное дитя» («Пожары», с. 239); «Он рабский образ сдвинул с человека И возвратил семье меньшую братью» («Александрю Второму», с. 205).

В структуре последнего афоризма выделяется фразеологизм *меньшая братья*, то есть ‘бывшие крепостные’ (ПСТ: 59, 389), – освобожденные Александром II крепостные крестьяне. Это выражение восходит к Евангелию (Матф., 25, 40), именуя ‘людей невысокого общественного положения’ (Ашукин 1955: 319). Данная ФЕ через семантику родства структурно стержневого компонента (собирательная лексема «братия») характеризует ‘общественную оценку поведения человека’ (ТСРЯ). В связи с этим вполне закономерно появление в языке фразеологизма *большой брат*, впервые использованного в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», в значении ‘социально значимая общественная структура, управляющая другими’ (ФОСРЯ: 47-48).

Человек в поэзии Ф.И. Тютчева выступает в двух ипостасях: 1) как биологическое существо – «злак земной», «мыслящий тростник» и 2) как конкретный человек, прославившийся при жизни.

Человек как биологическое существо часто бывает бессилен перед природой, породившей его.

*...И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной* («Святая ночь на небосклон
взошла...», с. 162).

Немощь Человека отражается в тютчевской афористике, когда он остается один на один с Природой:

*Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло,
Беспомощное дитя* («Пожары», с. 239).

Бессилие Человека у Тютчева проявляется зримо и тогда, когда он (Человек) остается один на один сам с собой:

*И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,*

Души отчаянной протест? («Певучесть есть в морских волнах...», с. 220)

В афористике Ф.И. Тютчева недостатки, слабости человека относительны, поэтому они даются нередко в сравнительных контекстах (Птица – Человек; Конкретный персонаж – Человек и др.):

1. Природа-мать ему дала

Два мощных, два живых крыла –

А я здесь в поте и в пыли.

Я, царь земли, прирос к земле!.. (С. 130)

2. За нашим веком мы идем,

Как шла Креуза за Энеем:

Пройдем немного – ослабеем,

Убавим шагу – отстаем (С. 75).

Человек у Ф.И. Тютчева тяжело переживает все перипетии своего времени: «Не плоть, а дух растлился в наши дни, И человек отчаянно тоскует...» (С. 179).

Тоскуют о растлении духа люди, подобные В.А. Жуковскому, который «Поистине, как голубь, чист и цел. Он духом был» (С. 184).

Именно про таких людей, – напоминает Ф.И. Тютчев, – сказало боже-ство: «Лишь сердцем чистые, те узрят бога!» (С. 184).

Скорбь и тоска поэта, вызванные слабостями Человека, порождают такое стихотворение-афоризм (приводим его полностью):

Увы, что нашего незнанья

И беспомощней и грустней?

Кто смеет молвить: до свиданья

Чрез бездну двух или трех дней? (С. 188)

В этом стихотворении, написанном в дни Крымской войны, выражаются риторически две афористические темы: слабость человеческого мышления из-за невозможности познать все окружающее и невозможность предвидеть свое ближайшее будущее, а следовательно, и говорить о нем. Стихотворение

семантически перекликается с афоризмом Лао-цзы: «Мудр тот, кто имеет знания и делает вид, что не знает. Глуп тот, кто, не имея знания, делает вид, что знает» (Носков 1990: 249).

Далее тему незнания, неспособности Человека предвидеть что-либо Ф.И. Тютчев развивает в другом стихотворении-афоризме:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать... (С. 242).*

Если продолжать тему общения, мы обязательно должны прийти к знаменитому стихотворению «Silentium!», написанному более чем за тридцать лет до стихотворения «Нам не дано предугадать...» – его, можно сказать, антиподу. Как известно, стихотворение «Silentium!» нашло отклик у многих выдающихся современников поэта – Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева и др. В наше время исследователи феномена молчания на лингвистическом уровне обязательно обращаются к тютчевскому «Silentium!» (см. работы [Арутюнова 2000; Атаманова 2012] и др.). В материалах международной научной конференции «Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность» [2013] мотив молчания в стихотворении «Silentium!» анализируется в статьях Б.Г. Бобылева (С. 334) и О.И. Северской (С. 270). Несколько докладов, посвященных тютчевской теме молчания, опубликовано в сборнике по итогам конференции «Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации» [2012]. По этому поводу А.Л. Голованевский замечает: «Как ни значительно в этическом, эстетическом, социально-культурном плане молчание, оно проявляет свою силу только в слове. Поэтому и декламировал Толстой “Silentium!” Тютчева» [Голованевский 2012в: 323]. В едином художественном тексте, каковым является вся тютчевская поэзия, афористическое стихотворение «Silentium!» находит свое продолжение в приведенном выше «Нам не дано предугадать...».

Молчание и слово для Тютчева – противоположности. Но, если в стихотворении «*Silentium!*» Тютчев заявляет «Мысль изреченная есть ложь», то в стихотворении «Нам не дано предугадать...» он говорит о сочувствии, которое дается как благодать. Но сочувствие, равное благодати, можно выразить только словом, что и подтверждает поэт в таком стихотворении:

*Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась –
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас... (С. 225).*

В афористике и *молчание*, и *слово* оценены по достоинству. Примерами тому могут служить латинская пословица «*Silentium est aurum*» и высказывания русских классиков: «Глаголом жги сердца людей» (Пушкин), «Ты – лучших, будущих времен Глагол, и жизнь, и просвещение» (Тютчев) (С. 188).

Итак, антиподы *молчание* и *слово* в едином поэтическом тексте Тютчева дополняют друг друга. Каждое из них выступает в афористических контекстах, доказывающих ценность как молчания, так и слова.

3.2. Человек конкретный

В поэзии Ф.И. Тютчева уделено внимание и человеку конкретному. На некоторых примерах рассмотрим поэтическое изображение бытия Человека-деятеля. Одним из таких в оригинальной и переводной афористике Ф.И. Тютчева выступает *поэт*. Отметим, что в данном случае человек-поэт, даже не названный по имени, – это не просто *homo sapiens*, а в первую очередь ‘автор поэтических произведений, лицо, наделенное поэтическим даром’ (ПСТ: 562).

Так, в афористических строках стихотворения «29-е января 1837» не употреблено слово «поэт», но этот поэтический текст неразрывно связан с именем Пушкина:

Тебя ж, как первую любовь,

России сердце не забудет!.. (С. 140).

Поэтический образ тютчевского поэта в той или иной мере создают также два афоризма Цицерона: «...поэтическую же способность создает сама природа, и поэт творит из своего духа и в то же время как бы вдохновляется выше», «поэтами рождаются, ораторами становятся» (МТ: 91, 93).

Вслед за Шекспиром, Ф.И. Тютчев выделяет поэтов из обычного, нормального, круга людей. В переводе Тютчевым Шекспира читаем:

Любовники, безумцы и поэты

Из одного воображенья слиты (С. 93).

Поэт как человек, занимающийся поэтическим творчеством, в афоризмах наделен взаимоотрицающими признаками. Приведем афористические строки из стихотворений, написанных в 1839–1840 гг.

1. Поэт всесилен, как стихия,

Не властен лишь в себе самом...

(«Не верь, не верь поэту, дева...», с. 146)

2. Поэт, я знаю, суеверен,

Но редко служит он властям.

(«Живым сочувствием привета...», с. 147)

3. Пускай любить он не умеет –

Боготворить умеет он! («Живым сочувствием привета...», с. 147)

В первом афоризме Ф.И. Тютчев сравнивает поэтический дар с природным могуществом, по его мнению, поэт не владеет своими чувствами, они всецело подчинены его творческому гению. Второй и третий афоризмы характеризуют поэта как свобододолюбивую, независимую личность, способную служить женской красоте, причем красоте возвышенной, неземной. В качестве антитезы здесь выступают узуальные синонимы «любить – боготворить», противопоставляя земные страсти божественной любви, восхищению, преклонению. Семантико-синтаксическая структура каждого из трех афоризмов представляет собой сложную двухчастную конструкцию, в которой

содержание первой части противопоставляется или отрицается второй частью.

Традиционно русские поэты отождествляли поэзию с музой или говорили о поэзии как о своеобразном подарке богини Музы. Благодаря этому и появлялись афористические тютчевские строки:

У Музы есть различные пристрастья,

Дары ее даются не равно...

(«На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», с. 204).

Существует, правда, не всеобщее мнение, что Тютчев не придавал серьезного значения своим стихам. Может быть, в тяжелые минуты размышлений о смысле жизни и поэзии и родился у него такой афоризм: «В наш век стихи живут два-три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут» («Михаилу Петровичу Погодину», с. 239). Эти стихи адресованы М.П. Погодину, и он, получив сборник тютчевской поэзии, ответил, что «такие стихи, родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вековечных...» [Тютчев 1987: 414].

Тютчев хорошо понимал, что на земле нет ничего вечного. Но в постоянной изменчивости жизни самым желанным для человека остается слава, запечатленная Гомером и воспроизведенная Шиллером, Жуковским, Тютчевым. Земля, на которой живет человек, предстает «изменной», непостоянной в тютчевском афоризме «На земле, где все изменно, Выше славы блага нет» (из перевода «Das Siegesfest» (с нем. «Победное торжество») Ф. Шиллера, с. 179). Благодаря синтаксической структуре предложения с устраненным субъектом-деятелем особую роль приобретают семантические субъекты – *земля* и *слава*. Человек, «злак земной», временный (как и все на земле), а слава его вечна.

Человек конкретный проявляется в афористике Ф.И. Тютчева и как гражданин. Настоящий гражданин обладает смелостью, позволяющей ему говорить с властями от лица народа: «Гражданина голос смелый На совет к земным богам...» («Песнь радости» (Из Шиллера), с. 65). Данный афоризм

имеет отношение и к самому Ф.И. Тютчеву, председателю Комитета иностранной цензуры, которому хватило гражданской смелости при обсуждении проблем печати выступать против министра внутренних дел П.А. Валуева и даже в знак протеста покинуть заседание Совета по делам печати. Оценив по достоинству этот поступок, писатель И.А. Гончаров с волнением сказал: «Федор Иванович, преклоняюсь перед вашей благородною решимостью и вполне вам сочувствую, но для меня служба – насущный хлеб старика» [Чагин 2011: 87-91].

В контексте тютчевской афористики часто наблюдается мотив поиска смысла жизни и места человека в мире. В своих стихах поэт перефразирует известные пословицы и идиомы, расширяет их семантику. Так создаются новые неординарные афоризмы. Сравним два примера:

1. *«Не по хорошу мил, а по милу хорош»* («Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю», с. 156).

2. *...И многого ему принадлежит почин –
И делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин*
(«Хоть родом он был не славянин...», с. 279).

В первом случае Ф.И. Тютчев обыгрывает в поэтическом контексте народную пословицу, основной мыслью которой является хорошее отношение к уважаемому или любимому человеку, несмотря на его подлинные личностные качества. Стихотворение адресовано мемуаристу, коллекционеру гравированных портретов, некогда члену литературного кружка «Арзамас» Ф.Ф. Вигелю (1786-1856), написано от лица П.Я. Чаадаева, на которого первый позднее, став крайним реакционером, писал доносы. Стихотворение с парафразой известной русской пословицы «Один в поле не воин» посвящено памяти А.Ф. Гильфердинга (1831-1872), слависта-этнографа, собирателя онежских былин [Тютчев 1987: 416]. Тютчев высоко ценил его заслуги перед славянской филологией, поэтому перефразировал известную пословицу, утверждая, что можно быть преданным своему делу и в одиночку.

Общество, государство состоит из конкретных людей, достойных и недостойных, что отражается в поэтических афоризмах. Социум во времена Ф.И. Тютчева в основном представлял *свет*, или *светское общество*. Кратко, но с глубоким чувством боли, Тютчев представил свет в двух стихотворениях – «Две силы есть – две роковые силы...» и «Какие песни, милый мой...», написанных в 60-е годы. В обоих стихотворениях – переживания за судьбу молодежи в России.

*Где старики, как язву, мысль бичуют
И с целой армией в бронях и на коне
Противу мальчиков воюют?»* (С. 282).

О Смерти и Суде людском, то есть свете, приводимое ниже стихотворение, в нем афористичность проявляется более выпукло, зримо. Как собственно афористические в стихотворении можно выделить такие строки:

*1. Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, –
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.*

*2. ...Но Смерть честней – чужда лицепрятью...
...Смиренную иль ропщущую братью –
Своей косою равняет всех она.*

*3. Свет не таков: борьбы, разноголосья –
Ревнивый властелин – не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает он.*

*4. ...Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина* (С. 243).

Афористичность этого стихотворения, где выделяются целостные и сжатые афоризмы, проявляется, во-первых, в сопоставлении несопоставимого. Кажется, что нет ничего страшнее смерти, равняющей своей косою всех подряд. Но оказывается, страшнее «Суд людской», вырывающий «лучшие

колосья» из той «гордо-молодой силы», которая вступает «с решимостью во взоре, с улыбкой на устах в неравный бой». Во-вторых, афористичность раскрывается в семантике красоты самопожертвования этой силы: «Бестрепетно, в каком-то обаянье Идет сама навстречу клеветы».

Один из самых известных тютчевских афоризмов посвящен России как государству, людям, в ней проживающим:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать –

В Россию можно только верить (С. 229).

О том, что неистощимая любовь к родине, непоколебимая вера в ее светлое будущее и глубокая убежденность в ее великом историческом предназначении постоянно, упорно, на протяжении всей жизни жили в душе Ф.И. Тютчева, писал И.С. Аксаков. Он же замечал, что Россия для поэта была главной жизненной ценностью, находясь при смерти, он не прекращал думать о ней [Тютчев, ПССП 2: 530]. Зная об этом, еще до опубликования стихотворения младшая дочь Тютчева Мария Бирилева в письме из Овстуга говорит об отрицательных сторонах провинциальной России и в конце задает поэту риторический вопрос: «В Россию можно только верить?» [Тютчев, ПССП 6: 512].

3.3. Эмоции

Эмоции и чувства, отражающие существующую действительность, становятся предметом специальных исследований (см., например работу [Шингаров 1971]). При изображении эмоционального настроения персонажей или философских рассуждений поэта об эмоциях, свойственных человеку, афоризмы играют значимую роль, естественно встраиваются в поэтический текст. В связи с этим А.Л. Голованевский выделяет так называемый афористический тип дефиниций.

Это относится в особенности к такой лексеме, изображающей эмоцию, как *любовь*. *Любовь* – ‘объективно существующее абстрактное явление живой природы, реализующееся в морально-нравственных отношениях, ощущениях, представлениях’ (ПСТ: 343). В таком значении *любовь* как эмоция переходит в мир разума, подвергается оценке в тютчевских афоризмах:

1. *И кто в избытке ощущений,*

Когда кипит и стынет кровь,

Не ведал ваших искушений –

Самоубийство и Любовь! («Близнецы», с. 174)

2. *Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье...*

(«В разлуке есть высокое значенье...», с. 180)

3. *...О ты, последняя любовь!*

Ты и блаженство, и безнадежность («Последняя любовь», с. 186).

4. *...Жизни блаженство в одной лишь любви...*

(«Из «Эгмонта» Гёте», с. 252).

Любовь у Ф.И. Тютчева не просто абстракция, но и олицетворенное явление со специфическими характеристиками и проявлениями. Автор описывает это чувство как высшую благодать, наслаждение, блаженство и, вместе с тем, как наказание, боль, утрату. Последние качества любви и проявляются в четвертом афоризме. Здесь вообще поэт идеализирует любовь, не оставляя места другим жизненным радостям.

Афоризм «Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье» имеет прецедентную основу в испанской поэзии XVII века (у Кальдерона – «Жизнь есть сон»). Этот яркий авторский образ имеет научную подоплеку, так как в медицине установлено, что сновидения человека в общей сложности составляют несколько минут, в то время как спящему может показаться, что они длились продолжительное время.

Любовь – явление многогранное, что и отражается в афористической поэзии Ф.И. Тютчева, например, в стихотворении-афоризме «Предопределение»:

*Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой* («Предопределение», с. 173-174).

Таких стихотворений-афоризмов у Ф.И. Тютчева немало, и ниже мы рассмотрим некоторые из них, особенно те, которые повторяются в энциклопедиях и специальных работах, посвященных афористике Тютчева.

К афористическим выражениям можно отнести и контексты с номинациями других эмоций (*печаль, радость, тревога*). Эти афоризмы восходят, как правило, к ранним переводам Тютчева. Но многие из них фиксируются в его оригинальной поэзии более поздних лет, например: «Душу божьего творенья Радость вечная поит, Тайной силою броженья Кубок жизни пламенит...» (1823 г.) («Песнь радости» (Из Шиллера), с. 63). Или контекст из афористического стихотворения 50-х гг.:

*Не рассуждай, не хлопочи!..
...Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу* (С. 165-166).

Эта своеобразная житейская философия навеяна только зародившейся любовью к Е.А. Денисьевой. В более поздних стихотворениях «денисьевского цикла» *любовь, радость, печаль* идут по жизни вместе, о чем и пишет Ф.И. Тютчев в стихотворении «Двум сестрам», посвященном его первой жене Элеоноре Ботмер и ее сестре Клотильде:

*И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..* (С. 83).

Это стихотворение имеет более личностный характер, чем приведенные выше, поэтому можно усомниться в его афористичности, но временная

суть Бытия, обращение к мифу о волшебном зеркале придают тексту прецедентность, соседствующую с афористичностью.

В афористике Ф.И. Тютчева проявляются и другие эмоции. Так, *злость* обыгрывается в двух похожих афоризмах в контексте перевода «Песни радости» Ф. Шиллера. Являясь семантически сходными, они выступают вариантами одной авторской мысли о торжестве добра над злом.

1. *«Злое злой конец приемлет!..»;*

2. *«Злой конец началу злomu!..»* («Поминки» (Из Шиллера), с. 170-171).

В форме лозунга провозглашается у Ф.И. Тютчева сила и власть добра. Дополнительную образность создает столкновение этимологически родственных слов-антонимов: *конец – начало*. Тема добра и зла является одной из основных общечеловеческих тем, отсюда многочисленные афоризмы других авторов: «С началом запальчиво спорил конец. «Я всякому делу, - кричал он, - венец!» «Да, верно, - начало ему отвечало, - Однако я все начинаю сначала» (Р. Тагор) (Носков 1990: 39-41); «Где начало того конца, которым заканчивается это начало? (Козьма Прутков), «Не начинайте дела, конец которого не в ваших руках» (Василий Ключевский) (БКА: 499) и др.

Наконец, говоря о «человеческой» афористике, можно выделить так называемые афоризмы-пожелания, рекомендации, в которых закреплён опыт человечества. Таковым является афористическое стихотворение «Не рассуждай, не хлопочи!..» (с. 165-166). В нем каждые две строки выражают новую афористическую мысль. Всего в этом стихотворении четыре афоризма. Приведем каждый из них.

Первый афоризм о несовершенстве человеческого общества и соответствующей реакции на это отдельного человека:

Не рассуждай, не хлопочи!..

Безумство ищет, глупость судит...

Второй афоризм этого стихотворения о человеке и времени:

Дневные раны сном лечи,

А завтра быть чему, то будет.

Эпитет «дневные раны» подразумевает не только физическую болезнь, но и душевные переживания и даже нервные расстройства, что порой может вылечить обычный человеческий сон.

Третий афоризм о перипетиях человеческой жизни:

Живя, умей все пережить:

Печаль, и радость и тревогу...

Жизнь человека сложна и противоречива, и нужно с достоинством научиться встречать, переживать и провожать радость и горе.

Четвертый афоризм – своеобразный ответ глупости и безумству, рассуждение о том, как следует вести себя в жизни, ценность которой определена этими силами. В кажущейся шутливо-иронической концовке заключена основная мысль житейской философии многих людей.

Чего желать? О чем тужить?

День пережит – и слава богу!

Свои афоризмы-рекомендации обществу, государству Ф.И. Тютчев использует и в политических стихотворениях. Так, стихотворение «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая» (С. 190), не относящееся к его лучшим политическим творениям, начинается афористическими строками: «Нет, мера есть долготерпенью, Бесстыдству тоже мера есть!..».

Построенный по принципу антитезы, данный афоризм обладает контрастивным контекстом. Положительное качество «долготерпенью» лексически противопоставлено отрицательному – «бесстыдству». Поэт включает два этих понятия в один временной относительный ряд, выраженный философским понятием «мера» (см. Философский словарь). Отметим, что знак-понятие «мера» входит в состав многих афористических выражений. «Мера» в русском языке – это то, что удерживает предмет от перехода его в новое качество – как позитивное, так и негативное.

Надо отметить, что у Тютчева глагол-частица *нет* выполняет и функцию самоотрицания, когда стоит в начале стихотворения. Это продолжение

диалога с самим собой и мыслимым собеседником. Одно из таких тютчевских стихотворений, состоящих из двух частей, можно отнести к афористическим. Предполагают, что это стихотворение обращено поэтом к самому себе в первые годы его увлечения Эрнестиной Пфэффель, будущей второй женой. Первый афоризм имеет личностный характер, но, конечно, его смысл, обобщающий, а *ты* – указывает одновременно на 1-е и 2-е лицо:

И чувства нет в твоих очах,

И правды нет в твоих речах,

И нет души в тебе.

Второе трехстишие – отрицание всего. И с этим человек, по утверждению поэта, должен смириться:

Мужайся, сердце, до конца:

И нет в творении творца!

И смысла нет в мольбе! (С. 138).

Афористика СП «Человек» у Ф.И. Тютчева представляет собой уникальное в своем роде явление. Нередко цитируются прецедентные тексты, отсылающие к высказываниям исторических деятелей, древних мудрецов. Часто поэт прибегает к перефразировкам. Тютчевская афористика часто изображает абстракции, не зафиксированные в общеязыковой лексикографии, совмещающие в себе «совокупность прямых, переносных, символических значений, цитирование и автоцитирование, использованные собственные имена, создающие прецедентные тексты» [Голованевский 2012б: 135-138].

§ 4. Семантическое поле «Природа» в поэтической афористике

Ф.И. Тютчева

4.1. «Природная» афористика, отраженная в энциклопедиях

«Природная» афористика Ф.И. Тютчева, как и фразеология, по нашим наблюдениям, гораздо скромнее, чем «человеческая». И это вполне объяснимо, так как человек существует прежде всего в обществе и многое, ему присущее, заимствовано или от других людей, или от природы. Замечено, что антропоцентрический принцип в языке поэзии Ф.И. Тютчева проявляется в том, что чаще дела и свойства человека переносятся на природу, чем явления и свойства природы на человека. Подобная позиция характерна и для афористики древних, запечатленной в энциклопедиях.

Природа породила как человека, так и все его окружающее, поэтому он нередко сравнивается с ней, например, в афоризмах, приведенных в сборнике «Мудрость тысячелетий» (МТ). Софокл: «Много в природе дивных сил, но сильней человека нет» (С. 58). Гиппократ: «Лечит болезни врач, но излечивает природа» (С. 65). Плутарх: «Говорят, что природа для того каждому дала два уха и один язык, чтобы говорить меньше, чем слушать» (С. 78). В своих речах Цицерон нередко давал меткие характеристики природе: «Нет ничего более изобретательного, чем природа»; «Природа наделила человека стремлением к обнаружению истины»; «Природа не терпит одиночества»; «При руководстве природой ошибиться никоим образом нельзя» (С. 91-93).

Отдельные афоризмы, приводимые в энциклопедии «Мудрость тысячелетий», даются без указания авторов, «ибо мудрость античных мыслителей своими корнями уходила в мудрость народа, который, в свою очередь, наиболее полюбившиеся ему афоризмы, максимы, сентенции и прочее превратил в собственные пословицы и поговорки» (МТ: 130). Некоторые из таких выражений совпадают по содержанию с авторскими: «Природа не терпит одиночества» (Цицерон) – «Природа не терпит пустоты» (С. 132); «Самой

природой не дано нам познать пределы вещей» (Цицерон) – «Природа ничего не дает людям без большого труда» (С. 132).

Все афористические сборники и энциклопедии фиксируют изречения о природе различных культур и эпох. Приведем примеры из книги «Крылатые слова» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной (Ашукин 1955), где фиксируются такие выражения: «Гони природу в дверь, она влетит в окно» – из вольного перевода Н.М. Карамзина басни Лафонтена (1621-1695) «Кошка, превращенная в женщину» (С. 129-130); «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» – это выражение, ставшее крылатым, советского селекционера И.В. Мичурина (1855-1935), выдающегося биолога-генетика (С. 343-344); «Привычка – вторая натура (природа)» – афоризм, восходящий к высказыванию Аристотеля (384-322 до н.э.) «Привычка становится уже природным свойством» (С. 451-452); «С природой одною он жизнью дышал» – афоризм Е.А. Баратынского (1800-1844) из стихотворения «На смерть Гёте» (1833) (С. 485).

Неслучайно природа опоэтизирована Ф.И. Тютчевым, причем в его интерпретации она неразрывно связана с человеком. О том, что человек, борясь с природой, оказывается один на один с самим собой, свидетельствует тютчевский афоризм из стихотворения «Бессонница»: «И мы, в борьбе, с природой целой Покинуты на нас самих» (С. 80).

Обратимся непосредственно к поэтическим афоризмам Ф.И. Тютчева в СП «Природа».

4.2. Общая характеристика афористического СП «Природа» в поэзии Ф.И. Тютчева

По принятой нами классификации поэтического материала к «природным» афористическим можно отнести такие стихотворения, как «Последний катаклизм», «Не то, что мните вы, природа...», «Дума за думой, волна за волной...» («Волна и дума»), «Природа – сфинкс...». В стихотворении «По-

следний катаклизм» есть намек на всемирный потоп, предчувствие бедствия планеты:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них! (С. 85)*

Стихотворение «Не то, что мните вы, природа...» впервые напечатано в «Современнике» в подборке Пушкина «Стихи, присланные из Германии». В дальнейшем стихотворение привлечет пристальное внимание поэтов, критиков, философов (Н.А. Некрасова, С.С. Дудышкина, Н. Овсянникова, В.С. Соловьева, К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, С.Л. Франка и др.) [Тютчев, ПССП 1: 448-452], что свидетельствует о его философской и собственно поэтической значимости. Первое четверостишие этого стихотворения – общепризнанный афоризм. Из этого следует, что необходимо не только констатировать пантеистические воззрения Ф.И. Тютчева, но и выяснять влияние этих воззрений на особенности семантики лексем, определяющих содержание афоризма.

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык... (С. 135-136).*

Таким образом, основной семантический акцент приведенных афористических строк сделан на таких лексемах, как «душа», «свобода».

В «природных» стихотворениях Тютчева тема пантеизма, идущая от стихотворения «Не то, что мните вы, природа...», находит продолжение в афористических строках других стихотворений. К таким относятся, например, строки стихотворения, в первой редакции называвшегося «Волна и дума» [Тютчев, ПССП 2: 41]:

*1. Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной...*

*2. Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой* (С. 179).

Заметим, что для Ф.И. Тютчева неразделимы мыслительный процесс и вечное движение волн.

Во всех афористических энциклопедиях приводится такое стихотворение-афоризм:

*Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней* (С. 248).

Обратим внимание на то, что стихотворение написано в 1869 г., и оно по сути отрицает то, что Ф.И. Тютчев писал о природе в 1836 г. – «...В ней есть душа, в ней есть любовь» или в ряде других стихотворений, которые перечисляет В.Н. Топоров, характеризуя Тютчева как одного из величайших представителей «поэтического шеллингианства» [Топоров 1990: 91]. Среди шеллингианских стихотворений Тютчева Топоров называет такие: «Не то, что мните вы, природа...», «Последний катаклизм», «На мир таинственный духов...» (1839), «Святая ночь...» (1848), «Сон на море» (1830), «О чем ты воешь, ветер ночной?...» (начало 30-х гг.), «Певучесть есть в морских волнах...» (1865), «Probleme» (1833) и «Природа – сфинкс...» (1869). Далее В.Н. Топоров замечает: «Можно думать, что наиболее близкими Тютчеву оказались идеи об одухотворенности природы и о тождестве духа и природы» [Топоров 1990: 95]. Да, большинство перечисленных стихотворений действительно пронизаны этими идеями, но только не стихи «Природа – сфинкс...», «Певучесть есть в морских волнах...», то есть стихотворения 60-х годов. В них содержатся прямо противоположные идеи, природа и человек – антагонисты, между ними существует разлад, который мы сознаем лишь «...в нашей призрачной свободе», и на вопрос, откуда он возник, нет ответа.

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре*

Душа не то поет, что море

И роищет мыслящий тростник? («Певучесть есть в морских волнах...», с. 220). Данные строки с фразеологическим сочетанием «мыслящий тростник» – явно афористического свойства. Завершает антишеллингианскую тему «Природа и Человек – антагонисты» такой афоризм:

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих лишь грезю природы.*

*Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной*
(«От жизни той, что бушевала здесь...», с. 261).

Это стихотворение Ф.И. Тютчева, в котором он возвращается к теме «Человек и Природа», является одним из последних в его едином поэтическом тексте.

Если эти стихотворения относить к шеллингианской теме в философском плане, то только в той ее части, когда «диссонанс и разлад – всегдашние спутники человеческого я» [Топоров 1990: 96].

Итак, в афористике Ф.И. Тютчева, связанной с его увлечением шеллингианскими идеями, надо, на наш взгляд, выделить два периода: 20–40-е и 50–70-е годы. Первый период – это воплощение идеи об одухотворенности природы и тождестве духа и природы, второй период – разлад человека и природы.

Возможность объективности такой периодизации подтверждается высказыванием В. Брюсова о стихотворении «От жизни той, что бушевала здесь...»: «Подлинное бытие имеет лишь природа в ее целом. Человек – лишь “греза природы”. Его жизнь, его деятельность – лишь “подвиг бесполезный”»

[Тютчев, ПССП 2: 600]. Так же негативно понята критиками природа – Сфинкс. В.Ф. Саводник нашел в стихотворении «Природа – сфинкс...» мысль об отсутствии «внутреннего смысла» в жизни природы, Д.С. Мережковский в связи с этим заявляет, что нет «никакой загадки, ни Божеской, ни дьявольской» и «нечего ждать смерти: мир уже смерть» [Тютчев, ПССП 2: 570].

4.3. Времена года в афористике Ф.И. Тютчева

Времена года у Тютчева также получили свою афористическую характеристику, часто восходящую к народному представлению. В своем раннем стихотворении «14-е декабря 1825», посвященном судьбе декабристов, Тютчев скептически относится к результатам деятельности революционеров, проводит параллели с *зимой* как временем года. Россия – «вековая громада льдов», и «скудная кровь», самопожертвование декабристов не в силах растопить эту «громаду». Стихотворение Ф.И. Тютчева заканчивается афористическими строками: «...Зима железная дохнула – И не осталось и следов» (С. 73).

Большинство тютчевских афоризмов посвящено *весне*. Существительное «весна» имеет самую высокую частотность среди лексем, обозначающих времена года, и проходит через все творчество Ф.И. Тютчева (20-е–70-е гг.), а ее метафорический потенциал влияет на афористичность текста. Весна – это «любовь земли и прелесть года» («Весна», с. 57), «душа природы», благодаря которой она оживает, и «...блещет все в торжественном покое: Лазурь небес и море голубое...» («Могила Наполеона», с. 77). Так, в стихотворении «Графине Е.П. Ростопчиной» (1850) выделяется афоризм: «...Как бы повеяло весною, Как бы запело о весне...» (С. 168).

Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина связывают выражения «повеяло весною» и «весенние мечтания» относительно политической жизни России с либеральной газетой «Русские ведомости», где 24 сентября 1904 г. в связи с

назначением на пост министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского было напечатано: «Повеяло весной... таково общее впечатление; это говорят в обществе; это отмечает печать». Выражение «повеяло весною» и другие, ему подобные, стали активно употребляться в буржуазно-либеральной печати (Ашукин 1955: 80-81). Метафора «повеяло весной» принадлежит редактору и издателю журнала «Новое время» А.С. Суворину, который написал: «Разве речь министра внутренних дел, сказанная 16-го сентября, не веяние весны, не ясный ее признак?» (Новое время. 1904. 21 сентября) [Журнал «Звезда»: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1447>].

Выражение «Повеяло весною» Ф.И. Тютчев употребляет и в своем знаменитом «Я встретил вас – и все былое...» (1870 г.):

*Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас... (С. 255)*

Известно, что П.Д. Святополк-Мирский любил и хорошо знал поэзию Ф.И. Тютчева, поэтому вполне мог использовать природный поэтический афоризм как политическую метафору. Таким образом, выражения «повеяло весной», «повеяло отрадой» из природной афористики Тютчева вошли в афористику политическую.

Как афористическое расцениваем такое двустишие:

*Не все душе болезненное снится:
Пришла весна – и небо прояснится (С. 268).*

Семантическое противопоставление, сопровождаемое особой интонацией, – одна из характерных черт афористики. Это афоризм-иносказание. Душевное состояние человека ассоциируется у поэта с природными явлениями, в данном случае – с весной.

С *летом* в тютчевской афористике связана идея увядания природы (и человека) и ее возрождения:

...Что ж негодует человек,

Сей злак земной!..

Он быстро, быстро вянет – так,

Но с новым летом – новый злак...

И снова будет все, что есть,

И снова розы будут цвести,

И терны тож... (С. 129).

Философско-афористическая идея стихотворения в том, что независимо от человека лето возрождает в природе все, что до этого увяло, перестало существовать. Цветение, цветы – это символ лета, жизни. И Тютчев в последние месяцы своей жизни (март 1873) в послании дочери Дарье сталкивает два природных символа – жизнь и увядание (смерть):

...Еще цветы я рассылаю,

А сам так быстро отцветаю (С. 276).

С осенью можно связать афористику стихотворения «Слезы людские, о слезы людские...»:

Слезы людские, о слезы людские,

Льетесь вы ранней и поздней порой...

...Льетесь, как льются струи дождевые

В осень глухую порою ночной (С. 155).

В природной лирике Ф.И. Тютчева имеются две осени, две осенние поры. Одна из них представлена в этом афоризме, а также в стихотворении «Родной ландшафт...». Другая осень и осенняя пора сближается у Тютчева с весной, летними вечерами, навеивает ему весну:

Так иногда осеннюю порой,

Когда поля уж пусты, рощи голы,

...Вдруг ветер подует, теплый и сырой,

...И душу нам обдаст как бы весной...

(«Когда в кругу убийственных забот...», с. 155).

Отметим, что знаменитые художественно-образные строки Ф.И. Тютчева «Весь день стоит как бы хрустальный И лучезарны вечера...» относятся к «первоначальной осени» (С. 195-196).

4.4. Вопросы, на которые природа не дает ответа

В стихотворении «Через ливонские я проезжал поля...» Ф.И. Тютчев и не пытается узнать о прошлом, о чем природа молчит:

Но твой, природа, мир о днях былых молчит

С улыбкою двусмысленной и тайной... (С. 110).

Л.Н. Толстой отмечал силу этих афористических строк вместе с продолжением стихотворения («Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный, Про них и днем молчание хранит») [Толстой 2006: 142], сопоставляющим мир природы с библейским героем – отроком Самуилом (1-я кн. Царств, гл. 3-я), который не осмеливался признаться, что ночью видел бога [Тютчев 1987: 381]. Позднее Ф.И. Тютчев ответит, почему «природа молчит о днях былых» таким афоризмом:

Природа знать не знает о былом...

Человек не знает и природа не дает ответа на риторический афористический вопрос в стихотворении «MALA ARIA» («Зараженный воздух») (1830):

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,

Благоухания, цветы и голоса –

Предвестники для нас последнего часа

И усладители последней нашей муки... (С. 112).

Продолжение этого текста и возможный ответ на вопрос находим в стихотворении «Я не ценю красот природы...», написанном в 1865 г.:

Природы воздух ядовитый

Нас отравляет не всегда:

Мы себялюбием повиты –

И эта губит нас беда. (С. 283)

Прецедентной основой для некоторых поздних текстов Тютчева, и соответственно, для вычлененных из них афоризмов, служат, как показывают наши наблюдения, более ранние сочинения поэта. И это вполне закономерно, так как зрелые стихи «перекликаются с целым рядом стихотворений конца 20–30-х годов, утверждающих всецело одухотворенное бытие Природы...» [Кожин 2001: 289]. Это является еще одним доказательством непрерывности единого поэтического текста Ф.И. Тютчева.

Проникновение в, казалось бы, непроницаемые законы метафизики и диалектики, логичность и лапидарность изложения, граничащая с глубоким философским смыслом, – важные характеристики тютчевских стихов, переносящих свои свойства на афористику в частности и фразеологию в целом.

§ 5. Бытие – Небытие Человека и Природы

Интересной особенностью поэтического мира Ф.И. Тютчева является возникновение противоположных ответов на одни те же вопросы. Исследователи (Ю.Н. Тынянов, Ю.М. Лотман и др.) удивленно констатируют постоянно сквозящее в стихах классика противоречие «жажды бытия» и желания «вкусить уничтожения» [Лотман 1990: 110]. Тему «Бытие – Небытие Человека и Природы» трудно отделить от рассмотренных афористических тем. Но мы постараемся хотя бы кратко обозначить круг афористических выражений Ф.И. Тютчева, в которых ставится и разрешается эта проблема.

Ю.М. Лотман замечает, что тютчевская антиномия «Бытие – Небытие» носит глубоко экзистенциальный характер, охватывая все проявления материи. Обычно Бытие понимается Ф.И. Тютчевым как субстанция данного мгновения и пространства, а Небытие, соответственно, – как пустота [Лотман 1990: 111]. Человек и Природа, несмотря на свои непрекращающиеся оппозиции, в том числе в лирике, выступают как единое целое в своем бытийном существовании. По этому поводу поэт афористично восклицает: «Всё во мне,

и я во всём!..» («Тени сизые смешались...», с. 127). Обобщенно-личный характер афористической конструкции служит смысловому объединению устройства нашего сознания и мироздания в целом.

Причастность к оппозиции «Бытие – Небытие» позволяет мыслящему Человеку почувствовать, что он на верном пути к осознанию своего места в обществе и Природе. А когда Человек ощущает гармонию в Природе и в самом себе, он понимает, что его душевный дисбаланс связан в первую очередь с необоснованным бунтарством против всего существующего:

Невозмутимый строй во всем,

Созвучье полное в природе, -

Лишь в нашей призрачной свободе

Разлад мы с нею сознаем.

(«Певучесть есть в морских волнах...», с. 220)

Природа наделена умиротворением и покоем, она следует размеренному ходу Бытия, а Небытие для нее – это тот самый ведущий к гибели «разлад» внутри Человека, восклицающего: «Я, царь земли, прирос к земле!..» («С поляны коршун поднялся...», с. 130). Первая часть высказывания восходит к устоявшемуся пониманию, выраженному афоризмом «Человек – царь земли», но от этой земли человек все-таки оторваться не может. С.Л. Толстой в книге «Ф.И. Тютчев и Л.Н. Толстой. Два гения» пишет, что Л.Н. Толстой отмечал в первую очередь глубину этого афоризма [Толстой 2006: 142], заключающего в себе философский смысл бессилия Человека перед могуществом Природы. Синонимичен данному высказыванию другой тютчевский афоризм: «Всесилен я и вместе слаб, Властитель я и вместе раб...» («Всесилен я и вместе слаб», с. 50). И глядя на Бытие Природы, Человек понимает, что «Тревога и труд лишь для смертных сердец...» («Два голоса», с. 167).

Суждение от первого лица нередко носит у Ф.И. Тютчева экзистенциальный, поучительный характер как отражение христианских заповедей, поэтому в тютчевской афористике находим: «И если бить хочу кого, То бью себя я самого» («Всесилен я и вместе слаб...», с. 50).

Между Бытием и Небытием в поэтической концепции Ф.И. Тютчева располагается время. События сменяют друг друга, оставаясь в прошлом, только в воспоминаниях, которые начинают восприниматься как ценность: «Минувшее, как призрак друга, Прижать к груди своей хотим...» («Проблеск», с. 71). В афоризме ушедшее олицетворяется, поэт выходит на уровень тактильных ощущений, а слог приобретает ностальгическую мелодику. Наблюдается переключки с высказыванием Жан-Жака Руссо (1712-1778), зафиксированным в энциклопедии «Мудрость тысячелетий»: «Мы всего больше заботимся о жизни по мере того, как она теряет свою ценность; старики больше сожалеют о ней, чем молодые» (МТ: 312).

Нередко средства выражения мыслей в тютчевской поэзии имплицитны, то есть понятия названы опосредованно: «Если смерть есть ночь, если жизнь есть день – Ах, умаял он, пестрый день, меня!..» («Мотив Гейне», с. 240). В данном примере один субъект выражается через другой. В основе афоризма – аналогия: жизнь – это день (Бытие), а смерть – это ночь (Небытие). Тютчев обратился к переводу этого стихотворения Гейне уже в период своего зрелого творчества, когда он перенес тяжелые утраты близких, а преследовавшие его болезни не могли не вызывать усталости от жизни.

В поэтической афористике Тютчева постоянно сквозит тема противостояния жизни и смерти. Причем в тютчевской философии Человек смертен, в то время как Природа бессмертна. О человеческом и природном Бытии – Небытии известно немало афоризмов мыслителей разных цивилизаций и эпох. Приведем некоторые из них из сборника «Мудрость тысячелетий» (МТ). *Жизни* посвящены, например, такие афоризмы: «Блаженна жизнь, пока живешь без дум» (Софокл, с. 58), «Жизнь коротка, но слава может быть вечной» (Цицерон, с. 88), «Жизнь есть борьба» (Еврипид, с. 59) и др.; *смерти* – «Если тебе не спастись от смерти, умри по крайней мере со славой» (Эзоп, с. 55), «Блаженнее всего для человека – умереть счастливым» (Антисфен из Афин, с. 66), «Неминуемый конец предстоит смертным» (Лукреций, с. 96), «От смерти и любви никто не скроется» (Публий Сир, с. 104; несомненна

близость этого афоризма с афоризмами из стихотворения Тютчева «Близнецы») и др.

Собственно жизнь и смерть Человека и Природы противостоят друг другу в тютчевской афористике, подтверждая смысл высказываний книги «Мудрость тысячелетий» и других собраний афоризмов. Непосредственно с жизнью и смертью связана человеческая *судьба*, о которой Ф.И. Тютчев афористично рассуждает: «Стоим мы слепо пред Судьбою, Не нам сорвать с нее покров...» («На Новый 1855 год», с. 189).

И эта Судьба часто сурова по отношению к Человеку: «Из края в край, из града в град Судьба, как вихрь, людей метет...» («Из края в край, из града в град...», с. 132). Она не приоткрывает занавес перед будущим, оставляя человека в неведении: «А завтра быть чему, то будет» («Не рассуждай, не хлопочи...», с. 165).

Тленность и быстротечность жизни сравнивается в афористике Ф.И. Тютчева с дымом:

*«Вот наша жизнь, - промолвила ты мне, -
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»* («Как дымный столп светлеет в вышине...», с. 153).

Человек пытается бунтовать против Природы, и оказывается, что его действия лишены мотивации: «И мы, в борьбе, с природой целой Покинуты на нас самих» («Бессонница», с. 80).

Мятущийся, уставший от жизни поэт (как и любой человек), осознавший свою слабость перед Природой, констатирует: «Есть и в моем страдальческом застое Часы и дни ужаснее других...» («Есть и в моем страдальческом застое...», с. 217). Одиноким, прошедшим через тяжелые жизненные испытания, размышляющий о жизни и смерти, Человек начинает различать тонкую грань между Бытием и Небытием:

Быть до конца так страшно одиноку,

Как буду одинок в своем гробу («Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...», с. 221).

Бытие переходит в Небытие, когда Человек завершает свой земной путь, испытав свою Судьбу.

Антиномия «Человек – Природа» в ее проявлении «Бытия – Небытия» является ключевой в творческой интерпретации Ф.И. Тютчева, что отмечают многие отечественные тютчеведы (Ю.М. Лотман, Л.В. Пумпянский, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум). Афористика становится важнейшим средством, определяющим уникальность поэтического языка Тютчева, по достоинству оцененного не только в России, но и за рубежом в трудах многих авторов (Герхард Дудек, Фридрих Фидлер, Симон Якобсон, Вильгельм Леттенбауэр, Ганс Роте [Dudek 1958; Fiedler 1996; Jakobsohn 1929; Lettenbauer 1958; Rothe 1978] и многие другие).

Выводы

Как отмечают исследователи, тютчевская поэзия эпиграфична, прецедентна, символична. Все это создает условия для ее афористичности. Афористическая картина мира в поэзии Ф.И. Тютчева представляет собой неотъемлемую часть его общей языковой картины мира.

Афоризмы как специфические структурно-семантические единицы языка до настоящего времени не имеют четких критериев выделения из художественных текстов, поэтому в существующих афористических сборниках, пожалуй, больше субъективного, чем объективного. В различных сборниках крылатых слов, выражений и афоризмов зафиксировано сравнительно небольшое количество афористических выражений Ф.И. Тютчева. Возможно, это происходит потому, что предпочтение отдается изучению афористики прозы, а не поэзии.

В качестве тютчевских афоризмов нами выделяются не только фрагменты из стихотворений, но и отдельные стихотворения полностью.

Афористику Ф.И. Тютчева можно систематизировать по двум СП – «Человек» и «Природа», где также не исключен факт пересечения полей.

СП «Человек» представлено такими группами, как «Человечество в целом»; «Человек конкретный», «Эмоции». Общечеловеческая афористика поэзии Ф.И. Тютчева обладает не только семантическими, но и синтаксическими особенностями. Зачастую это сложное предложение, где обычно в главном называется основной афористический признак: «Блажен, стократ блажен... Кто может, радостный, сказать себе: “Я жил!”»; «Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые!». Такая синтаксическая структура присуща и афоризмам других поэтов: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!» (А.С. Грибоедов), «Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел...» (А.С. Пушкин).

Афористически изображаются в оригинальной и переводной поэзии жизненные потребности, свойства человека, предначертанность: *счастье, судьба, добро, зло, сила, слабость* и др. Афористически звучат строки о *любви, печали, радости, тревоге* и др. Человек конкретный афористически – это прежде всего поэт (как абстрактная номинация) или названный по имени, это гражданин, не склоняющий головы перед сильными.

«Природная» афористика, подобно «природной» фразеологии, представлена в поэзии Ф.И. Тютчева гораздо скромнее, является отголоском античной мудрости и современной Тютчеву философии. Эта афористика нередко структурно выражается отдельными стихотворениями («Когда пробьет последний час природы...»; «Не то, что мните вы, природа...»; «Дума за думой, волна за волной...»; «Природа – сфинкс. И тем она верней...» и др.).

Афористично изображены у Ф.И. Тютчева времена года, в особенности *весна*, и загадочность природы. А связывает воедино Человека и Природу их Бытие – Небытие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеология от своего зарождения в 40-х годах XX века до статуса самостоятельного раздела языкознания прошла короткий, но сложный, противоречивый путь, насыщенный многочисленными научными дискуссиями, спорами зачастую непримиримых оппонентов. Основной проблемой фразеологии, неразрешимой и до настоящего времени, остается проблема определения и терминологической номинации ее единицы. В наше время в качестве терминов, обозначающих единицу фразеологии, выступают: фразеологизм, фразеологическая единица (ФЕ), фразеологический оборот (ФО), фразема и др. Нередко за термином стоит принципиальная позиция автора, раскрывающая его взгляд на единицу фразеологии. Так, Н.М. Шанский, развивший учение основоположника фразеологической теории в СССР В.В. Виноградова, предлагает называть такую единицу «фразеологическим оборотом» и использует в своих научных трудах только этот термин. В тексте диссертации мы объясняем эту позицию ученого тем, что он в качестве мельчайшей фразеологической единицы признает лишь такую, в которой не менее двух компонентов, обладающих признаком воспроизводимости и устойчивости в своем составе и структуре. Мы, в отличие от Н.М. Шанского, как и многие лингвисты, в качестве фразеологизмов выделяем и одноударные предложно-падежные сочетания типа *в ногах, на ногах, к ногтю* и др., представленные во фразеологических словарях и употребляющиеся в авторских текстах. Поэтому нами используется в работе не только термин фразеологический оборот, но и фразеологическая единица, фразеологизм.

Важным теоретическим вопросом фразеологической отрасли языкознания остается и вопрос о структуре фразеологизма, функциях и свойствах его составных частей. Считаем, что не совсем корректно называть «словами» ударные элементы ФЕ, соотносящиеся с той или иной частью речи, поскольку это «компоненты» целостной по своему значению ФЕ, часто имеющие аналоги в лексике. Однако семантическая и лексическая роль компонентов в

составе ФЕ неодинакова, что убедительно показал в своих трудах В.П. Жуков.

После появления первых работ по фразеологии В.В. Виноградова эта область языкознания привлекла к себе пристальное внимание многих отечественных лингвистов, чья роль в создании фразеологической теории была справедливо признана представителями зарубежного языкознания. В связи с этим сложились авторитетные фразеологические школы, которые разработали структурно-семантическое, когнитивно-концептуальное, трансформационное и другие научные направления.

В конце XX – начале XXI вв. усиливается интерес к авторской фразеологии, так как в художественных текстах особо зримо проявляются такие черты ФЕ, как их метафоричность, образность, экспрессивность, причисляемые некоторыми исследователями к интегральным или дифференциальным признакам ФЕ. Особенностью авторской фразеологии является постоянное стремление авторов обновить, трансформировать, дать новую жизнь известным фразеологизмам, а по возможности, обогатить фразеологию индивидуально-авторскими ФЕ. Этим и обусловлены теоретические подходы к ее изучению. В диссертации освещен широкий взгляд на авторскую фразеологию, что дает возможность более полно представить языковую личность изучаемого автора.

В связи с углубленными разработками теоретических вопросов в области лексикологии и фразеологии (в том числе и авторской) стимулируется развитие практической лексикографии, включая фразеологическую лексикографию. В современных типологиях авторских словарей пока не находят своего места фразеологические словари отдельных авторов. А общая типология словарей должна, как считает А.Л. Голованевский, дополниться еще одной антиномией: неавторский словарь – авторский словарь.

Если до настоящего времени возникают серьезные споры о системной организации лексики, то можно сказать, что системная организация фразеологии вызывает еще более острые дискуссии. Но несомненно, что в лексико-

семантической системной иерархии именно семантическое поле (СП) задает параметры систематизации более мелких структурных организаций – лексико-семантических и тематических групп.

Таким образом, фразеологическая система языка не только дополняет, расширяет, специализирует, маркирует лексическую систему, но и занимает свое особое место в структуре языковой личности.

В глубоко философской поэзии Ф.И. Тютчева важную роль играют фразеология и афористика. Фразеолого-афористический состав тютчевской поэзии в настоящей диссертации систематизирован по двум адаптированным под работу семантическим полям «Человек» и «Природа».

Человек прежде всего осмысливается через его соматику. Тело человека состоит из органов, номинации которых специфически представлены в языковой картине мира определенного автора, в том числе в качестве компонентов ФЕ. Тем не менее, как справедливо пишет М.А. Минакова, «весь массив ФЕ с компонентами, именующими физическую основу человека, не становился предметом исследования» [Минакова 2007: 48].

В соматической фразеологии Ф.И. Тютчева особое внимание следует обратить на русско-старославянскую стилистическую дублетность и архаичность. Так, не зафиксировано ни одного фразеологизма с восточнославянскими вариантами *голова*, *шея*, в то время как старославянские *глава*, *выя* присутствуют в прецедентных текстах фразеологического характера: «В его главе – орлы парили, В его груди – змии вились» или «...Умевший, не сгибая выи, Царю быть другом до конца». Изображение человека телесного в общей и авторской фразеологии и афористике является важным моментом при выяснении роли антропоцентрического принципа в структуре языковой картины мира.

Но лингвистические исследования, посвященные человеку только с точки зрения его физических особенностей, являются недостаточными, так как человек – существо разумное, воспринимающее мир рационально и эмоционально.

В тютчевской фразеологии человек эмоциональный – это человек *любящий, тоскующий, грустящий, скорбящий*. Поэтому важно понять, в чем заключается своеобразие фразеологического изображения таких эмоций, как *любовь, тоска, грусть*. В поэзии Ф.И. Тютчева они часто выступают не просто как свойства человека, а как самостоятельные субстанции. Отсюда вытекает нередкое преобладание имен существительных, обозначающих эмоции, над однокоренными глаголами и в отдельных случаях прилагательными.

По данным «Конкорданса полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева», частотность существительного *любовь* составляет 83 употребления, глагола *любить* – 38, существительного *тоска* – 19, глагола *тосковать* – 3 [2013: 174-175, 349]. Высокочастотные существительные в поэзии Ф.И. Тютчева чаще всего употребляются в качестве компонентов его фразеологии и афористики. Показательна в этом отношении лексема *любовь*, наиболее высокочастотная из всех эмоциональных обозначений и лексикографически обогащенная.

Особое место в соматической фразеологической системе занимает лексический компонент *душа* и его производные. Именно «в душевной глубине» таятся «и чувства, и мечты». *Душа* определяет ценность бытия самого человека и времени, в котором он существует, образуя антонимические фразеологические пары: *с душой – без души; припасть душой, вынести душу – оторвать душу, потрясти душу*. Одновременно с этим некоторые фразеологические обороты с соматизмом *душа* синонимизируются: *в душевной глубине, в глубь души*.

Речемыслительная деятельность человека фразеологически концентрируется вокруг компонента *слово*. Среди данных ФЕ присутствуют субстантивные (*последнее слово, живое слово, евангельское слово*), глагольные (*дать слово, класть слова*), модальные (*словом*) и др.

Человек как общественное существо реализует себя в различных общественных объединениях. Наивысшая структура общества в тютчевской поэзии – *мир*. Фразеологически этот *мир* всегда положительно или отрицательно

оценочен: *дольний мир, сей мир, земной мир* противопоставлен *иному миру, лучшему миру, горнему миру*. Общество – это и отдельные народы (*Славянский мир, Славянская семья* противопоставлены *иноплеменному миру, почве Европейской*).

Оппозиции в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева выстраиваются при изображении земного и небесного, «западного» и «славянского», расширяющегося и сужающегося времени и пространства. Все это в полной мере относится не только к «человеческой», но и к «природной» фразеологии.

Стихия земли – это мир человека. И здесь сближаются природное и человеческое: *мир земной, бог земной, сын земной*.

Земной стихии зачастую противопоставляется стихия воздуха, как Земля – Небу, Высота – Долине, Горнее – Дольнему: *небесные власти* (боги), *небесные слуги* (служители культа).

Фразеология стихии воды во многом перифрастична, как и фразеология Тютчева в целом, например: *Британские воды* (Великобритания), *Стиксовы берега* (подземное царство Аида), *свободная волна* (Черное море) и т.п.

Отличительной чертой тютчевских ФЕ стихии огня (*Гусов костер, очистительный костер, вулкан перегорелый* и др.) является то, что в них наиболее часто судьба человека переплетается с неподвластными ему силами природы.

Фразеология животного мира поэзии Ф.И. Тютчева во многом эмблематична. Субстантивные ФЕ часто носят перифрастический характер – *лебедь Мантуи* (Вергилий), *орел Екатерины* (Г. Потемкин), *Феррарский Орел* (Торквато Тассо). Глагольные и другие ФЕ чаще являются узуальными фразеологизмами *прикрывать крылом, простереть крылья, под крылом* и т.д.

Существенную роль в понимании языковой личности Ф.И. Тютчева играют афористические и прецедентные поэтические тексты. Афористика Тютчева гармонично вписывается в общую афористическую картину мира, наряду с афористикой Пифагора, Демокрита, Сократа, Аристотеля, Эпикура,

Лейбница, Фихте, Гюго, Ибсена, Камю, Байрона, Бальмонта, Брюсова, Пушкина и др.).

Как и во фразеологии, в афористике поэзии Ф.И. Тютчева выделено два СП – «Человек» и «Природа». Небольшое число приведенных в работе афористических единиц, характеризующих Человека, например *счастливого* и *блаженного* («Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые!»), зафиксировано в различных сборниках афоризмов, цитирующих многих авторов. В поэзии Ф.И. Тютчева афористично прославляются за великие дела конкретные люди (часто его современники): Колумб, Е.П. Ковалевский, М.П. Погодин, Петр I, А.М. Горчаков и др. Афористически Тютчев глубоко скорбит о человеческих слабостях и пороках, незнании своего ближайшего будущего: «Увы, что нашего незнания И беспомощней и грустней? Кто смеет молвить: до свиданья Чрез бездну двух или трех дней?». В отличие от «человеческой» фразеологии «человеческая» афористика рассмотрена от общего к частному. Отметим, что «природных» афоризмов у Ф.И. Тютчева, как и «природных» фразеологизмов, значительно меньше, чем посвященных человеку. Возможно, это связано с тем, что поэт часто воспринимает природные явления как абстракции в отличие, например, от своего современника А.А. Фета.

Исследование поэтической фразеологии и афористики Ф.И. Тютчева в структурно-семантическом аспекте не только дополняет и углубляет тютчеведение и фразеологию новыми знаниями, но и намечает перспективы дальнейших исследований, таких, как детальное изучение библеизмов в творчестве поэта, пересечение семантических фразеологических полей, место афористики предшественников в афористической картине мира Ф.И. Тютчева.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретическая литература

1. Абрамович И.М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря // Проблемы фразеологии / Под ред. А.М. Бабкина. М.-Л.: Наука, 1964. 320 с. С. 213-219.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы грамматики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев: Штиинца, 1982. 248 с. С. 176-180.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.
4. Алефиренко Н.Ф., Валюх З.О. Теоретические основы фразеологической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеологии: Межвуз. сб. науч. тр. Новгород, 1990. 130 с. С. 23-32.
5. Алёшечкина Ю.В., Пекарская И.В. Фразеологическая единица в художественном дискурсе: к проблеме элокутивного статуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (17). 2012. С. 11-15.
6. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. На материале прилагательных-цветообозначений русского языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 184 с.
7. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. 208 с.
8. Амосова Н.Н. Современное состояние и перспективы фразеологии // Вопросы языкознания. № 3. М., 1966. С. 65-72.
9. Анненский И.Ф. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1988. 736 с.

10. Арзамазов А.А. Образы водной стихии в поэзии П. Захарова: вода – слеза – родник – море – дождь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 1. № 7 (18) 2012. С. 33-38.
11. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.
12. Архангельский В.Л. О понятии устойчивости фразы и типах фраз // Проблемы фразеологии: Сб. науч. тр. М.-Л.: Наука, 1964. С. 102-125.
13. Архангельский В.Л. О задачах изучения фразеологического состава русского языка // Проблемы русской фразеологии: Республ. сборник. Тула, 1975. С. 123-135.
14. Астапенко Н.Я. Жемчужины народной мудрости: Пословицы, поговорки и сходные с ними народные выражения. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1959. 172 с.
15. Атаманова Н.В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева. Брянск: ООО «Ладомир», 2012. 215 с.
16. Афоризмы: По иностранным источникам / Сост. Петров П.П., Берлин Я.В. Предисл. Н.М. Грибачева. М.: Прогресс, 1985. 496 с.
17. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 295 с.
18. Бабкин А.М. Русская фразеология: ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 264 с.
19. Бабкин А.М. Фразеологизмы русского языка и задачи Академического словаря русской фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка: Тезисы докладов. Л.: Наука, 1961. С. 3-112.
20. Бакина М.А. Общезыковая фразеология в русской поэзии второй половины XIX в. М.: Наука, 1991. 127 с.
21. Балакай А.Г. Фразеология в тексте и фразеология текста (о понятии «фразеология» применительно к авторскому словарю) // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы

междунар. науч. симпозиума. 4-6 мая 2009 г. / Отв. ред. В.И. Макаров. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2009. С. 11-13.

22. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 116 с.

23. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. № 3. М., 1989. С. 74-90.

24. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. № 5. М., 1996. С. 51-64.

25. Белов А.А. Лексико-семантическое поле «Зной» в поэтических текстах Ф.И. Тютчев: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 20 с.

26. Белошапкина В.А., Золотова Г.А., Прокопович Н.Н., Филиппова В.М. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка. М.: Наука, 1964. 302 с. С. 7-11.

27. Березович Е.Л. Метафорические значения терминов родства в славянских языках // Известия РАН. Серия литературы и языка. № 3. Т. 70. 2011. С. 3-12.

28. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев / Вступительная статья к «Полному собранию стихотворений». Л: Советский писатель, 1987. С. 5-42.

29. Берлизон С.Б. Эмоциональное значение – особый компонент смысловой структуры слова (фразеологические единицы) // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тезисы докл. науч. конф. Ч. 1. М., 1971. С. 16-18.

30. Бертагаев Т.А., Зимин В.И. О синонимии фразеологических сочетаний в современном русском языке // Русский язык в школе. № 3. 1960. С. 4-10.

31. Билич Г.Л., Крыжановский В.А. Биология. В 4 т. Т. 3. Зоология. М.: Оникс, 2012. 544 с.

32. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 4–10.

33. Бобунова М.А. Русская лексикография XXI века. М.: Флинта : Наука, 2009. 200 с.
34. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 310 с.
35. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. Тула: Изд-во Тул. пед. ун-та, 1995. 151 с.
36. Бондаренко В.Т. Устойчивая фраза и контекст // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме. Четвертые Жуковские чтения: Материалы Международного симпозиума 4-6 мая / Отв. ред. В.И. Макаров. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 13-16.
37. Борисова Е.Г., Диброва Е.И., Добровольский Д.О., Телия В.Н., Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 131-138.
38. Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975. С. 193–208.
39. Бушуй А.М. Библиографический указатель по фразеологии // Основные вопросы теории фразеологии. Вып. 6. Самарканд: СамГУ, 1987. С. 153-236.
40. Вакуров В.Н. Метафорическая природа фразеологических единств русского языка // Филологические науки. № 4. 1981. С. 48-54.
41. Ван Сэнь. Фразеологическая составляющая романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: структурно-семантический и функциональный аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орёл, 2007. 23 с.
42. Варлакова Т.В. Многочленные омонимические фразеологические ряды в структурном и семантическом аспектах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 23 с.

43. Василенко А.П. Фразеология Б. Пастернака в русской оригинальной поэзии и французских переводах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 19 с.
44. Введенская Л.А. Русская лексикография. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2007. 352 с.
45. Вейкова И.Ю., Каганович С.Л. «Лебедь в зоопарке» // Литература (Образ птицы в литературе). № 3 (731). 2012. С. 29-31.
46. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 89–98.
47. Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 23.12.2013).
48. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
49. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
50. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
51. Власова Н.А. Фразеологическое гнездо с вершиной глаз в общенародном языке и говорах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 1997. 26 с.
52. Вопросы практической лексикографии. Л.: Наука, 1979. 152 с.
53. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения. Пермь: Пермск. гос. пед. ин-т, 1974. 296 с.
54. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. № 4. 1995. С. 47-55.
55. Ганапольская Е.В. Функционирование фразеологизмов в современном тексте как объект системного фразеографирования // Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс сегодня: Материалы X конгресса МАПРЯЛа. СПб., 2003. С. 441-445.

56. Гаркави А.М. Тютчев в восприятии Некрасова // В Россию можно только верить... Ф.И. Тютчев и его время: Сб. статей. Тула: Приок. кн. изд-во, 1981. С. 5-32.
57. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. 184 с.
58. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии: Кн. для внекл. чтения уч-ся ст. кл. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
59. Гехтляр С.Я. Русское слово в контексте духовной культуры. Брянск: Курсив, 2009. 336 с.
60. Гиршман М.М. Стиль и поэтическое словообразование в лирике Ф.И. Тютчева // Литературоведческий сборник: творчество Ф.И. Тютчева: филологические и культурологические проблемы изучения. Вып. 15–16. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2003. С. 6–15.
61. Глинка Е.В. Прагматика и синтагматика фразеосемантического поля говорения в древнерусском языке // Русское слово в языке и речи: Доклады Общероссийской конференции / Под ред. докт. филол. наук, проф. А.Л. Голованевского. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 134-139.
62. Глинка Е.В. Система глаголов восприятия, мышления, говорения и ее отражение в поэзии Ф.И. Тютчева // Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева: Литературоведение, лингвистика, методика: Материалы Юбилейной междунар. научно-практ. конф. Брянск: Изд-во БГУ, 2003. 302 с. С. 67-72.
63. Голованевский А.Л. Концепт «Слово» в религиозном, лексикографическом и художественном дискурсе // Русское слово в языке и речи: Доклады общероссийской конф. / Под ред. докт. филол. наук, проф. А.Л. Голованевского. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 7-13.
64. Голованевский А.Л. Лексическая неоднозначность в языке поэзии Ф.И. Тютчева // Вопросы языкознания. № 6. 2006. С. 82-88.
65. Голованевский А.Л. Лексика и семантика «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева». Брянск: Брянский гос. ун-т, 2009. 175 с.

66. Голованевский А.Л. Фразеология с соматическими компонентами в языке поэзии Ф.И. Тютчева как отражение русской языковой картины мира // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии. Сборник научных статей. Брянск: Курсив, 2011. 362 с. С. 71-80.

67. Голованевский А.Л. Место человека и природы в водной и воздушной стихии Ф.И. Тютчева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Т. 2. № 3. 2012а. С. 122-126. URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=26> (дата обращения 25.09.2013).

68. Голованевский А.Л. О теоретических проблемах и практике создания портрета языковой личности одного автора // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2011 г. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2012б. С. 134-142.

69. Голованевский А.Л. Языковая личность Ф.И. Тютчева в оценке Л.Н. Толстого // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: Материалы XXXIII междунар. толстовских чтений. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им Л.Н. Толстого, 2012в. С. 319-324.

70. Голованевский А.Л. Тютчев – русская языковая поэтическая личность. Брянск: Курсив, 2013. 292 с.

71. Голованевский А.Л., Шестакова Л.Л. Международная научная конференция «Проблемы авторской и общей лексикографии» // Русский язык в научном освещении. № 2. 2008а. С. 276-278.

72. Голованевский А.Л., Шестакова Л.Л. О современном состоянии русской авторской лексикографии // Русский язык в школе. № 1. 2008б. С. 90-93.

73. Головкина С.Х. Основные направления развития поэтической лексикографии // Клюевский сборник. Вып. I. Вологда, 1999. С. 5-32.

74. Гранкина Л.А. Типы фразеологизмов с точки зрения семантической устойчивости (слитности) их компонентов на примере английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (17). 2012. С. 54-56.
75. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983. 224 с.
76. Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина / Академия Наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1969. 387 с.
77. Гриднева Т.В. Прагматический аспект коннотативного элемента семантической структуры фразеологических единиц // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Волгоград: Перемена, 1999. С.12-14.
78. Грунченко О.М. Фразеологические единицы, структурно подобные односоставному предложению: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 1999. 23 с.
79. Гуриненко Н.А. Взаимодействие компонентов лексико-семантических полей «Человек» и «Природа» в метафоре Ф.И. Тютчева: Дисс. ...канд. филол. наук. М., 2005. 174 с.
80. Демский М.Т. Глагольная фразеология в современном украинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Львов, 1970. 23 с.
81. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 253 с.
82. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Под ред. Е.И. Дибровой. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 544 с.
83. Дидковская В.Г. Синтагматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке. Новгород: Издательство НГПИ, 1992. 63 с.

84. Дидковская В.Г. Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1997. 97 с.
85. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания. № 6. 1998. С. 48-57.
86. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград: Перемена, 2000. 224 с.
87. Добрыднева Е.А. Оценочность в значении фразеологических новообразований // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции / Московский государственный открытый педагогический университет. Т. I. М., 1996. С.131-132.
88. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 286 с.
89. Дубинина А.М. Русско-французский эпистолярный I половины XIX века: фразеология и иноязычные вкрапления: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2005. 18 с.
90. Дубинский И.В. К вопросу о значении фразеологических компонентов // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). Ч. I. Тезисы докладов и сообщений / Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Новгород, 1971. 378 с. С. 23-28.
91. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 400 с.
92. Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М.: Изд-во МГУ, 1953. 496 с.
93. Жарникова С.В. Образы водоплавающей птицы в русской народной традиции (истоки и генезис) // Культура Русского Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1994. С. 110-115.
94. Жуков В.П. Фразеология и слово: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1967. 54 с.

95. Жуков В.П. О семантической целостности фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). Ч. I. Тезисы докладов и сообщений / Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Новгород, 1971. С. 28-34.
96. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
97. Жуков В.П., Жуков А.В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. 277 с.
98. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
99. Жуков А.В. О двух аспектах семантического варьирования фразеологизмов // Фразеология: вчера, сегодня, завтра: Межвуз. сб. науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук, профессора В.Т. Бондаренко. Тула, 2011. 126 с. С. 10-15.
100. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира: Сб статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 39-54.
101. Захарова Н.Н. Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале произведений В.М. Шукшина): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 23 с.
102. Зимин В.И. Эмотивность идиом русского языка // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: Межвузов. Сб. науч. тр., посвященный 85-летию профессора А.Н. Кожина. М.: МГОУ, 2004. 486 с. С. 252-257.
103. Зимин В.И. Проблема верификации гипотез происхождения фразеологизмов // Фразеология: вчера, сегодня, завтра: Межвуз. Сб. науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук, профессора В.Т. Бондаренко. Тула, 2011. 126 с. С. 15-20.
104. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998. 610 с.

105. Казакова И.Б. Природа между временем и вечностью в творчестве Новалиса // Вопросы филологии. № 1 (34). 2010. С. 73-82.
106. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1976. 356 с.
107. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.
108. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
109. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М.: КомКнига, 2006. 168 с.
110. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М: Издательский центр «Азбуконик», 2009. 336 с.
111. Касаткина В.Н. Поэтическое мировоззрение Тютчева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1969. 257 с.
112. Клименко Т.И. Имя концепта «душа» и его отражение в словарях // Русское слово в языке и речи: Доклады общероссийской конференции / Под ред. докт. филол. наук, проф. А.Л. Голованевского. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 58-62.
113. Климович Н.В. Библизмы в художественном тексте: Дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 200 с.
114. Ключева И.О. Пространственно-временная семантика оригинальной и переводной поэзии Ф.И. Тютчева: Дисс. ... канд. филол. наук. Орёл, 2012. 224 с.
115. Кобелева И.А. Жук и жаба, брат и сват... (О местоименных фразеологизмах в говорах) // Русская речь. № 2. 2009. С. 86-89.
116. Ковшова М.Л. Символ в семантике фразеологизмов: опыт исследования // Вопросы филологии. № 2 (29). М., 2008. С. 19-29.

117. Ковшова М.Л. Концепт «Молчание» в «идиоматическом тексте»: к постановке вопроса // Фразеология: вчера, сегодня, завтра. Тула, 2011. 126 с. С.28-33.
118. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2. М.: УРСС, 2013. 456 с.
119. Кодухов В.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Проблемы фразеологизации и задачи ее изучения в высшей и средней школе: тез. докл. межвуз. конф. Вологда: Сев.-Зап. Книжн. изд-во, 1965. С. 16-18.
120. Кожин В.В. Тютчев // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 6. М.: Наука, 1989. С. 344–349.
121. Кожин В.В. Пророк в своем отечестве (Ф.И. Тютчев и история России XIX века). М.: Алгоритм; Соловьев, 2001. 416 с.
122. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. № 6. 2011. С. 54-66.
123. Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1968. 383 с.
124. Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка. Спб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. 356 с.
125. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
126. Козько Н.А. Паремии как проявление обыденного сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (14). 2012. С. 34-37.
127. Колесов В.В. История русского языка. СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 675 с.
128. Коложвари И.А. «Потенциальные» и «окказиональные слова» в составе фразеологизма и контекст // Фразеологизмы в системе языковых уровней: Межвузовский сб. науч. тр. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1986. С. 113-121.

129. Конкорданс полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева. А-Я / Сост.: канд. филол. наук, доц. Н.В. Атаманова, докт. филол. наук, проф. А.Л. Голованевский / Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора А.В. Антюхова. Брянск: Курсив, 2013. 396 с.

130. Константинова С.К. Синтагматика слов-репрезентантов концепта «душа» в лирике А.А. Фета // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3 (11). 2009. URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=11> (дата обращения 11.06.2012).

131. Копыленко М.М. Актуальные проблемы общей фразеологии // Зарубежное языкознание и литература. Вып. 2. Алма-Ата, 1972. С. 3–8.

132. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 192 с.

133. Королькова А.В. Концепты русской культуры и семантика русской афористики // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А.Н. Тихонова. Том I. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 464 с. С. 353-259.

134. Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: Дисс. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2005. URL: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-aforistika-v-kontekste-frazeologii> (дата обращения: 28.01.2014).

135. Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2003. 45 с.

136. Крапотина Т.Г. Семантико-прагматическая обусловленность фразеологических единиц // Современное русское языкознание и лингводидактика: Сб. науч. тр., посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского. Вып. 2. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 316 с. С. 59-64.

137. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. № 2 (35). 2010. С. 42–51.
138. Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремнологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 82-104.
139. Кузина Л.Н. Ф.И. Тютчев в жизни и творчестве: Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М.: ТИД «Русское слово – РС», 2001. 80 с.
140. Кунин А.В. Фразеологическая вариантность и структурная синонимия в современном английском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1967. С. 146-153.
141. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике: Уч. зап. ЛГУ. № 198. Серия филол. наук, вып. 24. Л., 1956. С. 200-224.
142. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи. Л.: Художественная литература, 1974. 285 с.
143. Ларошфуко Ф., Паскаль Б., Лабрюйер Ж. Максимы. Мысли. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. 544 с.
144. Лежнева О.В. Фразеология идиолекта (на примере творчества Энн Тайлер): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2013. 18 с.
145. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2000. 560 с.
146. Ломакина О.В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л.Н. Толстого) // Вопросы филологии. № 2 (38). 2011. С. 67-72.
147. Ломов А.Г. Фразеология в творческой лаборатории писателя (на материале драматических произведений А.Н. Островского): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Орел, 1998. 43 с.

148. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева / Под общ. ред. Ю.М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1990. С. 108-141.
149. Лотман Ю.М. Заметки по поэтике Тютчева // О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 553–564.
150. Мардиева Э.Р. Принципы составления словаря фразеологических антонимов русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 319 с.
151. Машина О.Ю. Оттеночность при лексико-фразеологической про- ницаемости // Русское слово в языке и речи: Доклады Общероссийской кон- ференции / Под ред. докт. филол. наук, проф. А.Л. Голованевского. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 148-152.
152. Медведева А.В. Кошка и собака в русских пословицах и фразеоло- гизмах // Русская речь. № 2. 2010. С. 107-110.
153. Мельчук И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. № 4. 1960. С. 73–80.
154. Милославский И.Г. Производное слово как фразеологическая единица // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I-VIII. М., 1978. С. 40-48.
155. Минакова М.А. Какое знание хранится в устойчивых единицах разных типов? // Проблемы ономазиологии и теории номинации. Сборник материалов международной научной конференции 11-13 октября 2007 г. В 2-х частях. Ч. II. Орел, ОГУ, 2007. С. 47-51.
156. Михальчук Н.Г. Фразеологические единицы как средство форми- рования идиостиля М.А. Булгакова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 34 с.
157. Мова і культура. (Науковий журнал). Вип. 15. Т. I (155). К.: Ви- давничий дім Дмитра Бураго, 2012. 432 с.
158. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М.: Просвещение, 1975. 174 с.

159. Мокиенко В.М. Фразообразование и семантика фразеологизмов // Словообразование и фразообразование: Тезисы докл. науч. конф. МИШШ им. М. Тореза. М., 1979. С. 149-151.
160. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.
161. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 160 с.
162. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта : Наука, 2009. 464 с.
163. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарная разработка русской фразеологии // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: Наука, 1988. С. 437-467.
164. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
165. Мордвилко А.П. Очерки по русской фразеологии (Именные и глагольные фразеологические обороты). М.: Просвещение, 1964. 132 с.
166. Нагуманова Э.Ф. Стихии воды и огня в творчестве Ф.И. Тютчева и татарских поэтов начала XX века // Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева: Литературоведение, лингвистика, методика: Материалы Юбилейной международной научно-практ. конф. Брянск: Изд-во БГУ, 2003. 302 с. С. 155-159.
167. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.07.2013).
168. Николаева Ю.В. Как рождается современная русская анти-пословица // Проблемы идиоэтнической фразеологии. Доклады междунар. семинара 4-5 ноября 2003 г. СПб., 2003. С. 66-74.
169. Новиков Л.А., Зубкова Л.Г., Иванов В.В. и др. Современный русский язык / Под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб.: Лань, 2003. 864 с.
170. Обдуллаева А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. Ургенч: Хорезмский университет, 1996. 122 с. С. 56.

171. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Вып. II (АН СССР, Ин-т языкознания) / Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. М., 1957. С. 38-40.
172. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
173. Павлова И.Б. «Русская лошадь знает кнут...» (Об одном «страдательном» образе у М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского) // Русская речь. № 3. 2011. С. 12-15.
174. Парыгин В.П., Алексеев В.П. Из противоречий сотканный талант: Кн. 2. Брянск: ТОО «Придесенье», 1993. 376 с.
175. Петров А.Н. Личность и судьба Федора Тютчева / Науч. ред. А. Тархов. М.: Культура, 1992. 334 с.
176. Пигарев К.В. Ф.И. Тютчев и его время. М.: Современник, 1978. 333 с.
177. Погорельцев В.Ф. 50 стихотворений Ф. Тютчева с комментариями: Хрестоматия для словесника. Брянск: Издательство БГПУ, 1995. 230 с.
178. Погорельцев В.Ф. Психология творчества Ф.И. Тютчева: Книга для учителя. Брянск: Курсив, 2009. 184 с.
179. Поколение будущего: Взгляд молодых ученых. Материалы 2-й Международной молодежной научной конференции 13-15 ноября 2013 года / Отв. Ред. А.А. Горохов Том 3. Юриспруденция. Лингвистика и филология. Международные отношения и внешнеэкономическая деятельность. Курск, 2013. 358 с.
180. Попов Р.Н. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. Вологда: Сев.-зап. кн. изд-во, 1967. 168 с.
181. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями слов. М.: Высшая школа, 1976. 200 с.
182. Попова А.Р. Фразеологические единицы с компонентом рука в повести И.А. Бунина «Деревня» // Известия Тульского государственного

университета. Серия «Язык и литература в мировом сообществе». Вып. 11. Актуальные вопросы теории и методики преподавания русского языка и литературы. Тула, 2006. С. 207-211.

183. Попова А.Р. Развитие соматизма рамо в русском языке // Севернорусские говоры: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А.С. Герд. Вып. 9. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 21-29.

184. Попова А.Р. Об одной из особенностей соматической фразеологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Научный журнал. № 6 (2). Нижний Новгород, 2009. С. 321-326.

185. Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013. 43 с.

186. Попова З.Д. Авторский фразеологический словарь как источник постановки проблем фразеологии // Современное русское языкознание и лингводидактика: Сб. науч. тр., посвященный 90-летию со дня рождения Н.М. Шанского. Вып. 3. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 393–398.

187. Потапушкин Н.А. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц русского языка // Актуальные проблемы лингвистической культурологии-2. М.: Прометей, 2004. С. 37-42.

188. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков: Мирный Труд, 1913. 225 с.

189. Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева: Литературоведение, лингвистика, методика: Материалы Юбилейной международной научно-практической конференции. Брянск: Изд-во БГУ, 2003. 302 с.

190. Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация: Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. СПб, 2000. 38 с.

191. Прядохин М.Г. Китайские недоговорки-иносказания. М.: ГРВЛ Наука, 1977. 148 с.

192. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах (1803–1928) / Под ред. Е.П. Казанович. Л.: Прибой, 1928. 312 с. С. 9-57.
193. Райнов Т.И. Духовный путь Тютчева. Пг.: Колос, 1923. 85 с.
194. Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2012. 608 с.
195. Родионова Н.М. Языковые свойства фразеологизмов качественно-обстоятельственного класса со значением времени: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 26 с.
196. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Самарканд: Изд-во СамГУ, 1977. 121 с.
197. Ройзензон Л.И., Бушуй А.М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. Вып. 2. Самарканд, 1970. 290 с.
198. Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. Брянск: РИО БГУ, 2013. 422 с.
199. Руднев А.П. О понятии «камерная фразеология» (на материале фразеологии семьи Л.Н. Толстого) // Проблемы русской фразеологии: Республ. сборник. Тула, 1979. С. 75-82.
200. Русская авторская лексикография XIX-XX веков: антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник : Ин-т рус. яз., 2003. 512 с.
201. Русское слово в языке и речи: Доклады Общероссийской конференции / Под ред. А.Л. Голованевского. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. 428 с.
202. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джурицкий. М.: Педагогика, 1981. 656 с.
203. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспект. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.

204. Самочатова О.Я. Трагическая исповедь поэта // В Россию можно только верить... Ф.И. Тютчев и его время: Сб. ст. Тула: Приок. кн. изд-во, 1981. С. 63-78.
205. Седова Д.Д. Стилиевые доминанты в поэзии Ф.И. Тютчева (в контексте культурно-языковой ситуации первой половины XIX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
206. Седых А.П., Курган Е.И. Языковая личность музыканта как фразеологическая проекция // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3(14). 2012. С. 87-91.
207. Селеменова О.А. Реализация концепта «Состояние природы» средствами синтаксиса русского языка // Филологические науки. № 2. 2011. С. 47-56.
208. Сергеев В.Н. Универсальная прагматическая информация при описании фразеологизмов в толковом словаре // Лингвистическая прагматика в словаре / Виды реализации и способы описания: Сб. ст.. СПб., 1997. С. 47-53.
209. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
210. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1982. 108 с.
211. Склярская Г.Н. Прагматика и лексикография // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995. С. 63-71.
212. Сомов В.П. Поэтические иносказания Пушкина. М.: АОЗТ «Паритет», 1999. 384 с.
213. Тагиев М.Т. К проблеме разграничения типов значений лексических и фразеологических единиц // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 201-210.
214. Тагиев М.Т. Окружение фразеологизма и слова // Вопросы фразеологии. 3. Вып. 178. Самарканд, 1970. С. 201-212.

215. Татар Б. Фразеология современного русского языка. Будапешт: Изд-во Танкёньвкиадо, 1992. 371 с.
216. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: Материалы XXXIII Междунар. Толстовских чтений / Толстовский сборник – 2012. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им Л.Н. Толстого, 2012. 390 с.
217. Текст. Язык. Человек: Сб. науч. тр.. В 2 ч. Ч. 2. Мозырь, 2013. 264 с.
218. Телия В.Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 85 с.
219. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеогрфия в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 32-33.
220. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
221. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
222. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира: Поэзия Ф.И. Тютчева: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 232 с.
223. Толстая С.М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. 336 С. С. 9-16.
224. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
225. Толстой С.Л. Л.Н. Толстой о поэзии Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев и Л.Н. Толстой. Два гения / Сост.: Чагин Г.В., Ремизов В.Б., Козьмина М.А. М.: ООО «ГИД «Русское слово – РС», 2006. 304 с. С. 140-145.
226. Топоров В.Н. Заметки о поэзии Тютчева (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) // Тютчевский сборник: Статьи

о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева / Под общ. ред. Ю.М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1990. С. 32-107.

227. Топорова Т.В. Эпическое слово: обозначение земли в русских былинах // Вопросы филологии. № 2 (38). 2011. С. 52-55.

228. Торопцев И.С. К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т.160. Вып. 11. 1966. С. 8-25.

229. Третьякова И.Ю. Преобразовательный потенциал фразеологических единиц // Семантика языковых единиц: Доклады V Междунар. конф. Московский государственный открытый педагогический университет. Т. I. М., 1996. С. 159-161.

230. Тризна Л.В. Человек, как птица, и птица, как человек // Русская речь. № 1. 2010. С. 58-60.

231. Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. 319 с. С. 200–214.

232. Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Материалы международной научной заочной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата / Под ред. А.В. Антюхова. Брянск: Курсив, 2013. 376 с.

233. Тютчевіана: епіграмми, афоризми и остроти Ф.И. Тютчева / Предисловие Георгія Чулкова. М.: Костры, 1922. 55 с.

234. Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева / Под общ. ред. Ю.М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1990. 320 с.

235. Федоркина Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е.И. Носова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 19 с.

236. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1973. 172 с.

237. Федоров А.И. Образная речь. Новосибирск: Наука, 1985. 120 с.

238. Федуленкова Т.Н. Фразеология и типология: к типологической релевантности фразеологии // Филологические науки. № 1. 2005. С. 74-80.
239. Феоктистова А.Б. Культурно значимая роль внутренней формы идиом с позиций когнитологии // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 174-179.
240. Фразеология: вчера, сегодня, завтра: Межвуз. сб. науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук, профессора В.Т. Бондаренко. Тула, 2011. 126 с.
241. Харченко В.К. Как заниматься наукой. Белгород: БГПУ, 2006. 208 с.
242. Чагин Г.В., Ремизов В.Б., Козьмина М.А. Ф.И. Тютчев и Л.Н. Толстой. Два гения. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. 304 с.
243. Чагин Г.В., Чагина Т.Г. Что сказал Тютчев. Эпиграммы, афоризмы, остроты Ф.И. Тютчева. М.: Русское слово, 2011. 264 с.
244. Чагин Г.В. «О ты, последняя любовь...». Женщины в жизни и поэзии Ф.И. Тютчева. СПб.: Лениздат, 1996. 192 с.
245. Чепуренко А.А. Принципы квалификации фразеологизмов (на материале русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2003. 27 с.
246. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 199 с.
247. Чернышева М.И. Солнечная птица: Павлин, Феникс (Финист), петух // Вопросы филологии. № 2 (38). 2011. С. 55-61.
248. Чичерин А.В. Образ времени в поэзии Тютчева // Ритм образа. Стилистические проблемы. М.: Советский писатель, 1980. 396 с. С. 161–169.
249. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1969. 195 с.
250. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 327 с.

251. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1987. 192 с.
252. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. № 1. 1999. С. 3-16.
253. Шестакова Л.Л. Слово-образ душа в поэзии Евгения Баратынского // Русский язык в школе. № 4. 1999. С. 52-59.
254. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография. Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
255. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 53 с.
256. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М.: Наука, 1971. 224 с.
257. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум / Под ред. Н.С. Кардашева и В.И. Мороза. М.: Наука, 1987. 320 с.
258. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
259. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
260. Щерба Л.В. Опыт общей теории и лексикологии // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265-304.
261. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Ф.И. Тютчев и Л.Н. Толстой. Два гения. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. С. 177-182.
262. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: ФАН, 1988. 92 с.
263. Югай Е.Ф. «Гуси серые» (Образы птиц и ветра в причитаниях на Вологодчине) // Русская речь. № 3. 2009. С. 110-114.

264. Язык и общество. URL: <http://article.ranez.ru/id/410/> (дата обращения: 18.01.2014).

265. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: ГНОЗН, 1994. 343 с.

266. Dudek G. Der philosophische und künstlerische Gehalt der Gleichnisformen in F.I. Tjutschews Poesie // «Zeitschrift für Slawistik». Berlin. 1958. Band III. S. 494-519.

267. Fiedler F. Aus der Literaturenwelt: Charakterzüge und Urteile; Tagebuch (Из литературного мира: вереница характеров и мнений. Дневник) / Herausgegeben von Konstantin Asadovski. Göttingen. 1996. 295.

268. Jakobsohn S. Tjutschew-Beiträge. 1. Der erste Brief Tjutschews an Dr. Kolb, den Redakteur der Augsburger «Allgemeinen Zeitung» / «Zeitschrift für slavische Philologie» Nr. 6 (1929). S. 410-416.

269. Lettenbauer W. Der russischer Dichter Fjodor Tjutschew und München // In «Monachium. Beiträge zur Kirchen- und Kulturgeschichte Münchens und Südbayerns» München. 1958. S. 199-211. Сборник посвящён 800-летию Мюнхена.

270. Rothe Hans. „Nicht was ihr meint, ist die Natur...“: Tjutschew und das «Junge Deutschland» // «Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa» («Исследование литературы и просвещения в восточной Европе»). Gissen. 1978. S. 319-335.

2. Словари и энциклопедические издания

Ашукин 1955 – Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Художественная литература, 1955. 668 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л.: Изд.: АН СССР, 1948-1965.

БКА – Большая книга афоризмов / Составитель Душенко К.В. М.: ЭКСМО – ПРЕСС, 2001. 1056 с.

Бобунова, Хроленко 2005 – Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря. Курск: Изд-во Курск. ун-та, 2005. 197 с.

БСКСРЯ – Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.

БЭС 2000 – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

Готовский 1989 – Готовский А.Б. Над кем смеетесь?.. : Сборник афоризмов. М.: Художественная литература, 1989. 110 с.

Жадан 1990 – Жадан А.А. Жемчужина мысли: Сборник. К.: Выща школа, 1990. 358 с.

Караулов 1997 – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Караулов Ю.Н. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.

Кондрашов, Комарова 2005 – Кондрашов А.П., Комарова И.И. Большая книга афоризмов: Сборник. М.: РИПОЛ классик, 2005. 1215 с.

Король 1991 – Король М.В. Витражи мудрости: афоризмы, крылатые слова, изречения. Минск: Полымя, 1991. 413 с.

Королькова 2008 – Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей. М.: Дрофа: Русский язык Медиа, 2008. 627 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.

Мелерович, Мокиенко 2005 – Мелерович А.М. Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М.: Русские словари, 2005. 864 с.

Мокиенко, Сидоренко 1999 – Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. 752 с.

Мокиенко, Сидоренко 2013 – Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: Словарь-справочник. СПб.: Свое издательство, 2013. 682 с.

МТ – Мудрость тысячелетий. Энциклопедия / Автор-составитель В. Балязин. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 608 с.

Ничипорович 1998 – Ничипорович Т.Г. Афоризмы. Минск: Литература, 1998. 832 с.

Носков 1990 – Носков В.Г. Переключка веков. Размышления, суждения, высказывания. М.: Мысль, 1990. 443 с.

Павлов 1995 – Павлов В.П. Справочник афоризмов и изречений для школьников. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.

Павлович 2009 – Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков. В 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 848 с.

ПСТ – Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.

РФИЭС – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Сост.: А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. 926 с.

Словарь Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М.: Русский язык, 1978–1980.

СЛТ – Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

СНЛ – Алешина Л.В. Словарь новообразований Н.С. Лескова. Орел: ОГУ. Вып. I: А – Б. 2002. 55 с.; Вып. II: В – Г. 2004. 68 с.; Вып. III: Д – Л. 2006. 69 с.

СОШ – Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

СТСРИ – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2007. 1135 с.

СУСРЯ – Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / Сост. В.М. Огольцев. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2001. 800 с.

СФОСРЯ – Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / Под ред. Н.А. Павловой. Омск: Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. 290 с.

СФСРЯ 1987 – Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. 440 с.

СФСРЯ 1996 – Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 352 с.

СЯД – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I. / Гл. ред. член-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.

СЯП – Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956-1961.

Тихонов 2003 – Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Ломова Л.А. Фразеологический словарь русского языка. М.: Высшая школа, 2003. 336 с.

ТСРЯ – Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 2000. 560 с.

УФСРЯ – Универсальный фразеологический словарь русского языка. М.: Вече, 2000. 464 с.

Фелицына, Прохоров 1979 – Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1979. 240 с.

ФОСРЯ – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с.

ФРР – Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2007. 272 с.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: более 12 000 фразеологических единиц. В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. М.: Цитадель, 1997.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.

Шанский 1975 – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975. 543 с.

Шевченко 2011 – Шевченко Н.М. Фразеологический словарь М. Цветаевой. Бишкек: Изд-во «Эстет», 2011. 283 с.

ЭМ – Энциклопедия мысли. Сборник мыслей, изречений, афоризмов, максимов, парадоксов, эпиграмм. Симферополь: Таврида, 1996. 688 с.

3. Источники

Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. М.: Сов. Россия: Современник, 1990. 480 с.

Журнал «Звезда». URL: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1447> (дата обращения 17.10.2013).

Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 480 с.

Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М.: Дрофа, 2007. 318 с.

Святое Евангелие. СПб.: Синодальная типография, 1914: [Репринтное издание]. М.: Советский писатель, 1990. 473 с.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах (ПССП) / Сост. В.Н. Касаткина. М.: Классика, 2002-2004.

Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Гл. редактор Ю.В. Андреев. Л.: Советский писатель, 1987. 448 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА²

(классификация на базе «Тематического словаря русского языка»
под ред. проф. В.В. Морковкина)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК»

Тело и организм человека как денотативные компоненты поэтической фразеологической системы

1. **Без ума (быть, от кого-либо).** Быть в восторге, восхищении. *Тут места нет раздумью, ни рассудку, И даже мудрость без ума от вас...* <274> (С. 854).
2. **Бить челом.** Заниматься попрошайничеством, отвешивая при этом поклоны. *Бери суму, да бей челом* <115> (<Из Беранже>) (С. 892).
3. **Биться в груди.** Жить. *Другая мысль, другая вера У русских билася в груди!* <96> (С. 37).
4. **Брат по крови.** Близкий родственник. *Насилу добрый гений твой Мой брат по крови и по лени, Увел тебя под кров родной От всех маневров и учений...* <16> (С. 311).
5. **В крови до пят.** Тяжело израненный. **До пят.** Целиком, полностью. *...В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, Воскресшими для новых похорон* <252> (С. 311).
6. **В моих глазах.** *В ее глазах.* Для меня, для нее. *...Куда как чужд ты стал в моих глазах...* <150> (С. 150).
7. **В ногах. У ног.** Внизу. *У ног моих лежит прекрасный мир И, вечно вечеряющий, смеется...* *...В ногах равнина вод, и небо над главою* <88> (С. 439).
8. **В слезах.** В избытке чувств, переживаний. Любовь осталась за тобой **в слезах**, с отчаяньем в груди <116>. *...Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц* <134>. *То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодую, ...Я стражду, не живу* <184> (С. 716).
9. **Верить глазам.** Доверять тому, что видишь. *И верить ли глазам своим?* <299> (С. 150).
10. **Вседвижущий перст.** Знак, поданный богом. *Как миры катятся следом За вседвижущим перстом...* <17> (С. 513).

² Фразеологизмы приводятся с дефинициями, иллюстрациями и страницами по ПСТ (Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009)

11. **Вытекать кровью.** Испытывать сильные мучения, умирать. Исходить с большими мучениями. *Но песнь его нигде не умолкала, – Хоть из груди, истерзанной страстями, Она нередко кровью вытекала...* <66> (С. 311).
12. **Глас вопиющего в пустыне.** О безответном призыве. *...Все безответен и поныне Глас вопиющего в пустыне...* <272> (С. 151).
13. **Глядеть сквозь слезы. Расточать слезы. Смочить слезами скорби. Обливаться слезами. Есть со слезами. Лить слезы.** Горевать, плакать. *Кто с хлебом слез своих не ел, Кто в жизни целыми ночами На ложе, плача, не сидел, Тот незнаком с небесными властями* <62>. *Сижу задумчив и один, На потухающий камин Сквозь слез гляжу* <111>. *...И тут же нам сквозь слез понятно стало, Что чья душа так царственно светла...* <239>. *И обливаясь теплыми слезами, Я новый мир себе творил* <87>. *Благоухающие слезы не о былом Аврора льет...* <132>. *И сидели в длинном строе – ...Жены, девы падшей Трои, голося и слезы лья...* <179> (С. 716).
14. **Дать (подать) руку (руки (друг другу), длани).** Стать друзьями, подружиться. Протягивать кому-либо руки для поддержки, опоры. *«Сестра, дай руку мне – и горе Твоя мне дружба облегчит»* <223>. *...Он, вежды приподняв, Мне подал руку:..* <67>. *Един с Британских вод, другой с Альпийских гор друг-другу подают животворящи длани* <6> (С. 177, 654).
15. **Даться кровью.** Погибнуть. *Счастлив в наш век, кому победа Далась не кровью, а умом...* <339> (С. 311).
16. **Зажать (зажимать) рот.** Заставить замолчать, запретить говорить. Лишать возможности свободно выражать свои мнения. *...С какой отвагой благородной Громите речью вы свободной Всех тех, кому зажали рот!* <314>. *Князья куют ей цепь и зажимают рот...* <77> (С. 652).
17. **Играет (заструится) кровь.** Об избытке сил, энергии. *...Блестит лазурь, играет кровь* <123>. *...Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь, И верит сердце в правду и любовь* <376> (С. 311).
18. **Иссохшее сердце.** О человеке, лишенном всех радостей жизни. *Но восхищенью В иссохшем сердце места нет!* <10> (С. 696).
19. **Исходить кровью.** Умирать медленной смертью. *...Там, в ночи, из свежих ран Кровью медленно исходят Миллионы христиан* <327> (С. 311).
20. **Кипит кровь.** О сильных страстях. Находиться в состоянии сильной любви. *И кто в избытке ощущений, Когда кипит и стынет кровь, Не ведал ваших ощущений – Самоубийство и любовь!* <182> (С. 311).
21. **Купаться в крови.** Приносить кому-либо бесчисленные жертвы, страшные мучения. *...И папская тиара В последний раз купается в крови* <305> (С. 311).
22. **Лить (льются) слезы.** Плакать. Страдать, печалиться. *Благоухающие слезы Не о былом Аврора льет...* <132>. *Слезы людские, о слезы людские, Льетесь вы ранней и поздней порой... Льетесь, как льются струи дождевые В осень глухую порою ночной* <153> (С. 716).

23. **Лить кровь; лется кровь.** Гибнуть, погибать. *Не за коран самодержавья Кровь русская лилась рекой! <96>. Кровь не раз лилась рекою, Меч терзал родную грудь <138> (С. 311).*
24. **Лицом к лицу.** Очень близко. *Давно ль, давно ль, о Юг блаженный, Я зрел тебя лицом к лицу... <59>. ...Стоит теперь и немощен и гол, Лицом к лицу пред пропастию темной <166> (С. 333).*
25. **Мозг в кости.** Костный мозг. Мягкая ткань, заполняющая полости костей у человека. *«...Кулак был из свинца, И богатырский мозг в кости, И кубок до конца!» <58> (С. 369).*
26. **На колена! Пасть на колени. Клонить колени.** Преклоняться перед кем-, чем-либо. *Други, братья, – на колена! <17>. ...И пасть готов был на колени... <230>. Невольно клонишь ты колени Пред колыбелью дорогой <190> (С. 299).*
27. **На тонком волоске висеть.** Находиться в постоянной опасности. *Там вечно будешь зреть секиру изощренну, На тонком волоске висящу над главой... <1> (С. 119).*
28. **Не дать принизиться челу.** Не унижаться, оставаться гордой. *...Личиною чела не прикрывает, И не дает принизиться челу... <318> (С. 586).*
29. **Несдобровать под их рукой.** Находиться в ожидании беды, несчастья. Ожидать от кого-либо опасности, больших неприятностей. *И нет для бедной птички проку В свойстве с людьми, с семьей людской... Чем ближе к ним, тем ближе к Року – Несдобровать под их рукой... <198> (С. 654).*
30. **Ни следу.** Ничего. *...Она ни следу не находит Отцветших весен бытия <132> (С. 715).*
31. **Носить в сердце.** Пожизненно сохранять о ком-то высокую память. *Два образа, заветные, родные, Что как святыню в сердце он носил, Предстали перед ним – царь и Россия... <256> (С. 696).*
32. **Опустя руки.** Совмещенные фразеологическое и свободное значения. Не зная, что предпринять, не имея возможности что-либо сделать. *Пред стихийной вражьей силой Молча, руки опустя, Человек стоит уныло – Беспомощное дитя <308> (С. 654).*
33. **Отворить очи.** Проснуться. *Рассветает над Варшавой, Киев очи отворил... <138> (С. 490).*
34. **Пасть от руки.** Погибнуть. *Не врага руки победной – От руки ты пал своей <179>. Питомец твой неосторожный Погибнет от руки твоей <198> (С. 654).*
35. **Под рукой.** Находиться в чьей-либо власти. *Две силы есть – две роковые силы, Всю жизнь у них мы под рукой. От колыбельных дней и до могилы – Одна есть Смерть, другая – Суд людской <318> (С. 654).*
36. **Под стопой.** Под чьим-либо владычеством. *И весь багрянородный сонм – под их стопой! <77> (С. 764).*
37. **Подать друг другу руки.** Объединиться, действовать вместе. *Не пора ль очнуться нам И подать друг другу руки, Нашим кровным и друзьям? <138> (С. 654).*

38. **Пожать плечами.** Остаться равнодушным, не обращать внимания. *Те, уходя, пожмут плечами, Те бросят гривну бедняку!* <115> (С. 534-535).
39. **Послать руку друга.** Оказать дружескую помощь. *Счастлив, кому в такие дни Пошлет всемилосердый бог Неоценимый лучший дар – Сочувственную руку друга...* <376> (С. 654-655).
40. **Правда сердца.** Личное представление о правильном, справедливом. *...И ты в отчаянной борьбе Ни разу, друг, не изменила Ни правде сердца, ни себе* <247> (С. 696).
41. **Признательная слеза.** Светлая память о ком-либо. *И там, где кровь так безотрадно льется, Почтут его признательной слезой* <311> (С. 716).
42. **Припасть головой.** Прилечь. *Потом головой припал он к изголовью...* <256> (С. 587).
43. **Присмиреть у ног.** Стать покорным. *И даже он – ваш дядя достославный, – Хоть всю Европу переспорить мог, Но уступил и он в борьбе неравной и присмирел у ваших ног* <274> (С. 439).
44. **Приставить нос.** Обмануть, одурачить. *Австрийский царь привык забавить С собой и другие и враги – Неаполь нос ему приставит, а русский царь – роги* <378> (С. 440).
45. **Приставить рога.** Заводить интимные отношения с чужой женой. В эпиграмме – намек на склонность русского царя Александра I к любовным приключениям и на легкомысленное поведение австрийской императрицы [Примечание, С. 422]. *Австрийский царь привык забавить С собой и другие и враги – Неаполь нос ему приставит, А русский царь – роги* <378> (С. 644).
46. **Пролитая кровь, пролитые слезы.** Безвинные жертвы, горе. *Довольно крови, слез пролитых... <48>. Вражду твою пусть Тот рассудит, Кто слышит пролитую кровь <127>. Молись ему, чтобы твои седины Не осквернились в пролитой крови <305>* (С. 598).
47. **Проникнуть, как в сердце друга.** Глубоко и всесторонне познать что-либо. *Державный дух! ...Дал всю природу во владенье мне И вразумил ее любить. Ты дал мне не гостем праздно-изумленным быть На пируестве у ней, но допустил Во глубину груди ее проникнуть, как в сердце друга!* <89> (С. 695-696).
48. **Пропасть из глаз.** Исчезнуть. *На дно пал кубок морское Он пал, пропал из глаз...* <61> (С. 599).
49. **Растерзать сердце.** Лишить жизни, убить. *Из чьей руки свинец смертельный Поэту сердце растерзал?* <127> (С. 696).
50. **Рука забвенья.** Совмещ.: 1) время; 2) корректорское вмешательство. *В наш век стихи живут два-три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут... О чем же хлопотать? Рука забвенья Как раз свершит свой корректурный труд* <310> (С. 655).
51. **Рука судьбины.** Судьба, рок. *Как ни гнет рука судьбины, Как ни томит людей обман,И сердце как ни полно ран, ...Что устоит перед дыханьем И первой встречу весны!* <132> (С. 655).

52. **С лица земли (земного).** Исчезнуть. С земли как планеты. *Предшественник его с лица земли сокрылся... <1>. ...И что крылаты годы С печального лица земли В хранилище времен с собою увлекли... <4>. Хотя б она сошла с лица земного... <295>* (С. 250-251).
53. **С штуцером в руках.** На защите чего-либо. *...У мысли стоя на часах, Не очень были мы задорны, Хотя и с штуцером в руках <337>* (С. 655).
54. **Сбиться с ног.** Сильно устать, измотаться. *Метаться в поисках достижения какой-либо цели. А нынче мир весь как распался: Все кверху дном, все сбились с ног... <32>* (С. 439).
55. **Своевольною рукой.** Делать что-либо произвольно, без объяснений. *Счастье жеребихи сеет Своевольною рукой <179>* (с. 724).
56. **Своей рукой.** Сам лично. *И ты еще дерзнул своей рукою жадной Отъять насущный хлеб у вдов и у сирот... <1>* (С. 655).
57. **Сгибать выю.** Унижаться. **Не сгибая выи.** Не унижаясь. *Умевший не сгибая выи Пред обаянием венца, Царю быть другом до конца И верноподданным России <293>* (С. 144).
58. **Сердце жалить.** Проникая быстро внутрь человека, доставлять тем самым боль, страдания. *Он не змиею сердце жалит, но как пчела его сосет <136>* (С. 695).
59. **Сердце истомилось. Сердце ноет. Сердце изнывает. Сердце гложет.** Испытывать тяжелые, неприятные физические ощущения всем своим существом. *В часы, когда бывает Так тяжко на груди, И сердце изнывает, и тьма лишь впереди... <229>. Но старые, гнилые раны, Рубцы насилий и обид, Растление души и пустота, Что гложет ум и в сердце ноет – Кто их излечит, кто прикроет? <225>. ...Мысль неотступная невольно сердце гложет... <283>* (С. 694).
60. **Сказать в лицо.** Заявить открыто, публично, всем. *...Что вся славянская семья В лицо и недругу и другу Впервые скажет: «Это я!» <300>* (С. 333).
61. **Склонив главу.** Слегка опустив голову вниз. *Перед кумирами земными Проходит он, главу склонив... <137>* (С. 705).
62. **Скудеет кровь.** Стариться, утрачивать сильные чувства. *Пускай скудеет в жилах кровь... <204>* (С. 311).
63. **Сложивши руки крестом.** Принять подобное положение. *Потупив молнии очей, Крестом сложивши руки, Стоял он... <68>* (С. 721).
64. **Служить кровью.** Не жалеть своей жизни. *...Служил земле своей родной – Служил ей мыслию и кровью <220>* (С. 311).
65. **Смыкать уста.** Заставлять замолчать. *...Пошады нет, протесты нетерпимы, Их приговор смыкает всем уста <318>* (С. 862).
66. **Собственной кровью.** Ценой своей жизни. *И светел он, что собственною кровью Христову кровь он отстоял для них <333>* (С. 733).
67. **Совлечь с плеч.** Сбросить что-либо, освободиться от чего-либо. *Недаром ветхие одежды ты бодро с плеч своих совлек <140>* (С. 522).

68. **Сомкнуть вежды.** Закончить жизнь, умереть. ...*Где в сумраке болезненной надежды Сомкнула смерть его земные вежды!* <66> (С. 742).
69. **Сорваться с уст.** Внезапно, неожиданно для себя и других произнести какое-либо слово (слова), фразы. *Но если вдруг живое слово С их уст, сорвавшись, упадет, ...О, как в нем сердце пламенеет!* <137> (С. 862).
70. **Сосать кровь из жилы.** Лишать сил. *Как бы кругом воздушный слой, редая, Земную кровь сосал из нашей жилы...* <66> (С. 746).
71. **Стынет кровь.** Замирать. *И кто в избытке ощущений, Когда кипит и стынет кровь, Не ведал ваших искушений – Самоубийство и Любовь!* <182> (С. 311).
72. **Теплая рука.** О человеке душевном, сердечном, несущем с собой спокойствие, удовлетворение. *Счастлив, кому в такие дни Пошлет всемилосердый бог Неоценимый, лучший дар – Сочувственную руку друга, Кого живая, теплая рука Коснется нас, хотя слегка...* <376> (С. 804).
73. **Тундра крови.** Место на земле, пропитанное кровью погибших в сражениях. *Сия земля, клейменная судьбою, Под чуткою стопою Дрожит еще невольно и поныне, как тундра крови – Здесь в мученьях страшных Притоптаны ряды сердец отважных, И слоем лег их пепел по равнине...* <66> (С. 829).
74. **Умыть руки.** Устраниться от решения каких-либо дел, не брать на себя ответственность за что-либо. *О Русь, ужель не слышишь эти звуки И, как Пилат, свои умоешь руки?* <384> (С. 857).
75. **Хохотать в глаза.** Открыто, без смущения. ...*Та ей в глаза хохочет И пуще лишь шумит* <118> (С. 150).
76. **Царь сердец.** Александр I, в царствование которого была одержана победа в освободительной войне 1812 г. *И музы радостно воспели Тебя, о царь сердец, на троне Человек!* <6> (С. 696).
77. **Чистая рука.** О ком-либо лишённом злых умыслов, глубоко порядочном, честном. *Твоей святыни не нарушит Поэта чистая рука...* <136> (С. 655).
78. **Юдоль слез.** Тяжелая, безотрадная жизнь. *Привет тебе от тени той, Обоим нам и милой и святой, Которая... Ушла стремглав из сей юдоли слез, Где ей, увы, ничто не удалось* <364> (С. 716).

Эмоциональный мир человека

79. **Без души.** Бездуховный, безнравственный. *О, этот век, воспитанный в крамолах, Век без души, с озлобленным умом...* <295> (С. 209).
80. **Быть душой.** Быть в центре всех событий, выступать нравственным авторитетом какого-либо коллектива. *Из той среды, далеко не чужой, Которой ты была любовью и душой...* <364> (С. 209).
81. **В глубь души.** Проникновение внутрь всего существа. *Сумрак тихий, сумрак сонный, Лейся в глубь моей души...* <109> (С. 153).

82. **В душевной глубине.** О скрытых, внешне не проявляющихся чувствах. ...*И горесть вечная в душевной глубине!* <10>. ...*В душевной глубине Твой взор живет...* <23>. *Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои – Пускай в душевной глубине Встанут и заходят оне...* <73>. *Святых колоколов я слушал содроганье В моей душевной глубине...* <87>. *В ее душевной глубине Ей оставались воспомина- нья* <187> (С. 209).
83. **Вливать душу.** Наделить душой что-либо. *Ту жизнь до дна он иссушил, Что в дерево вливала душу...* <12> (С. 108).
84. **Всею душой.** Искренне, всем существом. ...*И всею душой, как к изголовью, К ней припади и отдохни* <247> (С. 209).
85. **Вынести душу.** Сохранить в себе все лучшее. ...*И в этом роковом бою Из испытаний самых строгих Всю душу вынесла свою* <247> (С. 209).
86. **Греть душу.** Успокаивать, вдохновлять. *Что греет душу и живет, Как нектар всемогущий...* <28> (С. 164).
87. **Дух вольности.** *Но ты расторг союз сего творенья, Дух вольности, бес- смертная стихия!* <66> (С. 120).
88. **Дух жизни.** Жизненная сила. ...*Уступил свои права Духу жизни и свободы, Вдохновениям любви* <291> (С. 227).
89. **Дух нечистый. Злосчастный дух.** Исполненный грехов. Многогрешный при жизни. *Ей-ей готов божиться, Что дух нечистый твой давно в аду томится!* <9> (С. 206).
90. **Дух свободы.** Независимость, самостоятельность мыслей. *Дух силы, жизни и свободы Возносит, обвеваает нас!* <11>. *Словно строгий чин природы Уступил права свои Духу жизни и свободы...* <291> (С. 678).
91. **Дух силы.** *Дух силы, жизни и свободы Возносит, обвеваает нас!* <11> (С. 699).
92. **Дух упал.** Потерять веру. Утратить силу воли, возможность сопротивляться тяжелым жизненным обстоятельствам. *О, под толиким бременем В нем сердце истомилось и дух упал* <68> (С. 206).
93. **Душ светило.** Радость. *Жизнь миров и душ светило!* (С. 672).
94. **Душа ноет; сердце ноет.** Испытывать грусть, тоску, непонятную боль. *Пус- кай от зависти сердца зоилов ноют* <3>. *Дыханье замирало, сердце ныло...* <66>. *Что гложет ум и в сердце ноет, – Кто их излечит, кто прикроет?* <225>. *Нет дня, чтобы душа не ныла, Не изнывала б о былом...* <280> (С. 443).
95. **Душа с душой.** Человек с человеком. *Породнись душа с душой!* <17> *Лю- бовь, любовь, – гласит преданье, Союз души с душой родной...* <181> (С. 209).
96. **Душу положить (за други).** Пожертвовать всем ради друга. Отдать все, что можно за кого-либо. *Лишь тем доступна благодать... Кто душу положил за дру- ги И до конца все претерпел* <338> (С. 209).
97. **Наводить на душу.** Мысленно воспринимать увиденное, реагировать на не- го. *Бесцветный грунт небес, песчаная земля – Все на душу раздумье наводило* <78> (С. 209).

98. **Небесный дух.** Пртп. нечистому, злосчастному духу. *Небесный дух сей край чудес обходит...* <66> (С. 206).
99. **От души.** Всем существом, от полноты всех чувств. ...*Предстали перед ним – царь и Россия, И от души он их благословил* <256>. ...*Мы всех возможных благ желаем И от души их поздравляем* <354> (С. 209).
100. **Оторвать душу.** Не отдаваться чему-либо полностью, целиком. *От их волшебной, страстной ночи Я душу оторвать не мог* <183> (С. 495).
101. **Потряс душу.** Произвести сильное впечатление. *Как безумья смех ужасный, Он всю душу мне потряс!* <107> (С. 559).
102. **Припасть душой.** Полностью отдаться чему-либо. ...*О книге сей ты вспомяни – И всей душой, как к изголовью, К ней припади и отдохни* <247> (С. 587).
103. **Русские души.** Русские люди. *И пусть в отъезда час со всех сторон, ...Мольбы, благие пожеланья За вами понесутся вслед Всех русских душ Торжественный привет* <369> (С. 656).
104. **Русский дух.** Русские интересы. Роль, значение России в мире. *Он первый угадал, в чем дело, И им впервые русский дух Союзной силой признан смело, – И вот венец его заслуг!* <303> (С. 206).
105. **Святылище души.** Внутренний мир человека, охраняемый от посторонних. *Толпа вошла, толпа вломилась в святылище души твоей...* <186> (С. 685).
106. **Сила духа. Сила воли.** *Все отнял у меня казнящий бог: Здоровье, силу воли, воздух, сон...* <351>. *Злосчастные бойцы, все силы духа, всю сердца кровь В бою мы истожили...* <69> (С. 698).
107. **Тревожный дух.** Человек, не знавший покоя. *Тревожный дух, почил ты наконец* <164> (С. 206).

Речемыслительная деятельность человека

108. **В полном смысле слова.** В основном, главном значении какого-либо слова. ...*Забудь химеры и чины, Женись и в полном смысле слова Будь адъютант своей жены* <16> (С. 544).
109. **Верить слову.** Верить обещанному, сказанному. ...*Верь слову русского народа...* <96> (С. 719).
110. **Вести беседу.** Общаться. *Одни зарницы огневые... Ведут беседу меж собой* <279> (С. 91).
111. **Гласить много славы.** *Много славы, много горя Эта нить порой гласит* <214> (С. 711).
112. **Говорить стихами.** Произносить речь, используя стихотворные строки. *Прими ж мой дружеский совет (Оракул говорил стихами И убеждал, бывало, свет):..* <16> (С. 761).
113. **Давать клятвы.** Клясться. *Здесь клятвы он дает священны...* <6> (С. 296).

114. **Дать слово.** Пообещать кому что-либо. Поклясться. ...*Во имя вашего отца Дадим же мы друг другу слово: Не изменяться до конца* <282> (С. 719).
115. **Евангельское слово.** Фраза из Евангелия. ...*Учило нынче нас евангельское слово В своей священной простоте...* <319> (С. 719-720).
116. **Живое слово.** Произнесенное слово или фраза, отличающаяся глубиной содержания и своей формой. *Но если вдруг живое слово С их уст, сорвавшись, упадет... О, как в нем сердце пламенеет!* <137> (С. 720).
117. **Заветное слово.** Слово или фраза, хранящаяся в памяти народа. *Скажи заветное он слово – И миром новым естество Всегда откликнуться готово На голос родственный его* <142> (С. 720).
118. **Клать слово.** Делать надписи на чем-либо. *На гробовой его покров Мы, вместо всех венков, Кладем слова простые...* <289> (С. 294).
119. **Многозначительное слово.** Фраза, речь, текст, имеющие важное значение для кого-либо. *Многозначительное слово Тобою оправдалось вновь: В крушении всего земного Была ты – кротость и любовь* <347> (С. 720).
120. **Мыслящий тростник.** Образ, восходящий к афоризму Б. Паскаля, французского философа, писателя, математика: «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но эта тростинка мыслящая» [См. Примечание к используемому изданию, с. 408]. *И отчего же в общем хоре Душа не то поет, что море, И роищет мыслящий тростник?* <272> (С. 826).
121. **Наделенный даром слова.** Талантливый поэт. *Зачем, о сын Камены, Любимейший, – ты, наделенный даром Неугасимо-пламенного слова, Зачем бежал ты собственного крова...* <66> (О Байроне) (С. 720).
122. **Огласить приветом.** Приветствовать, восхвалять в стихах. *Тебя потом он огласит приветом, страна любви, героизма, приключений...* <66> (С. 457).
123. **Последнее слово.** Фраза, речь, поставившая точку в споре, дискуссии. *Последнее в борьбе суровой Теперь лишь высказано слово... То слово русского царя* <343> (С. 720).
124. **Прийти на мысль.** Задумать, решить что-либо. Тебе, болящая в далекой стороне, Болящему и страждущему мне **Пришло на мысль** отправить этот стих,.. <364> (С. 389).
125. **Родная речь. Русский язык. Родное слово. Русское слово. Русские звуки.** Язык русской нации. *Богине в честь, хранящей благородно Залог всего, что свято для души, Родную речь* <241>. *И вот, мужая с каждым днем, Родная Речь уж на просторе Поминки празднует по нем* <268>. *За знаменем русским и русское слово Тебе как родное к родному пришло?* <139>. *Недаром русские ты с детства помнил звуки И их сберег в себе сочувствием живым...* <244>. *Что русским словом столько лет Вы славно служите России, Про это знает целый свет...* <328>. *Теперь тебе не до стихов, О слово русское родное!* <209>. *Так насаждаемое ныне Здесь русское родное слово Расти и глубже коренись* <320>. *И слово русское, Хоть на одно мгновенье, Прервало для тебя волн средиземных пенье* <364> (С. 647, 657).

126. **Сдержатъ слово.** Выполнить свое обещание (обещанное). *Да, вы сдержали ваше слово...* <339> (С. 720).

127. **Склонятъ слух.** Прислушиваться к кому-, чему-либо, принимая должные меры. *О, будь же, царь, прославлен и хвалим, Но не как царь, а как наместник бога, Склоняющего слух Не только к светлым легионам Избранников своих, небесных слуг...* <373> (С. 722).

128. **Словеса святыя.** Слова, произнесенные Кириллом перед смертью Мефодию как завещание продолжать дело служения славянам. *И в свой черед, как он, не довершив труда, ...и словеса святыя Его вспомянув, воскликнем мы тогда: «Не изменяй себе, великая Россия!»* <316> (С. 720).

129. **Словом.** Без лишних слов, коротко говоря. *Ну, словом, небо красоты в лучах воображенья, – Все, все Поэзия слила В тебе одной – Саконтала <28>. ...Москве предоставляя в дар Учтивейшего из татар... ...Ну, словом, лучшего из той среды...* <367> (С. 720).

130. **Стоя у мысли на часах.** Выполняя работу цензора. **Стоять на часах.** Охранять что-либо. *Веленью высшему покорны, У мысли стоя на часах, Не очень были мы задорны, Хотя и с шуцером в руках <337>* (С. 765).

131. **Торжественное слово.** Слова, произнесенные царем в публичной речи, вошедшие в народную память. *Хотя б она сошла с лица земного, В душе царей для правды есть приют. Кто не слышал торжественного слова? Века векам его передают <295>* (С. 720).

ОБЩЕСТВО

Политико-географическая сфера жизни общества

132. **Английские палаты.** Палаты общин и тори английского парламента. *...Куда вам в члены Английских палат...* <266> (С. 929).

133. **Гранитная скала.** Россия как символ прочности, нерушимости, недоступности для врагов. *Ужасно та стена упруга, Хоть и гранитная скала, – Шестую часть земного круга Она давно уж обошла...* <301> (С. 704).

134. **Европейский мир.** Европа. *Сей европейский мир, руки твоей созданье, как он велик!* <77> (С. 363).

135. **Иноплеменный мир.** Неславянский мир. *Иноплеменный мир дивится, одна лишь Русь его поймет <303>* (С. 363).

136. **Кров родной.** Семья, родительский дом. *Насилу добрый гений твой,.. Увел тебя под кров родной От всех маневров и учений <16>* (С. 646).

137. **Новый мир.** Материк Америка, открытый Колумбом. *И новый мир, неведомый, неожиданный, Из беспредельности туманной На божий свет ты вынес за собой <142>* (С. 363-364).

138. **Почва Европейская.** Западная Европа. *Давно на почве Европейской, Где ложь так пышно разрослась, Давно наукой фарисейской Двойная правда создалась...* <300> (С. 560).

139. **Родная земля. Родной край. Родные места.** Родина большая и малая. *Итак, опять увиделся я с вами, Места немилые хоть и родные, Где мыслил я и чувствовал впервые... <150>. Вы к берегам родной земли Окрыляйтесь, корабли,.. Ты прости, наш край родной! <179>. Эти бедные селенья, Эта скудная природа – Край родной долготерпенья, Край ты русского народа! <213>. Удрученный ношей крестной, Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь небесный Исходил, благословляя <213>. ...Отраден будь для ней возврат В места, душе ее родные! <215>. Тому, кто с верой и любовью Служил земле своей родной! <252>, <257>, <280>. ...Всех выродков земли родной, Да не услышит их Россия... <269>, <301>. ...В свои права вступает снова Родная русская земля <339> (С. 646).*
140. **России сердце. Русские сердца.** Русский народ. Тебя ж, как первую любовь, *России сердце не забудет! <127> (Об А.С. Пушкине). Опять вздохнут о горестной утрате Все честные, все русские сердца <311> (С. 696).*
141. **Русская звезда.** Предназначение России. *Ты долго ль будешь за туманом Скрываться Русская звезда,..? <294> (С. 656).*
142. **Русская земля.** Русское государство, Россия. *...В свои права вступает снова Родная русская земля <339> (С. 656).*
143. **Русский порог.** Граница России. *Один лишь раз по воле бога Ты супостата к ней впустил – И целость русского порога Ты тем навеки утвердил <205> (С. 657).*
144. **Русское Знамя.** Знамя, под которым русские войска воевали против армии Наполеона. *В кровавую бурю, сквозь бранное пламя, Предтеча спасенья – Русское Знамя К бессмертной победе тебя привело <139> (С. 656-657).*
145. **Святая Русь.** В старину - название Руси. *Ты, как ни жмися, как ни трусь, Своей душою маловерной Не соблазнишь Святую Русь. Не верь в Святую Русь, кто хочет, Лишь верь она себе самой... <169>. Куда сомнителен мне твой, Святая Русь, прогресс житейский! <238>. Но и святой Руси предела Его призыва не стесняй... <348> (С. 686).*
146. **Сельский Пенат.** Родной дом, родина. *...Под кровом сельского Пената, Где все красуется, все дышит простотой, ...Там сладок кубок круговой! <4> (С. 941).*
147. **Славянская земля.** Народы, территория государств, на которых они проживают. *Обличилась перед нами Вся Славянская земля! <138> (С. 712).*
148. **Славянская семья.** Восточные, западные и южные славяне, объединенные происхождением, родством языков. Славянские народы, объединенные в один союз. *Воспрянь – не Польша, не Россия – Воспрянь, Славянская семья! <140>. Смущает их, и до испугу, Что вся славянская семья В лицо и недругу и другу Впервые скажет! – «Это я!» <300> (С. 712).*
149. **Славянский мир.** Славянские государства. Народы этих государств. *И что в славянском вражьем мире Вы совершили – вы одни – Все ведают... <328>. Славянский мир, сомкнись тесней <336>. ...И вдохновенный твой глагол, как вестник нового завета, Весь мир Славянский обошел <140> (С. 712).*
150. **Союзная сила.** Правящие круги России и европейских государств. *Он первый угадал, в чем дело, и им впервые русский дух Союзной силой признан смело, –*

И вот венец его заслуг <303> (О князе А.М. Горчакове, назначенном государственным канцлером России) (С. 700).

151. **Старочешская семья.** Чешские объединения, придерживающиеся взглядов Яна Гуса, боровшихся за национальную и религиозную независимость. *Примите же из рук ея То, что и вашим прежде было, Что старочешская семья Такой ценой себе купила... <323> (С. 692-693).*

152. **Франкистанская земля.** Франция. *Из премудрого далека Франкистанской их земли Погулять на счет пророка Все они сюда пришли <327> (С. 250, 948).*

153. **Черноморский флот.** Военно-морской флот России, охраняющий южные морские границы в районах Черноморья, прекративший свое существование после поражения в Крымской войне. *...Отдашь ты нам – и без урона – Бессмертный черноморский флот <343> (С. 870).*

Социальная сфера жизни общества

154. **Академические стены.** Здание Академии наук России. *Как же мог бы без измены, ...В академические стены, ...Вас, вас впустить – ...? <328> (С. 759).*

155. **Аракчеев второй.** Шеф жандармов и начальник III Отделения граф Петр Андреевич Шувалов. *...Встал внезапною грозой Петр по прозвищу четвертый, Аракчеев же второй <297> (С. 929).*

156. **Аристокрация светил ночных.** Солнце. *Свободы солнце Живей и жарче будет греть, чем ныне Аристокрация светил ночных! <69> (С. 20).*

157. **Атреев сын – Атрид.** Агамемнон, предводитель греков в Троянской войне. *...Царь царей, Атреев сын... И с супругой, взятой с бою, Снова счастливый Атрид... <179> (С. 930).*

158. **Аякса брат меньшей.** Тевкр, покончивший собой в припадке ярости, когда Одиссей присвоил себе хитростью доспехи павшего Ахилла, на которые по праву притязал Аякс младший. *«Хорошо любимцам счастья, – Рек Аякса брат меньшей...» <179> (С. 930).*

159. **Без дела.** Не занимать себя никакой работой. *Бродить без дела и без цели... <110> (С. 181).*

160. **Без зазрения.** Без стыда. *Кровь полилась как воды ключевые, В ночи земля пила их без зазренья... <66> (С. 235).*

161. **Без смены.** Постоянно. *...Давно остыл алтарь их – и без смены На страже здесь молчанье <66> (С. 725).*

162. **Без страха.** Спокойно, без раздумья. *И мой весь этот мир, и я схвачу без страха Мироправленья жезл! <77> (С. 770).*

163. **Бить в бубны.** Издавать музыкальные, ритмические звуки. *Дети пели, в бубны били, Шуму не было конца... <22> ((Из Гейне)) (С. 37).*

164. **Брать дань.** Заставлять выдавать что-либо (например, стихотворения на эротические темы). *Амур резвился вокруг него И дани брал с поэта <31> (С. 55).*

165. **Брать, взять на себя смелость, ответственность.** Полностью отвечать за принятые решения, за свои действия, поступки. *Сие-то высшее сознание Вело наш доблестный народ – Путей небесных оправданье Он смело на себя берет* <96> (с. 120). *Как оправдать сочувствие к тому, Кто отстоял и спас России целость, ...Кто всю ответственность, весь труд и бремя Взял на себя в отчаянной борьбе...* <253> (С. 102).
166. **Бросить во прах.** Унизить, сделать ничтожным кого-либо. *Два раза брошен был во прах И два раза на трон!* <68> (О Наполеоне) (С. 567).
167. **Будить, пробудить от заколдованного сна.** Вызывать к жизни; звать к какой-либо деятельности. *...Явилась гостьей к нам она, В наш мир и чопорный и душный, И пробудила всех от сна* <254>. *Опять зовет и к делу нудит Родную Русь твоя волна, И к распре той, что бог рассудит, Великий Севастополь будит От заколдованного сна* <343> (С. 744).
168. **В знак благоволенья.** По доброму расположению. *...И в знак благоволенья Завет с ним заключил* <15> (С. 256).
169. **В мутном свете.** В тяжелое время, безвременье. *Любил ты в мутном свете Земную жизнь виденьями тревожить!* <66> (С. 671).
170. **В память.** В честь того, что было прежде. *Так диво ль, что в память союза святого За знаменем русским и русское Слово К тебе, как родное к родному, пришло?* <139> (С. 504).
171. **В самом деле.** В действительности, точно, подлинно. *Иль в самом деле я прикован К гранитной полосе твоей?* <141>. *Во сне ль все это снится мне, Или гляжу я в самом деле, На что при этой же луне С тобой живые мы глядели?* <307>. *Так говорил я в самом деле, И не один, а сотню раз...* <315> (С. 181).
172. **В свое имя.** В честь самого себя. *...И в имя же свое собой повелеваю...* <5> (С. 684).
173. **В силу условия.** Согласно требованиям великопостной молитвы Ефрема Сирина. «*Не дай нам духу празднословья!*» *Итак, от нынешнего дня Ты в силу нашего условия Молитв не требуй от меня* <14> (С. 699-700).
174. **В сновиденье.** Во время сна, видения снов. *...Чертог волшебных добрых фей и в сновиденье – веселей, Чем наяву – томиться скукой В убогой хижине твоей!* <12> (С. 732).
175. **В тени.** Незаметно, исподволь. *Родись в народе мысль, зачатая веками, Сперва растет в тени и шевелит сердцами – Вдруг воплотилась и увлекла народ* <177> (С. 802).
176. **В уровень.** Рядом с чем-либо, не отставая от чего-либо. *Враг отрицательности узкой, Всегда он в уровень шел с веком...* <346> (С. 859).
177. **В чем дело.** Неизвестность сложившейся ситуации. *Он первый угадал, в чем дело... И вот венец его заслуг* <303> (С. 182).
178. **В честь кого-либо.** Знак уважения, признания чьих-либо заслуг. **В честь чего-либо.** По случаю какого-либо знаменательного события. *Давайте ж, князь, подыдем в честь богине Ваш полный, пенистый фиал!* <241> (2 употр.) (с. 989-990). *Вот свежие тебе цветы В честь именин твоих...* <370> (С. 896).

179. **В шутку.** Несерьезно, ради забавы. *Велели вы – хоть, может быть и в шутку – Я исполняю ваш приказ* <274> (С. 913).
180. **Вакха сок.** Алкогольный напиток. *Силен Вакха сок волшебный, Дивно нас врачует он* <179> (С. 740).
181. **Ватиканский далай-лама.** *И ватиканский далай-лама Не призван быть наместником Христа* <344> (С. 78).
182. **Великая мать.** Культ Великой Матери (Magna Mater) – древний синкретический культ, распространенный среди всех средиземноморских народов [См. Примечание к ППС, С. 405]. *Великой Матерью любимый, Стократ завидней твой удел...* <250> (С. 348).
183. **Вложить меч в ножны.** Заключить мир, прервать, прекратить военные действия. *В те дни кроваво-роковые, Когда, прервав борьбу свою, в ножны вложила меч Россия – Свой меч, иззубренный в бою...* <303> (С. 439).
184. **Во имя. Во имя свободы.** В честь, ради кого, чего. ...*Во имя* музы вашей Подносим вам заздравное вино... <241>. ...*Во имя* Правды и Науки Здесь память вечную гласим <268>. *Во имя* вашего отца Дадим же мы друг другу слово: Не изменяться до конца <282> Все благородные умы, Все богомерзкие народы Со dna воздвиглись царства тьмы *Во имя* света и свободы! <209> (С. 274).
185. **Вождь светил.** Солнце. *Блажен, стократ блажен, кто может в умиленье, Воззревши на Вождя светил, Текущего почить в Нептуновы владенья, ...сказать себе: «Я жил!»* (С. 672).
186. **Возлегла печать.** Запечатлеть что-либо. ...*На коем возлегла печать Могу-чих вдохновений Тасса?* <380> (С. 115).
187. **Вознестись на высшую ступень.** Достичь самого высокого положения. Достигнуть высшей власти. ...*Когда для вящего паденья На высшую вознесся он ступень...* <344> (С. 776).
188. **Волшебный пояс.** Одна из деталей одежды Харит, богинь красоты, дочерей Зевса. *Эфирного тени сложив покрывала И пояс волшебный всесильных харит, Здесь образ Урания свой восприяла...* <6> (С. 562-563).
189. **Воспретить путь.** Препятствовать, мешать в совершении каких-либо действий. *Феррарскому Орлу, ни грозных боев ряд, ...Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад Превыспренних путей нигде не воспретят* <6> (С. 612).
190. **Впасть в забытье, забвенье.** Забыться. *Душа впадает в забытье...* <231>. ...*Я впал в невольное забвенье* <50> (С. 127).
191. **Вседержащее звено.** Луч небесный. *О, луч небесный! Вседержащее звено!* <17> (С. 246).
192. **Вступить в свои права.** Вновь обрести возможность распоряжаться своей территорией по собственному усмотрению. *В свои права вступила снова Родная русская земля* <339> (С. 136).
193. **Вступить в состязанье.** Противодействовать кому-, чему-либо. ...*Былинка с кесарем вступила в состязанье...* <296> (С. 137).

194. **Втоптать в грязь.** Очернить, испохабить, опорочить. *Толпа, нахлынув, в грязь втоптала То, что в душе ее цвело* <187> (С. 137).
195. **Вызвать из жизни.** Умереть. *И ими-то Судеб посланник роковой, Когда сынов из жизни вызывает...* <83> (С. 139).
196. **Выманить к свету.** Дать возможность произрасти. *Травку выманила к свету...* <17> (С. 139).
197. **Вынести на себе.** Принять на себя все трудности. Дать новую жизнь кому-либо. *...Кто всю ответственность, весь труд и бремя Взял на себя в отчаянной борьбе И бедное, замученное племя, Воздвигнув к жизни, вынес на себе...* <253> (С. 140).
198. **Выпал жребий.** Достаться сверху в результате каких-либо событий. *Равнину ту обходит он с тоскою, Где жребий мира выпал славным боем...* <66> (С. 140).
199. **Выпало призванье.** Досталось судьбой то, что составляет смысл жизни. *Вам выпало призванье роковое...* <263> (С. 140).
200. **Вырвать (вырывать) с корнем (вон).** Уничтожить. *Свет не таков: борьбы, разноголосья... Не терпит он... Не косит сплошь, но лучшие колосья Нередко с корнем вырывает вон* <318> (С. 140).
201. **Горний мир.** Мир иной. **Покинув горний мир.** Перейдя из мира иного (горнего) в наш (дольний) мир. *Так верим мы, незримыми гостями Теперь они, покинув горний мир, Сочувственно витают между нами И освящают этот пир* <241> (С. 362).
202. **Град Петров.** Санкт-Петербург. *Москва, и град Петров, и Константинов град...* <146> (С. 942).
203. **Губить во цвете.** Губить в расцвете сил. *«Всевышних власть мой век во цвете губит...»* <67> (С. 882).
204. **Давать клятвы.** Клясться. *Здесь клятвы он дает священны...* <6> (С. 296).
205. **Двери распахнуть настежь.** Сделать доступным вход куда-либо. Раскрыть что-либо для обозрения того, что происходит. *И при криках иступленных Бойкий западный разгул И в гаремах потаенных Двери настежь распахнул* <327> (С. 178).
206. **Держать в плену.** Лишать свободы, находиться в качестве пленника. *Пятнадцать лет тебя держало Насилье в западном плену...* <343> (С. 185).
207. **Держать вожжи.** Управлять чем-либо. **Держать вожжи трепетной рукой.** Неуверенно править, управлять кем-, чем-либо. *В раздумье тяжком князи и владыки И держат вожжи трепетной рукой...* <168> (С. 185).
208. **Держать почетный караул.** Охранять с почестями. Дстойно стоять на страже, охранять что-либо. Отдавать должное (о цензуре). *...Не арестантский, а почетный Держали караул при ней* <337> (С. 185).
209. **Держать совет.** Советоваться. *Там высшие силы свой держат совет!* <6> (С. 735).

210. **Детский возраст.** Годы детства. ...*Мой детский возраст* смотрит на меня <150> (С. 116).
211. **Доказать на деле.** Практической деятельностью. Показать своим личным примером, своей деятельностью. ...*Ты миру доказал на деле, Как шатко все, в чем этой правды нет...* <362> (С. 194).
212. **Дом молитвы.** Церковь. ...*Притон разбойничий в доме молитвы, В одной руке распятие и нож* <252> (С. 372).
213. **Древо человечества.** То же, что родословное дерево. *На древе человечества* высоком Ты лучшим был его листом <97> (С. 200).
214. **Друг другу.** Взаимно, один другому. *Един с Британских вод, другой с Альпийских гор Друг другу* подают чудотворящи длани... <6>. *Не пора ль очнуться нам И подать друг другу руки...* <138>. *Дадим же мы друг другу слово...* <282>. *Друг друга* – подле не видать <385> (С. 203).
215. **Другой мир.** Античный мир. *Там нимфы Тога, там валы Гвадалквивира* Во сретенье текут тебе, молодой Певец, принесши песни к нам с берегов **другого мира**... <6> (С. 364).
216. **Другой свет.** Далекие непознаваемые времена, о которых напоминают природные явления. *И глядя на тебя, пустынная река, И на тебя, прибрежная дуброва, «Вы – мыслил я, – пришли издалека, ...Так! Вам одним лишь удалось Дойти до нас с берегов другого света...»* <78> (С. 672).
217. **Екатерининская долина.** Дословный перевод с немецкого названия городка Екатериненталь. ...*В Екатерининской долине Деревья пышно разрослись...* <320> (С. 196).
218. **Железный мир.** Вооруженное войско. *Он зрел в уме: подвижные Шатры, равнины боев, Рядов пехоты длинный блеск, Потоки конных строев – Железный мир* и дышащий Велением одним!..<68> (С. 363).
219. **Жребий свой.** То, что предстоит в будущем самому. *На краткий миг в сердечном упоенье Я жребий свой* невольно забывал <18> (С. 684).
220. **Замогильный сон.** Вечный сон. *Слова неясны роковые, И смутен замогильный сон...* <210> (С. 744).
221. **Затворить двери (за кем-либо).** Уйти, попрощаться с кем-либо. ...*Еще она не перешла порогу, Еще за ней не затворилась дверь* <100> (С. 178).
222. **Звездой.** То же, что путеводной звездой. *Примите Чашу! Вам звездой* В ночи судеб она светила... <323> (С. 245).
223. **Здравый смысл.** Содержание чего-либо, проверенное многолетним опытом. *Как верно здравый смысл народа* Значенье слов определил... <271> (С. 730).
224. **Земной сын.** Человек, люди, живущие на земле. *Она с небес слетает к нам – Небесная к земным сынам...* <159> (С. 251).
225. **Знать не знает.** Полная неосведомленность. Ничего не известно. *Природа знать не знает* о былом, Ей чужды наши призрачные годы... <345> (с. 284), (с. 453).

226. **Золотая орда.** Государство, образованное на территории Киевской Руси в XII-XIV вв., в состав которого входили русские земли. *Во дни напастей и беды, Когда из Золотой орды В Москву баскаков насылали...* <367> (с. 286-287), (с. 531-532).
227. **И один в поле воин.** Речь идет об Александре Федоровиче Гильфердинге (1831 – 1872), известном слависте-этнографе. *И делом доказал, что в поле и один Быть может доблестный и храбрый воин* <375> (с. 128), (с. 598).
228. **Из края в край.** Из конца в конец. ...*Из края в край течет благое просвещение...* <6>. *И беспрерывно бури воют, И землю с края в край метут...* <85>. *Из края в край, из града в град Могучий вихрь людей метет...* <116> (с. 338).
229. **Как брат с сестрою.** Сходные, похожие друг на друга. *Есть близнецы – для земнородных Два божества – То Смерть и Сон, Как брат с сестрою дивно сходных...* <182> (с. 770).
230. **Как ведать.** Не дано знать. **Как знать.** Выражение сомнения, неуверенности и т.п. *Как ведать, может быть, и есть в природе звуки* <83> (с. 317).
231. **Кастельские девы.** Музы. *Питомец счастливый кастельских чистых дев, Приди в мою смиренную обитель!* <4> (с. 323).
232. **Косово поле.** Имеется в виду сражение при Косове, произошедшее 27 августа 1389 г. между османской армией и христианскими союзниками. *Еще болит от старых болей Вся современная пора... Не тронута Косово поле, Не скрыта Белая гора!* <300> (с. 598).
233. **Куют цепь.** Ограничивать распространение, запрещать (о мысли). *Князья куют ей цепь и зажимают рот...* <77> (с. 328).
234. **Лишиться прямых путей.** Не иметь возможности делать что-либо без преследования, на законных основаниях. *Какие песни в той стране, ...где эта мысль, лишась прямых путей, По закоулкам татем бродит, От грубых прячась сторожей...* <382> (с. 677).
235. **Лунный мир.** Пространство, освещенное луной. *Как будто лунный мир и град почивший – Все тот же мир, Волишебный, но отживший!* <161> (с. 374).
236. **Мать родная.** Причина, источник происхождения, существования чего-либо. *О вера, вера, мать чудес родная, Дерзну ли взор туда поднять, Откуда весть летит благая!* <87> (с. 715).
237. **Мать чудес.** Вера. *О вера, вера, мать чудес родная...* <87> (с. 385).
238. **Мгла самозабвенья.** Полное забытие. *Чувства мглой самозабвенья Переполни через край!* <109> (с. 386).
239. **Мгла стигийская.** Темнота подземного царства Аида, где протекает река Стикс. *Я спал в оковах тяжелой лени Под осьмимесячной зимой, Как дремлют праведные тени Во мгле стигийской роковой* <178> (с. 386).
240. **Меньший брат.** Меньшая братья. В собирательной форме *братия*. Бывший крепостной. Речь идет об освобождении Александром II крепостных крестьян. *Он рабский образ сдвинул с человека И возвратил семье меньшую братью* <242>. (с. 59), (с. 389).

241. **Местами.** Кое-где. *Местами* лишь, где туча разрывалась, Лазурь небес прелестно улыбалась! <66> *Местами* лишь просвечивают пятна Стоячих вод, покрытых первым льдом <234>. Лишь украдкой, лишь *местами*, ...Пробежит огонь живой! <308> (с. 392).
242. **Мир земной. Дольний мир. Сей мир. Мир земной.** Земное существование. **Покинуть, покидать сей мир.** Уйти из жизни, умереть. *Иль блаженные две тени Покидают мир земной?* <172>. Счастлив, кто посетил *сей мир* в его минуты роковые! <71>. Несусь – и *дольний мир* исчез передо мной... *се Мир* вечно юный, златыми цепями Связавший семейства, народы, царей... <6>. Для *мира дольного* отрада, Они – краса небес родных...<235>. ...Сии светила, как живые очи, Глядят на сонный *мир земной*... <76> *Когда на лучший мир покину* дольний прах... <10>. *Когда ж сей мир покинуть* Пришел его черед, Он делит все наследство, – Но кубка не дает <61> (с. 400-401), (с. 594), (с. 278).
243. **На память.** Напоминание о чем-либо на длительное время. **Привести на память.** Вспомнить о чем-либо. *Ему на память* стрелку дал, *И в сладкие досуги Он ею повесть начертал Орфеевой супруги* <31>. Блаженство стольких, стольких дней Себе *на память приведи* <116> (с. 557), (с. 638).
244. **На склоне.** В конце какого-либо временного периода. *О, как на склоне наших лет Нежней мы любим и суеверней* <204> (с. 779-780).
245. **На славу.** С большими почестями. *Угощает он на славу Милых западных друзей*... <327> (с. 786).
246. **На счет.** На чьи либо средства, деньги. ...*Погулять на счет пророка* Все они сюда пришли <327> (с. 865).
247. **Нажить много славы.** Быть прославленным. *И чета в любви и мире Много славы нажила*... <165> (с. 786).
248. **Не в шляпе дело.** Каламбур с совмещенными лексическим и фразеологическим значениями. ...*Но с вами расставшись... не в шляпе тут дело*... <359> (с. 1006).
249. **Не пристала и пылинка.** Ничем не опорочить, остаться в мнениях людей таким же. *К ней и пылинка не пристала От глупых сплетней, злых речей*... <281> (с. 651).
250. **Нет дела.** Полное безразличие, безучастие в чем-либо. *Красуются, шумят, – и нет им дела, Чей прах, чью память роют корни их* <345> (с. 201).
251. **Нет места.** О чем-либо отвергаемом, чего не должно быть. *Тут места нет раздумью, ни рассудку*... <274>. *О, тут измене места нет, Ни разновидным ухищреньям*... <362> (с. 392).
252. **Нить железная.** Телеграфная проволока. *Вот от моря и до моря Нить железная скользит, Много славы, много горя Эта нить порой гласит* <214> (с. 481).
253. **Олегов щит.** Летописное сказание о щите, прибитом князем Олегом на городских воротах Константинополя. *Вдруг из-за туч луна блеснула – И над воротами Стамбула Олегов озарила щит* <41> (с. 1009).

254. **Османовы врата.** Имеется в виду Стамбул (Константинополь), столица Османской империи в 1453 г. [Примечания, С. 376]. ...*Твой гневный глас послыша в отдаленье, Содроглися Османовы врата...* <48> (с. 142), (с. 1039).
255. **Остров Урании.** Кипр, на котором находился посвященный Афродите (Урании) храм (Примечание). *Как луна из-за облак, встает Урании остров из серебряной пены...* <6> (с. 537).
256. **Пафосская царица.** Богиня красоты Афродита. *Но что все прелести пафосская царицы, И гроздий сок, и запах роз Перед тобой, святой источник слез...* <19> (с. 972).
257. **Перейти из рода в род.** Остаться надолго в воспоминаниях. ...*И Дагмарина неделя Перейдет из рода в род* <291> (с. 565).
258. **Петропавловского свода гробовая сень.** Имеется в виду могила Николая I в Петропавловском соборе. *Да, в сердце русского народа Святиться будет этот день, – Он – наша внешняя свобода, он Петропавловского свода Осветит гробовую сень* <343> (с. 751), (с. 766), (с. 1040).
259. **Пир мечей.** О сражении, войне. *Бодрей, бодрей На пир мечей, На брань!* <25> (с. 570).
260. **По мере.** В течение определенного времени. *Мы лучшего тебе желаем, А именно: чтобы по мере той, Как призван волей ты святой Здесь действовать, в печальной сей юдоли, Ты создаваем был все более и боле Таким, каков ты есть...* <373> (с. 390).
261. **По следам.** Вслед за кем-, чем-либо. *Так разливайся жизни сладость, Певцы, за вами по следам!* <11> (с. 790).
262. **По смерть.** В течение всей жизни. *Был царь, как мало их ныне, – По смерть он верен был...* <61> (с. 802).
263. **Повесить праздный меч.** Отказаться от чего-либо ненужного, напоминающего о войне. ...*Ты праздный меч повесил свой В саду героя-агронома* <16> (с. 581).
264. **Подавать пример.** Быть образцом в чем-либо для кого-либо. *Она обеих вас на то произвела, Чтоб ваши чувства и дела Взаимно счастье составляли И полу нежному пример бы подавали* <2> (с. 586).
265. **Подземная обитель.** Царство мертвых. *Развернулась пред тобою подземная обитель!* <1> (с. 495).
266. **Поднять трезвон.** Громко бессистемно издавать трели, устраивать шум. *И жаворонки в небе Уж подняли трезвон* <118> (с. 588), (с. 910).
267. **Подыдем фиал, бокал.** Выпьем в честь кого-либо. *Давайте же, князь, подыдем в честь богине Ваш полный пенистый фиал!* <241> (с. 590).
268. **Позорное пятно.** Преступление, преступный поступок, совершенный кем-либо. *Легло, увы, легло позорное пятно На всю историю российского народа!* <283> (О покушении Д.В. Каракозова на Александра II) (с. 681).
269. **Пойти путем разумного труда.** Проводить государственную политику, соответствующую интересам России. Заниматься полезной деятельностью. *О родина*

моя! Ужели никогда Без роковых преград, без пропастей глубоких, ...Ты не **пойдешь** путем разумного труда? <382> (с. 593-594), (с. 914).

270. **Поставить на высоту.** Сделать что-либо значимым; добиться в чем-либо высоких результатов. ...**Поставим** наш союз **на высоту** такую, **Чтоб** всем он **виден** был... <319> (с. 615).

271. **Приамов град.** Троя. Цитата из Евангелия от Матфея (с. 178). ...**Пала** царственная **Троя**, **Сокрушен** **Приамов град**... <179> (с. 1041).

272. **Приамов род.** Род царя Трои Приама, отца Гектора, Париса, Кассандры и многих других сыновей и дочерей (всего их было 50), погибших во времена Троянской войны [Примечания, С. 371]. ...**Осужден** ли весь **Приамов род**? <13> (с. 1041).

273. **Привести в пристанище.** Достичь намеченной цели. **Но** дружба и любовь, **среди** житейских волн, **Безвредно** **приведут** в **пристанище** мой челн <4> (с. 638).

274. **Прижать к стенке.** Поставить в тяжелое положение. **Они** кричат, **они** грозятся: «**Вот к стенке** мы славян **прижмем!**» <301> (с. 839-840).

275. **Приносить жертву, жизнь.** Жертвовать чем-либо. **Но** мрачных **жертв** не **приносил**, **Служа** её кумиру... <31>. ...**Что** хоть она и воин не была, **Но** **жизнь** свою отчизне **принесла**... <364> (с. 647).

276. **Приять имя.** Назваться в честь кого-либо. **В** сей день блаженный одна из вас **прияла** И добродетели и **имя** девы той, **Котора** споборала религии святой... <2> (с. 654).

277. **Пролить свет.** Принести удачу, успех. «**Аллах!** **пролей** на нас твой **свет!**» <41> (с. 660).

278. **Путеводная звезда.** Тот, кто направляет жизненную деятельность. **Мы** скажем: **будь** нам **путеводной**, **Будь** вдохновительной **звездой**... <293> (О Карамзине) (с. 271).

279. **Пышно разрастись.** Получать большое развитие. **Давно** на почве европейской, **Где** ложь так **пышно** **разрослась**, **Давно** наукой фарисейской **Двойная** правда **созналась**... <300> (с. 679).

280. **Пьем тебе.** В честь кого-либо. **Пьем** тебе, великий бог! <17> (с. 923).

281. **Разбудить Музу.** Вызвать желание, стремление заниматься творчеством. ...**Тогда** предамся вдохновенью, **Разбудит** **Музу** Гименей... <16> (с. 687).

282. **Разостлать ковер поэзии.** Наделить поэтическими способностями, создать условия для творчества. **Но** **Муза** сирого взяла **Под** свой покров надежный, **Поэзии** **разостлала** **Ковер** под ним роскошный <31> (с. 694).

283. **Рассеять мрак ужасной клеветы.** Узнать истину, отвергнув ложное. **Когда** ж настанет день, что мой родитель, **Рассеяв** **мрак** **ужасной** **клеветы** **В** невинности сыновней **убедится**... <67> (с. 700).

284. **Рог луны.** Символ мусульманской религии, изображенный на мечетях. **Там**, за скалой, **пирата** парус белый, **Здесь** **рог** **луны**, **горящий** на мечетях... <66>. **Не** в первый раз волнуется **Восток**, **Не** в первый раз **Христа** там **распинают**, **И** от **креста** **луны** **поблекший** **рог** **Щитом** своим державы **прикрывают** <384> (с. 712).

285. **Русский Парнас.** О поэте С.Е. Раиче, переводчике поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». *Каким венком нам увенчать Питомца русского Парнаса, На коем возлегла печать Могучих вдохновений Тасса?* <380> (с. 726).
286. **Свет наук.** Результат от полученных знаний, интеллектуальных приобретений. *«Нет! Вечен свет наук; его не обнимает бунтующая мгла; его нетленен плод И не умрет!..»* <6> (с. 742).
287. **Светило бессмертия.** Луна. *И позднее бессмертия светило С ночных небес глядит в него уныло...* <66> (с. 37).
288. **Светлый угол.** Место, где расположены фонтаны Петергофа. *Пусть умчит его, играя, В дивный, светлый угол тот, Где весь день, не умолкая, Словно буря дождевая В купах зелени поет* <357> (с. 746).
289. **Свобода совести.** Право граждан свободно исповедовать какую-либо религию или не исповедовать никакой религии. *Его погубит роковое слово: «Свобода совести есть бред!»* <262> (с. 749-750), (с. 812).
290. **Своды древние Софии.** Имеется в виду мечеть Айя-София в Константинополе, ранее бывшая христианским храмом. *И своды древние Софии, в возобновленной Византии Вновь осенят Христов алтарь* <167> (с. 751).
291. **Северное сияние.** Свечение в верхних слоях атмосферы в приполярных областях. *Тогда, разлившись, свет от северных сияний Дал отблеск для крутых Аракса берегах...* <6> (с. 775).
292. **Семья людская.** Люди в целом. *И нет для бедной пташки проку В свойстве с людьми, с семьей людской* <198> (с. 765).
293. **Семья народная.** Народ. *Лишь там, лишь в той семье народной, Где с властью высшею живая власть слышна...* <362> (с. 765).
294. **Серп гулял.** О косье ручным сельскохозяйственным орудием, приспособленным для срезания колосьев. *Где бодрый серп гулял и падал колос, Теперь уж пусто все – простор везде...* <226> (с. 769-770).
295. **Сесть судьей.** Принять участие в споре в роли судьи. *Он повелел умолкнуть им И сел меж них судьей!* <68> (с. 770).
296. **Сидеть за замками.** Находиться под арестом, в заключении. *Не раз сидел я за замками...* <115> (с. 770).
297. **Сидеть на троне.** Царствовать. *...На тронах высоких, в сиянье богов Сидят велелепно спасители смертных...* <6> (с. 770).
298. **Сила Ниобы.** Власть богини винопития. *И Ниобы древней сила Горем злым удручена Соку дивного вкусила И утешилась она* <179> (с. 773).
299. **Склонить на гроб свежие лавры.** Прославить кого-либо в раннем творчестве. *Певец, на гроб отца, царя-героя, Он лавры свежие склонил И дни бесценные блаженства и покоя Елизаветы озарил!* <6> (О М.В. Ломоносове) (с. 738-739).
300. **Склонять полет.** Благоприятствовать, приносить блага. *Сей мир – игралище Фортуны злой. ...Богатства, почести обильно мне лиет, Но завтра вдруг простерла крыла, К другим склоняет свой полет!* <4> (с. 599).

301. **Скрепить подписью.** Собственноручно написать свою фамилию в том виде, в каком она принята в официальных документах и других бумагах, подтверждающих ответственность и согласие того, кто поставил подпись. *Но нам сдается, князь, ваш дед великий Его скрепил бы подписью своей* <253>. (Об А. Суворове) (с. 589).
302. **Скрыть не в силах. Одолеть не в силах.** Не иметь возможности противиться, сопротивляться чему-либо. *Нет, моего к тебе пристрастья Я скрыть не в силах, мать земля* <110>. *И одолеть она не в силах отравы той, что в жилах их течет...* <344> (с. 772).
303. **Служить верой и правдой.** Поступать в своей деятельности справедливо, честно, руководствуясь своими идеалами. Отдавать все свои силы служению во имя высших целей. *Я ратник был свободы И верою и правдой ей служил..* <69> (с. 623), (с. 798).
304. **Смертная тень.** Состояние, близкое к смерти. *Тебе, тебе, послу его велений – Кому сам бог вручил свой страшный меч, – Известь народ из смертной тени И вековую цепь навек рассечь* <48> (с. 887).
305. **Собраться в дорогу.** Полностью подготовиться к какому-либо переходу, поездке. *Собравшихся в дорогу, В последний раз вам Вера предстоит...* <100> (с. 218).
306. **Совершить свой путь.** Закончить жизнь, умереть. *В глухую полночь одиноко, сирота Он совершил свой горемычный путь...* <69> (с. 811).
307. **Сомнения нет.** Твердая уверенность в чем-либо, бесспорно. *Между московскими красами Найти легко, сомнения нет, Красавицу в пятнадцать лет С умом, душою и душами* <16> (с. 820).
308. **Сон железный.** Беспробудный сон. *Здесь, погрузившись в сон железный, Усталая природа спит* <53> (с. 822).
309. **Сон одолевал.** Сильное желание спать. *Мы на палубе сидели, Многих сон одолевал* <155> (с. 822).
310. **Сонм верховный.** Высшая государственная и церковная власть. *Тут вероломный кесарь, и князей имперских и духовных сонм верховный...* <333> (с. 823).
311. **Сосуд скудельный.** О человеке, обреченном на гибель. *Кто сей божественный фиал Разрушил, как сосуд скудельный?* <127> (с. 825).
312. **Спать под сугробом лени.** Бездействовать, ощущая на себе тяжесть. *Как под сугробом снежным лени, ...Я спал, зарытый, но живой!* <178> (с. 858).
313. **Ставить в измену.** Обвинять в измене. Обвинять в чем-либо. *Он ставит нам в измену Все радости* <49> (с. 835).
314. **Стоять на страже. На страже.** Быть, являться защитником чего-либо, защищать кого-, что-либо. *Он волей призван был державной Стоять на страже, – и он стал,..* <303>. ...и без смены **На страже** здесь молчанье <66> (с. 846), (с. 848).
315. **Стучаться в дверь (у дверей).** Просить, добиваться чего-либо. *...У дверей стучатся рая, Дар бессмертья вымоляя!* <60> (с. 197).

316. **Счастливым путем.** Пожелание удачи, успеха. **Счастливым путем, друзья!** <115> (с. 677).
317. **Творить возлияние.** Принимать алкогольные напитки. ...*Сын твой, Пирр, воитель славный, Возлияние творит* <179> (с. 881).
318. **Темная сила.** Закулисный темный мир. *Когда, чужим страстям послушный, Игратище и жертва темных сил, Так богохульно-добродушно Он божеством себя провозгласил* <344> (Имеется в виду провозглашение догмата о непогрешимости папы римского) (с. 884).
319. **Темное дело.** Неблаговидный поступок, мероприятие с нечистыми намерениями. *Столетия шли, ему прощалось много, кривые толки, темные дела...* <262>. *Но в искупленье темных дел Ты миру завещал один урок великий...* <362> (с. 884).
320. **Темный мир.** Представители различных социальных и религиозных слоев, выступающие с позиций лжи, вероломства, насилия против своих идейных противников. ...*Вот все они – весь этот темный мир: Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий, Ложь и насилье, рыцарство и клир* <333> (с. 884).
321. **Тень элисейская.** Подобно душе, блаженствующей в Элизиуме. *И распростяжь с тревогою житейской И кипарисной рощей заслонясь, – Блаженной тенью, тенью элисейской Она заснула в добрый час* <129> (с. 887).
322. **Томиться скукой.** Скучать в одиночестве. ...*Чертог волшебных добрых фей И в сновиденье – веселей, Чем наяву – томиться скукой В убогой хижине твоей!* <12> (с. 784).
323. **Точка Архимеда.** То же что Архимедов рычаг. Двигательная сила вообще. Поворотный пункт. Архимеду приписывают слова: «Дайте мне точку опоры, и я поверну весь мир». *Счастлив, кто точку Архимеда Умел сыскать в себе самом...* <339> (с. 907), (с. 1027).
324. **Трезенские врата.** Ворота Пелопонесского города Трезена. *Едва мы вышли из Трезенских врат...* <67> (с. 142).
325. **Третье отделение.** Отдел в жандармском управлении. ...*А русский вы – сознайтесь в том – по Третьему лишь отделенью* <314> (с. 911).
326. **Тучи жизни громовые.** Темные, страшные моменты жизни. *Небесный луч играет в них И, преломясь о капли огневые, рисует радуги живые На тучах жизни громовых* <19> (с. 918).
327. **Тьма могильная.** Смерть. *В самом преддверье тьмы могильной Не оскудел, в последний час, Твоей души любвеобильной Неисчерпаемый запас* <347> (с. 924).
328. **Тянуть борозду.** Продолжать начатое предшественниками важное дело. Неустанно работать. *Причастные его труду, Через целый ряд веков, чрез столько поколений, И мы, и мы его тянули борозду Среди соблазнов и сомнений* <316> (с. 57), (с. 926).
329. **Упадать к покою.** Успокаиваться, приходить в нормальное состояние. *И отягченную главою, Одним лучом ослеплены, вновь упадем не к покою, Но в утомительные сны* <26> (с. 947).

330. **Фельдмаршал русского ума.** О Марии Бирилевой, дочери поэта, отличавшейся остроумием, высокой образованностью. ...*Но к вам прошусь я в ординарцы, Фельдмаршал русского ума* <353> (с. 960).
331. **Филиппов сын.** Имеется в виду Григорий Иванович Филиппсон, попечитель Петербургского учебного округа, чья фамилия на русский язык дословно переводится как сын Филиппа. ...*Филиппов сын – положим так, А все не Александр Великий* <248> (с. 1047).
332. **Хлеб насущный.** Материальная основа жизни, существования. *И ты еще дерзнул своей рукою жадной Отъять насущный хлеб у вдов и у сирот...* <1> (с. 964-965).
333. **Храм свободы.** Предположительно намек на участие С.Е. Раича в преддекабристской организации Союз благоденствия [Примечания, С. 373]. *Коль скоро – Музы под крылом Его созрели годы – Поэт, избытком чувств влеком, Предстал во храм Свободы...* <31>(с. 750), (с. 970).
334. **Храм Солимы.** Иерусалимский храм. *На пламенных крылах принес он в храм Солимы Победу и венец* <6> (с. 970).
335. **Царство живых.** Мир людей. *Неужто, брат, из царства ты живых...*<9> (с. 973).
336. **Царство снов.** Состояние сна. *И в мире сем, как в царстве снов, Поэт живет, мечтая...* <31> (с. 973).
337. **Царство теней.** Загробный мир. *И мне казалось, что меня Какой-то миротворный гений Из пышно-золотого дня Увлек, незримый, в царство теней* <50>. *Преданье ожило святое Первоначальных лучших дней, и только позднее бывшее Здесь в царство отошло теней* <334> (с. 887), (с. 973).
338. **Царство тьмы.** Мир лжи, насилия, коварства. *Все богохульные умы, все богомерзкие народы Со dna воздвиглись царства тьмы Во имя света и свободы!* <209> (с. 924).
339. **Царь земли.** Человек. ...*А я здесь в поте и в пыли, Я, царь земли, прирос к земле!..* <112> (с. 974).
340. **Царь царей.** Царь Агамемнон – предводитель объединенных ахейских войск. *Грозных полчищ воевода, Царь царей, Атреев сын, Обозрел толпы народа, Уцелевший строй дружин...* <179> (с. 974).
341. **Царь-герой.** Петр I, отец Елизаветы. *Певец, на гроб отца, царя-героя, Он лавры свежие склонил И дни бесценные блаженства и покоя Елизаветы озарил!* <6> (с. 544).
342. **Цветы счастья.** Жизненные радости, удовольствия. *Так порхай ваша, други, младость По жизни счастья цветам!* <11> (с. 975-976).
343. **Целый свет.** Весь мир, все люди. *Что русским словом столько лет Вы славно служите России, про это знает целый свет...* <328> (с. 743), (с. 978).
344. **Через край.** В большом количестве, сверх меры. *И чувства мглой самозабвенья Переполни через край!* <109>. *Из переполненной господним гневом чаши Кровь льется через край...* <336>. ...*Святись, святись, великий день, Разлей свой*

*благовест широко И всю Россию им одень! ...Пусть слышен будет в мире целом, Пускай он льется **через край**... <348> (с. 338), (с. 987).*

345. **Через силу.** Способность, возможность совершать что-либо, преодолевая физические трудности. *Толкутся, дышат **через силу**, Спирает грудь тлетворный дух <103> (с. 773).*

346. **Черпать радость.** Приходить в радостное состояние. *Кто небес провидел сладость, кто любил на сей земли, В милом взоре **черпал Радость**, – Радость нашу раздели <17> (с. 988).*

347. **Чудов монастырь.** Монастырь, находившийся в Кремле, где в 1818 г. Тютчев посетил В.А. Жуковского. *На первой дней моих заре, То было рано по утру в Кремле, То было в **Чудовом монастыре**... <372> (с. 415).*

Религиозная сфера жизни общества

348. **Ангел смерти бродит.** Приближать конец жизни. *Над их главою **ангел смерти бродит**... <48> (Императору Николаю I <Из Людвига Баварского>) (с. 84).*

349. **Андрей Первозванный.** Считается первым проповедником христианства на Руси. *...Где **Первозванного Андрея** Еще поднесь сияет крест... <324> (Андрею Николаевичу Муравьеву) (с. 247).*

350. **Бог Вакх.** Бог виноделия. *Дивно нас врачует он **Бога Вакха** дар волшебный <179> (с. 172).*

351. **Бог земной, земным богам.** Нерон, римский император. Царь, владыка государства. *...Былинка с кесарем вступила в состязанье: «Не уступлю тебе, знай это, **бог земной**...» <296> (с. 231). Гражданина голос смелый На совет к **земным богам**... <17> (с. 65).*

352. **Бог с вами.** Прощение тех, на кого держат обиду. *Счастливым путь, друзья! **Бог с вами!** Я и без вас мой кончить век могу! <115> (с. 131).*

353. **Бог с тобой, тобою.** Пожелание хорошего. *Ладно, пусть будет так. Ниса, Ниса, **бог с тобою!** Ты презрела дружный глас,... ..Наших чувств тебе, Знать мало, – Ниса, Ниса, **бог с тобой!** <24> (К Нисе) (с. 69).*

354. **Божественная рука.** Совершить что-либо при помощи, при согласии Бога. *...Ты завесу расторг **божественной рукой** – И новый мир, неведомый, нежданный, Из беспредельности туманной На божий свет ты вынес за собой <142> (с. 723).*

355. **Божественный огонь.** Редкий дар восприятия природы, всего окружающего. *Но, ах! Не нам его судили; Мы в небе скоро устаем, – И не дано ничтожной пыли Дышать **божественным огнем** <26> (с. 507).*

356. **Божий мир.** Созданный богом. *И в **божьем мире** то ж бывает И в мае снег идет порой... <286> (с. 402).*

357. **Божий свет.** Земной мир, созданный Богом. *И новый мир, неведомый, нежданный Из беспредельности туманной На **божий свет** ты вынес за собой <142> (с. 743).*

358. **Божий суд: Дни божьего суда. Суд богов.** Неотвратимое возмездие. Возмездие от бога за совершенный грех, преступление. ...*И в наши дни – дни божьего суда – Свершится казнь в отступническом Риме... <262>. За нечестьем казнь следит – В небе суд богов не дремлет! <179>* (с. 54), (с. 858-859).
359. **Божья благодать.** Благо, ниспосланное Богом. *Да над душою просветлевшей Почует божья благодать! <140>* (с. 149).
360. **Божья роса.** Исцеляющая влага. *И в излиянье чувств народных, Как божья чистая роса... На них затеплится слеза! <306>* (С. 54).
361. **Борец ветхозаветный.** Древнееврейский патриарх Иаков, с которым, по библейскому сказанию, «боролся некто до появления зари». На рассвете Иаков понял, что он боролся с Богом. *Как тот борец ветхозаветный, Который с Силой неземной Боролся до звезды рассветной... <268>* (с. 218).
362. **Ветхозаветный храм.** Иерусалимский храм, разрушенный римлянами. *Был день, когда господней правды молот Громил, дробил ветхозаветный храм... <262>* (с. 106).
363. **Вышею рукой (рукою).** Богом. ...*Навек он вышею рукою В «цареубийцы» заклеямен <127>* (с. 723).
364. **Вышние силы.** Боги. *Так вышние силы свой держат совет! <6>* (с. 773).
365. **Горняя высота.** Выражение, упоминаемое в Евангелии. Горная страна (СЦРЯ). *«Не утаится Град от зрения людского, Стоя на горней высоте!» <319>. Так солнце с горней высоты... <352>* (с. 157).
366. **Знает бог (откуда). Бог ведает (каком).** Неизвестно, нельзя сказать определенно. ...*Вдруг знает бог откуда Нам на душу отрадное дохнет... <152>* (с. 155). ...*В затменье умственном, бог ведает, каком... <366>* (с. 274).
367. **Крестная ноша.** Распятие, несомое Христом. *Удрученный ношей крестной, Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь небесный Исходил, благословляя <213>.*
368. **Лики ангелов.** Ангелы. *То ангелов лики Поют в вышине <199>* (с. 365).
369. **Небесный царь.** Бог, Иисус Христос. *Небесный царь, благослови Твои благие начинанья... <140>. ...Удрученный ношей крестной, Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь небесный Исходил, благословляя <213>* (с. 454), (с. 974).
370. **Новый завет.** Христианская часть Библии. См. Завет. ...*И вдохновенный твой глагол, Как вестник Нового завета, Весь мир Славянский обошел <140>* (с. 485), (с. 1031).
371. **Отец природы.** Создатель. ...*И что крылаты годы С печального лица земли В хранилище времен с собою увлекли, Не пременит того и сам Отец природы <4>* (с. 650).
372. **Первородный грех.** О нарушении закона божьего первыми людьми Адамом и Евой. *Первый грех у людей. Здесь, где... не считается Славянство За тяжкий первородный грех! <300>* (с. 181), (с. 561).
373. **Правда божья. Правда бога. Правда господня.** Высшая правда, ниспосланная людям богом. *Нет, никогда так дерзко правду божью Людская кривда к*

бою не звала! <262>. *То божьей правды праведная кара,.. И правда божья видима для всех <305>. Был день, когда господней правды молот Громил, дробил ветхозаветный храм... Но не простится правдой бога Его последняя хула... <262>. И эта вера в правду бога Уж в нашей не умрет груди... <300> (с. 622-623).*

374. **Праведные тени.** Люди, ушедшие из жизни праведниками, т.е. строго придерживавшиеся правил религиозной морали. *Я спал в оковах тяжелой лени Под осьмимесячной зимой, Как дремлют праведные тени Во мгле стигийской роковой <178> (с. 623).*

375. **Светлый бог.** Солнце. *Но светлый бог главу в пучины клонит, ...Передо мною день, за мною ночь <88> (с. 116).*

376. **Слава богу.** Возглас, выражающий удовлетворение по поводу какого-либо события. *День пережит – и слава богу! <173>. Слава богу, я с тобою, А с тобой мне – как в раю <212> (с. 786).*

377. **Страшный суд.** В религиозных представлениях: ожидающий людей после конца света божий суд, согласно которому праведники получают место в раю, а грешники – аду. *То совершителъ тризны благочестной, ...Равнину ту обходит он с тоскою, ...Где был судим сей страшный суд железный!.. <66>.*

378. **Христова служба.** Заутреня. Ранняя церковная служба у православных. *Вставай же Русь! Уж близок час! Вставай Христовой службы ради! <156> (с. 797-798).*

379. **Христово воскресенье.** Православная Пасха. *...О, дай болящей исцеленье, Отрадой в душу ей повеи, Чтобы в Христово воскресенье Всецело жизнь воскресла в ней <348> (с. 135), (с. 1048).*

380. **Эдемские врата.** Ворота легендарного города Эдема, места, где жили Адам и Ева; рай. *...Как светоносны серафимы, Хранители Эдемских врат И тайн жрецы непостижимых? <6> (с. 142), (с. 1049).*

381. **Элизиум теней.** Загробный мир, где блаженствуют души праведников. *Душа моя, Элизиум теней, Теней безмолвных, светлых и прекрасных, Ни помыслам години буйной сей, ни радостям, ни горю не причастных, – Душа моя, Элизиум теней, Что общего меж жизнью и тобою! <95> (с. 887).*

382. **Януса врата.** Янус – божество входа и выхода, изображавшееся двуликим. *...Закрылись Януса врата! <6> (с. 142).*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПРИРОДА»

Природные стихии в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева

Стихия земли

383. **Альпийские горы.** *...Един с Британских вод, другой с Альпийских гор... <6> (с. 1026)*

384. **Ветвие от древа Аполлона.** Лавр. *Да ветвию от древа Аполлона Его питомца я увью!* <7>. *Докучных, их, кипарисным, крепкими, пыльных; елей, от древа Аполлона, шумели* (с. 105-106), (с. 221), (с. 1026)
385. **Земной шар.** Планета Земля. *Она кичливый взор на шар земной бросает... <4>. Как океан объемлет шар земной... <46>. ...С быстротой чудесной, Кругом вратится шар земной... <85>* (с. 278)
386. **Мерзость запустения.** Полное разорение, опустошение, грязь (Евангелие от Матфея). *Минули веки искушенья, Забыты страшные дела – И даже мерзость запустенья Здесь райским крином расцвела <334>* (Тютчев 1987, с. 254).
387. **На краю земли.** Где-то очень далеко. *И наша жизнь стоит пред нами, Как призрак на краю земли... <42>* (с. 277), (с. 338)
388. **Повеянь весною.** Всколыхнуть чувства. *Как поздней осени порою Бывают дни, бывает час, Когда повеет вдруг весною И что-то встрепенется в нас... <335>. Как бы повеяло весною... <178>* (с. 582)
389. **Правда земная.** То, что признано людьми правильным, справедливым. *Будь прав или виновен он Пред нашей правдою земною, Навек он высшею рукою В «царевбийцы» заклеямен <127>* (с. 623)
390. **Прирасти к земле.** Оставаться на земле, не имея возможности подняться вверх. *А я здесь в поте и пыли, Я, царь земли, прирос к земле!.. <112>* (с. 649)
391. **Природа-мать.** Та, что дает всему жизнь. *Природа-мать ему дала Два мощных, два живых крыла... <112>* (с. 650)
392. **Пятая стихия.** Воздушный океан. *Здесь дым один, как пятая стихия... <299>* (с. 681)
393. **Сложить в землю.** Предать земле кого-, что-либо, похоронить. *Ах, и не в эту землю я сложил Все, чем я жил и дорожил! <150>* (с. 797)
394. **Чертеж земной.** Карта земли, глобус. *Тебе, Колумб, тебе венец! Чертеж земной ты выполнивший смело... <142>* (с. 278)

Стихия воздуха

395. **За облака.** Очень высоко. *Пускай орел за облаками Встречает молнии полет... <133>. Твоей святыни не нарушит Поэта чистая рука, Но ненароком жизнь задушит Иль унесет за облака <136>. ...Воздушная воздвиглась арка В своем минутном торжестве! Один конец в леса вонзила, Другим за облака ушла... <278>* (с. 496)
396. **Меж небом и землей.** Очень высоко. *Стоять на высоте и замыкать создание, На высоте – один – меж небом и землей И видеть целый мир в уступах под собой <77>* (с. 456)
397. **На волю неба.** Отойти от земных забот. *На волю неба предалась она <129>* (с. 132)

398. **Небеса родные.** Родина, Россия. *Для мира дальнего отрада, Они – краса небес родных...* <235> (с. 715)
399. **Небесное светило.** Солнце. *Уже великое небесное светило, Люющее с высоты обилие и свет, Начертанным путем годичный круг свершило И в ново поприще в величии грядет!* <1> (с. 454)
400. **Небесные власти.** Боги. *Кто с хлебом слез своих не ел... Тот незнаком с небесными властями!* <66> (с. 118)
401. **Небесные слуги.** Служители культа. *...Склоняющего слух Не только к светлым легионам Избранников своих, небесных слуг, Но и к отдельным одиноким стонам Существ, затерянных на сей земле...* <373> (с. 454)
402. **Небесный свод; неба свод; звездный свод.** *Уж звезды светлые взошли И тяготеющий над нами Небесный свод приподняли Своими влажными главами* <39>. *Небесный свод, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины* <46>, <52>, <53>. *Ты знаешь край, где мирт и лавр растет, Глубок и чист лазурный неба свод...* <195>, <255>. *...И кто живет под звездным сводом?* <33>. *...Сводом легким и прекрасным Светит небо надо мной* <157>. *Мы видим с голубого свода Нездешним светом веет нам...* <237>, <331> (с. 751)
403. **Небесный храм.** Знаменитый маяк на острове Фарос, считавшийся одним из семи чудес света. *Как Фарос, для душ и умов освященных, Высоко воздвигнут Небесный храм...* <6> (с. 454)
404. **Приподнять к небу.** Взять на небо, уйти из жизни. *Но сильная К нему рука спустилась – И к небу, милосердая, его приподняла!* <68> (с. 649)
405. **Путь небесный.** То, что предназначено свыше. *Сие то высшее сознание Вело наш доблестный народ – Путей небесных оправданье Он смело на себя берет* <96> (с. 677)
406. **Тени воздушные.** Возникающие в сознании образы несуществовавших или ушедших из сего мира людей. *И лишь создаст воображение виды Существ неведомых, поэта жезл Их претворяет в лица и дает Теням воздушным местность и названье!* <64> (с. 887)

Стихия воды

407. **Британские воды.** Великобритания. Моря, омывающие Британию. *Един с Британских вод, другой с Альпийских гор...* <6> (с. 61), (с. 122)
408. **Женевские воды.** Женевское озеро. *Утихла биза... Легче дышит Лазурный сонм женевских вод* <257> (с. 246)
409. **Змей морской.** Пароход. *По равнине вод лазурной Шли мы верною стезей, – Огнедышащий и бурный Уносил нас змей морской* <155> (с. 272), (с. 417), (с. 282)
410. **Ключевые воды.** Родники, подземные воды. *И мнит,... Что слышит ток подземных вод...* <52>. *...Они им чуют-слышат воды И в темной глубине земной...* <250> (с. 122)

411. **Нептуновы владенья.** Море. ...*Блажен, стократ блажен, кто может в умиление, Возревши на Вождя светил, Текущего почитать в Нептуновы владенья. ...сказать себе: «Я жил!»* <4> (с. 1037)
412. **Пустыня водяная.** Море. *Передо мной пустыня водяная* <35> (с. 122)
413. **Пучины сланные.** Моря. *Сланные – соленые (старосл.). Пусть бурями увитый Нот Пучины сланные крутит и воздымает...* <4> (с. 789)
414. **Рассечь моря обширные своим рулем.** Метафора-символ. Руль как средство управления для достижения поставленных целей. *И ты рассек с отважностью и славой Моря обширные своим рулем...* <7> (с. 724)
415. **Рьяный конь. Конь морской.** Волна. *О рьяный конь, о конь морской, С бледно-зеленой гривой, То смирный-ласково-ручной, То бешено-игривый!* <75> (с. 334)
416. **Свободная волна; свободная стихия.** О море. О расторжении одной из статей Парижского договора 1856 г., ограничивающей право России на Черное море. Т.о: полноправное распоряжение Россией водами Черного моря. *И нам завещанное море Опять свободною волной, О кратком позабыв позоре, Лобзает берег свой родной* <339>. *И вот: свободная стихия, – Сказал бы наш поэт родной, – Шумишь ты, как во дни былые, И катишь волны голубые, И блещешь гордою красой!* <343> (с. 750)
417. **Сонм вод.** Большие водные массы. ...*Легче дышит Лазурный сонм Женевских вод...* <257> (с. 823)
418. **Средиземное море.** *Небо ясно, блещет море и ликует Царград* <327> (с. 416)
419. **Средиземных волн.** Средиземное море. *И я заслушивался пенья Великих средиземных волн!* <130>, <364> (с. 834)
420. **Стиксовы брега.** Подземное царство Аида, где протекает река Стикс. ...*Но родины спаситель, Сниду весел к Стиксовым брегам* <13> (с. 1044)
421. **Туманные сосуды.** Содержимое туманов как носителей влаги. *Они в туманные сосуды Морскую черпают волн...* <35> (с. 825)
422. **Черное море.** *И нам завещанное море..., О кратком позабыв позоре, Ласкает берег свой родной* <339> (с. 416)

Стихия огня

423. **Вулкан перегорелый.** О поэте Байроне, чья жизнь и творчество подобны огнедышащему вулкану, закончившему извержение. *Он стихнул здесь, вулкан перегорелый* <66> (с. 151), (с. 562)
424. **Гусов костер.** Костер, на котором был сожжен Ян Гус. ...*На Гусовом костре неугасимом Расплавь ее последнее звено* <333> (с. 1030)

425. **Капли огневые.** Слезы. *Небесный луч играет в них И, преломляясь о капли огневые, Рисует радуги живые... <19>. И по младенческим ланитам Струились капли огневые <101> (с. 322)*

426. **Неугасимый костер.** О таком костре, на котором был сожжен Ян Гус. *Примите чашу! Вам звездой В ночи судеб она светила... О вспомните, ...и что в костре неугасимом Она для вас обречена <323>. ...На Гусовом костре неугасимом Расплавь ее последнее звено <333> (с. 477-478)*

427. **Очистительный костер.** О птице Феникс, сгорающей на костре и возрождающейся из его пепла. *Ты пал, орел одноплеменный, На очистительный костер! <96> (с. 336)*

428. **Потешные огни.** Фейерверк. *Но когда наступит сумрак, Дым сольется с темной, Он потешными огнями Весь осветит лагерь свой <308> (с. 616)*

429. **С жаром.** 1. Горячо, с увлечением. *Он кубок взял и осушил И слово молвил с жаром... <59>. 2. Разгоряченно, бурно. Та злая жизнь, с ее мятежным жаром, Через порог заветный перешла? <129> (с. 243)*

ЖИВОТНЫЙ МИР В ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

430. **Британский леопард.** Великобритания, в гербе которой изображен лев. *Британский леопард За что на нас сердит? <365> (с. 61)*

431. **Буриданов друг.** Осел, согласно приписываемой Буридану притче, погибший от голода из-за того, что не мог выбрать, какую из двух охапок сена, положенных перед ним, следует съесть. *В раздумье хлопая ушами, Стою как Буриданов друг... <117> (с. 65), (с. 224)*

432. **В главе орлы парили.** Быть полным вдохновения, гениальных решений (о Наполеоне). *В его главе – орлы парили, В его груди – змии вились <163> (с. 532)*

433. **Зевесов орел.** Символ верховного бога Зевса. *...Ты скажешь: ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба Смеясь, на землю пролила <36> (с. 1031)*

434. **Змеиная (змииная) мудрость.** Изощренная мудрость; благоразумие. *И в самом буйстве дерзновений Змииной мудрости расчет <163>. ...Хоть мудрости змииной Не презирал... <201> (с. 282-283), (с. 420)*

435. **Лебедь Мантуи.** Поэт Вергилий, уроженец Мантуи. *...И лебедь Мантуи, взрыв Трои, пепл злосчастный, Вознесся и разлил свет вечный на морях! <6> (с. 356), (с. 1035)*

436. **Львиное крыло.** Крылатый лев – эмблема Св. Марка, считавшегося покровителем Венеции. *Века три или четыре... Разрасталась в целом мире Тень от львиного крыла <165> (с. 347)*

437. **Наш лев.** Англичане, Великобритания. *Наш лев сердито зарычал, – Как! Он, простой медведь, и хочет защищаться... <365> (с. 451)*

438. **Небесный лев.** Созвездие Льва. *Уже небесный лев тяжелою стопою В пределах зноя стал...* <4> (с. 356), (с. 454)
439. **Одеть крылом.** Прикрыть, защитить от бед. *Крылом своим меня одень...* <196> (с. 347)
440. **Орел Екатерины.** Князь Г. Потемкин. *То, что орел Екатерины Уж прикрывал своим крылом, – ...Вам не удастся нас лишить!* <169> (с. 532)
441. **Орел одноплеменный.** Изображение орла – главная часть герба Польши, как части России. *Ты пал, орел одноплеменный, На очистительный костер* <96> (с. 512)
442. **От первых перышек.** С появления на свет. *Вот птичку девушка вскормила От первых перышек, с гнезда...* <198> (с. 567)
443. **Под крылом.** Под опекой, защитой. *Как скоро – Музы под крылом Его созрели годы...* <31> (с. 347)
444. **Прикрывать крылом.** Защищать, взять в собственность. *То, что орел Екатерины Уж прикрывал своим крылом...* <169> (с. 347)
445. **Простереть крылья.** Охватить заботой, покровительством. *Но завтра вдруг простерла крылья, К другим склоняет свой полет!* <4> (с. 347)
446. **С гнезда.** С первых дней. *Вот птичку девушка вскормила От первых перышек, с гнезда...* <198> (с. 171)
447. **Свить гнездо.** Поселиться для проживания в том или ином месте. *Ты был орел – и со скалы родимой, Где свил гнездо...* <66>. *Хоть я и свил гнездо в долине...* <240> (с. 171)
448. **Северный медведь.** Россия, русский народ. *...Наши северный медведь – Земляк наш всероссийский От права своего не хочет отказаться Себя оборонять, подчас и огрызаться* <365>(с. 451), (с. 762)
449. **Сидеть как рак на мели.** Быть в крайне трудном положении. **Сидеть на мели.** Находиться в тяжелом состоянии, быть близким к банкротству. **Сидеть как рак.** Находиться в одном и том же положении, не двигаясь с места. *Когда расстроенный кредит Не бьется кое-как, а просто на мели сидит, Сидит себе как рак...* <287> (с. 389), (с. 770), (с. 770)
450. **Сосать как пчела.** Впитывать в себя что-либо полезное для людей, воздействуя на их чувства. (О поэте). *Он не змиею сердце жалит, Но, как пчела, его сосет* <136> (с. 824-825)
451. **Тронуть крылом.** Повлиять на что-либо. *И много лет и теплых южных зим Провеяло над нею полусонно, Не тронувши ее крылом своим* <129> (с. 347)
452. **Феррарский Орел.** Итальянский поэт Торквато Тассо (1544-1595), долгие годы живший в Ферраре при дворе герцога. **Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд, ...Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад Превыспренных путей нигде не воспретят...** <6> (с. 532), (с. 532), (с. 960)
453. **Хлопать ушами.** Слушая, не понимать, не воспринимать ничего. *В раздумье хлопая ушами, Стою, как Буриданов друг Меж двух стогов стоял, глаза: Который лакомей из двух?* <117> (с. 965)

ВРЕМЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

454. **В последний раз.** Указывает на невозможность повторения того действия или состояния, которые обозначают сочетающиеся с указанным фразеологическим выражением глаголы. *В последний раз упился он влагой огневой, ...Царь пил в последний раз!..* <61>. *Собравшись в дорогу, В последний раз вы молитесь теперь* <100>, <176>, <179>, <201>. *...И папская пиара В последний раз купается в крови* <305> (с. 686)
455. **В свой черед.** В назначенное кому-либо время. *И в свой черед, как он, не довершив труда, ...Его вспомянув, воскликнем мы тогда: «Не изменяй себе, великая Россия!»* <316> (с. 756)
456. **В стары годы.** Давным-давно. *Там-то, баяют, в стары годы... Фей вилися хороводы...* <108> (с. 173), (с. 837).
457. **Вверх дном, кверху дном. Поставить вверх дном.** Привести к полному беспорядку, перевернуть. Противоположно разумному положению дел. *А нынче мир весь как распался: Все кверху дном, все сбились с ног... <32>. Ад ли, адская ли сила Под клокочущим котлом Огнь геенский разложила – И пучину взворотила И поставила вверх дном?* <143>(с. 87), (с. 210-211), (с. 324), (с. 614-615)
458. **Взяли годы.** Измениться за долгое время. *...Все взяли годы...* <108> (с. 112).
459. **Во время о'но.** В известные времена. *И песнь их, как во время оно, Полна гармонии была* <130> (с. 143).
460. **Год-другой.** Год за годом. Ближайшее время. *День, год – другой, – и пусто будет там...* <340> (с. 173), (с. 204).
461. **Година обновленья.** День отмены крепостного права – 19 февраля 1861 года. *И вспомнил он годину обновленья...* <256> (с. 499).
462. **Грядущий день.** Вскоре наступающий день. *О Русь, велик грядущий день...* <156> (с. 204).
463. **День и час.** Точное время. *Ему известны день и час* <300> (с. 204).
464. **День победы.** Окончательная победа в войне. *И бледных, преждевременно одряхших Нас озарит победы поздний день!* <69> (с. 204).
465. **Дни былые.** Прошлое. *Шумишь ты, как во дни былые... И блещешь гордою красой!* <343>. *Но твой, природа, мир о днях былых молчит...* <78> (с. 204).
466. **Дни напастей и беды.** Тяжелое время. *Во дни напастей и беды, Когда из Золотой орды в Москву баскаков насылали...* <367> (с. 204).
467. **Добрый час.** Благоприятное для кого-либо время. *И распротысь с тревогою житейской И кипарисной рощей заслонясь, – Блаженной тенью, тенью элисейской Она заснула в добрый час* <129>. *...Вас, юношей, настигнув в добрый час, Она в душе вас крепко полюбила...* <241> (о Музе). *...И мы не смеем, в добрый час, Задеть и сдержнуть покрывало, Столь ненавистное для нас!* <326> (с. 982)
468. **За годом год.** Время вообще. *...И канет в темное жерло – За годом год, за веком век* <111> (с. 173).

469. **Замкнутая дверь.** Недоступное место. ...*Как ни скорбит перед замкнутой дверью...* <191> (с. 197).
470. **Злоба дня.** Тяжелое время, ставшее достоянием публики. О том, что привлекает внимание, становится важным в данный момент. ...*Ты до конца переносила Весь жизни труд, всю злобу дня...* <347> (с. 204), (с. 281).
471. **И там и сям.** В разных местах. *И там и сям на выси виноградной Мелькает замок, и поднесь обвеян Волшебной былью, мглисто-золотою!* <66> (с. 867)
472. **Младые годы.** Юность. ...*Вдали от жизни и любви Мелькнут твои младые годы* <147> (с. 173).
473. **Не время.** Не сейчас. *Не время здесь Вас праздно тешить, очи!* <59> *Не время* выкликать теней... <116> (с. 143).
474. **Не раз, сколько раз, много раз, не в первый раз, не один раз.** Указывает на то, что сочетающиеся с этими выражениями глаголы обозначают действия или состояния, которые происходят, происходили или будут происходить неоднократно. *О, черно-пламенное солнце, О, сколько раз в лучах твоих Я пил восторга дикий пламень, И пил, и млея, и трепетал* <35>. *Не раз ты слышала признание: «Не стою я любви твоей»* <190>, <249>, <301>. *Так говорил я в самом деле, И не один, а сотню раз...* <315>, <328>. *И много-много раз Порадуй этот день и этот мир, и нас* <372>. *Не в первый раз волнуется Восток, Не в первый раз Христа там распинают...* <384>. *Не раз сидел я за замками...* <115>. ...*Кровь не раз лилась рекою...* <138>. *Не в первый раз кричит петух...* <156> (с. 685-686), (с. 686).
475. **Новозаветный день.** День отмены крепостного права 19-е февраля 1861 г. *И вспомнил он годину обновленья – Великий день, новозаветный день...* <256> (с. 484).
476. **Новый год. С Новым годом!** Сменивший предшествующий, наступивший вслед за старым. День 1 января. ...*Сметает с урной роковой Младый сын солнца – Новый год!* <1>. *С Новым годом, с новым счастьем, С постоянною удачей...* <360> (с. 173), (с. 485).
477. **Ночью и днем.** День и ночь Постоянно. *Так бродит ночью и днем Кругом меня тоска, Кругом меня печаль!* <63> (с. 204). *Здесь фонтан неутомимый день и ночь поет в углу...* <174> (с. 488).
478. **От века.** Все время, всегда. *Так связан, съединен от века Союзом кровного родства Разумный гений человека...* <142> (с. 92).
479. **От колыбельных дней. С первоначальных дней.** С самого начала. ...*Всю жизнь свою у них мы под рукой, От колыбельных дней и до могилы...* <334>. ...*Такого ополченья Мир не видал с первоначальных дней* <252> (с. 204).
480. **Последний час; взор; шаг.** Предсмертное время; не повторяющийся при жизни. *Благоухания, цветы и голоса – Предвестники для нас последнего часа...* <83>. *Ее последние я помню взоры На этот край...* <239>. *И тихими последними шагами Он подошел к окну* <256>, <304>.
481. **Прелесть года.** Весна как время года. *Любовь земли и прелесть года, Весна благоухает нам!* <11> (с. 173)

482. **Рано или поздно.** Обязательно. *Любовь есть сон, а сон – одно мгновение, И рано ль, поздно ль пробужденье, А должен наконец проснуться человек <194>. ...Придет и твой черед, и поздно или рано Ты ими ж будешь побежден! <362> (с. 697)*
483. **Роковой день.** Время, непредсказуемое по своим последствиям. *И только в роковые дни Своей неразрешимой тайной Обвораживают нас они <182>. Бывают роковые дни лютейшего телесного недуга... <376> (с. 204).*
484. **С годами.** Со временем. *И как с годами крепнет, пламеня, Сок благородный виноградных лоз... <241> (с. 173).*
485. **С давних пор, с тех пор.** С того времени. *... Чем глубже крылось с давних пор... <290>. Тут и она – та старица простая, Не позабытая с тех пор... <333>. Пятнадцать лет с тех пор минуло... <343>, <344>, <372>. Ты лавров не захочешь, нет, – Они душе твоей постылы С тех пор, как дивный твой поэт – Твой Тасс – и на краю могилы Не мог их данью взять с земли <380> (с. 609)*
486. **С каждым годом.** Постоянно. *...И с каждым годом Любовь ее нежнее все была <241> (с. 173).*
487. **С первого дня.** С самого начала. *Мир и согласие между нас Сказались с первого же дня... <361> (с. 204).*
488. **Хранилище времен.** Собрание исторических событий, фактов и т.п., зафиксированных или незафиксированных в человеческой памяти. *...И что крылаты годы С печального лица земли В Хранилище времен с собою увлекли, Не пренежит того и сам Отец природы <4> (с. 970)*
489. **Час не оскудел, час пробил, час ударил.** Наступило время. О наступлении времени совершения каких-либо действий, состояний. **Грянет час. Пробьет последний час.** О наступлении желательного или нежелательного для кого-либо времени. *В самом преддверье тьмы могильной Не оскудел, в последний час, Твоей души любвеобильной неисчерпаемый запас... <347>. ...Но час пробил – насилье пало: Оно пошло как ключ ко дну <343>. Гектор. Слышишь?.. Мчатся... Пламя пышет боя! Час ударил!.. <13>. «Четвертый век уж на исходе – свершится он – и грянет час!..» <233>. Когда пробьет последний час природы, ...Все зримое опять покроют воды... <51> (с. 613), (с. 982), (с. 655), (с. 982)*
490. **Час от часу.** С течением времени. *Час от часу жар сильнее... <309> (с. 982)*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ,

СООТНОСИМЫЕ СО СЛУЖЕБНЫМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

491. **Вдоль по.** Наречный предлог. *Блеск горячий солнце сеет Вдоль по невоской глубине... <291> (с. 87)*
492. **Всё равно.** Безразлично. *Пусть завтра тучею свинцовой Всесильный бог громов вокруг ризою багровой Эфир смущенный облечет Иль снова в небесах рассыплет солнца свет – Для смертных всё равно... <4>. Всё равно – не власти ль жажду я? <77> (с. 105), (с. 682)*

493. **Едва ль.** Выражает сомнение в количественном составе лиц. *Едва ль десятой чело Клеймо минуло роковое* <205> (с. 236)
494. **И скоро ли...** Неизвестно, когда. *И скоро ли – то провиденье знает – Взойдет заря и бурный мрак развеет!* <66> (с. 782)
495. **Как есть.** Возможно двоякое понимание: 1. Такой, как в настоящее время. *...Живая жизнь давно уж позади, Передового нет, и я как есть На роковой стою очереди* <340>. 2. Без сомнения. *Живая жизнь давно уж позади – Передового нет – и я, как есть, На роковой стою очереди...* [ПСС, Т. 2, С. 226] (с. 239)
496. **Как раз.** Именно. *В наш век стихи живут два-три мгновенья... О чем же хлопотать? Рука забвенья Как раз свершит свой корректурный труд* <310> (с. 317)
497. **Как скоро.** В очень короткое время. *Как скоро – Музы под крылом Его созрели годы...* <31> (с. 782)
498. **Каков (какой) ни есть.** Такой, который имеется, в таком виде. *Тебе сердечный мой поклон И мой, каков ни есть, портрет...* <249-250> (с. 239-240), (с. 480)
499. **Кто б ни был.** Независимо от того, кто; каждый, любой. *Кто б ни был ты, но, встреться с ней... Ты вдруг почувствуешь живей... <260>. ...Кто б ныне ни был он... Придет и твой черед...* <362> (с. 349)
500. **Кто не...? Кому не...! Кто бы не...?** Любой, каждый. *Кто не слышал торжественного слова? <295> Кому ж они не близки, не присущи – Жуковский, Пушкин, Карамзин! <241>. И кто бы мог без умиленья И ныне не почитать в тебе Единство жизни и стремленье...* <324> (с. 349)
501. **Куда вам?** Недостойны, не ваше место, не годитесь. *Куда вам в члены Английских палат...* <266> (с. 350)
502. **Куда как.** Очень. *Куда как чужд ты стал в моих глазах... <150>. Куда сомнителен мне твой, Святая Русь, прогресс житейский!* <238> (с. 317), (с. 350)
503. **Не один, одна, одно.** Много. *Не одно погибло племя Иль в чужбину отошло <138>. Так говорил я в самом деле, И не один, а сотню раз...* <315> (с. 511)
504. **Ни разу не.** В сочетании с глаголом указывает на то, что действия до настоящего времени не могли произойти. *И в эти чудные мгновенья Ни разу мне не довелось С ним повстречаться без волненья И любоваться им без слез <183>. ...И ты в отчаянной борьбе Ни разу, друг, не изменила Ни правде сердца, ни себе <247>. ...И с пошлостью боролся весь свой век, Боролся и ни разу не поддался <311>* (с. 686)
505. **Ни с того ни с сего.** Безо всякого основания, повода, причины. *И как, (с)прошу, далось нам это Так ни с того и ни с сего? <207>* (с. 480), (с. 907), (с. 763)
506. **То есть.** На самом деле. Служит для уточнения сказанного предварительно, разъяснения предшествующего содержания. *Тот зрит бесов, каких и в аде нет (Безумец то есть)...* <64> (с. 240), (с. 896), (с. 907)
507. **Ты скажешь.** В качестве вводного выражения со значением «по-твоему». *Ты скажешь: ангельская лира Грустит в пыли на небесах!* <26>. **Ты скажешь:**

ветренная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила <36>. Иной, **ты скажешь**, просто лает, А он свершает высший долг... <322> (с. 777)

508. **Хоть раз**. В сочетании с глаголом указывает на желательность осуществления действия. *О Небо, если бы хоть раз Сей пламень развился по воле...* <70> (с. 686)

509. **Что нужды ей?** Безразлично, нет дела. ...*Судьба, как вихрь, людей метет, И рад ли ты, или не рад, что нужды ей?* <116>. *При мне иль без меня – что нужды в том?* <340> (с. 489).

Приложение 2

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ АФОРИСТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В ПОЭЗИИ
Ф.И. ТЮТЧЕВА³**
(классификация на базе «Тематического словаря русского языка»
под ред. проф. В.В. Морковкина)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК»

Человечество в целом

1. *Ах, и лучших из людей
Часто губит гнев зловредный!* (Поминки <Из Шиллера>, с. 171)
2. *Блажен, стократ блажен...*
Кто может, радостный, сказать себе: «Я жил!» (Послание Горация к Мекенату, в котором приглашает его к сельскому обеду, с. 49)
3. *Все во мне, и я во всем!..* («Тени сизые смешались...», с. 127)
4. *Все земное идет мимо...* (Поминки <Из Шиллера>, с. 171)
5. *Другому как понять тебя?* (Silentium!, с. 106)
6. *За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного – ослабеем,
Убавим шагу – отстаем* («За нашим веком мы идем...», с. 75)
7. *И милосердою судьбою
Мне было счастье суждено* (17-е апреля 1818, с. 277)

³ Афоризмы приводятся с указанием названия стихотворения и страницы сборника (Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987)

8. *И счастья нет, при всей природы красоте!* (Одиночество <Из Ламартина>, с. 57)
9. *Какую бог послал ему судьбу* (Из Эрнани <Гюго>, с. 108)
10. *Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась –
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...* («Когда сочувственно на наше слово...», с. 225)
11. *Лишь жить в себе самом умей
Есть целый мир в душе твоей.
Таинственно-волшебных дум...
...Внимай их пенью и молчи* (Silentium!, с. 106)
12. *Лишь сердцем чистые, те узрят бога!* (Памяти В.А. Жуковского, с. 184)
13. *...Много их пришло под Трою
Мало их пойдет назад* (Поминки <Из Шиллера>, с. 170)
14. *Мысль изреченная есть ложь* (Silentium!, с. 106)
15. *Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...* («Нам не дано предугадать...», с. 242)
16. *Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...* (Наш век, с. 179)
17. *...Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих* (Поминки <Из Шиллера>, с. 171)
18. *Несметно было их число –
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...* (Неман, с. 187)
19. *Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих керы сторожат...
Жив и цел вернулся с бою –
Гибнет в храмине своей!..
...Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..* (Поминки <Из Шиллера>, с. 170)
20. *Он рабский образ сдвинул с человека*

И возвратил семье меньшую братью (Александрю Второму, с. 205)

21. *Победитель – победил,
Слава падшего святее!* (Поминки <Из Шиллера>, с. 171)

22. *Поистине, как голубь, чист и цел.
Он духом был...* (Памяти В.А. Жуковского, с. 184)

23. *Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло –
Беспомощное дитя* (Пожары, с. 239)

24. *Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла –
А я здесь в поте и в пыли* («С поляны коршун поднялся...», с. 130)

25. *Природы лучшие красоты
Меняют часто годы, дни...
Из нас поймет, пожалуй, сотый,
Что мы ей только и сродни* («Я не ценю красот природы...», с. 283)

26. *Свобода совести есть бред!* (Encyclіca, с. 215)

27. *Слабым – братскую услугу,
Добрым – братскую любовь,
Верность клятв – врагу и другу,
Долгу в дань – всю сердца кровь!* (Песнь Радости (Из Шиллера), с. 64)

28. *Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...* (На новый 1855 год, с. 189)

29. *Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом...* (<А.М. Горчакову>, с. 257)

30. *Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!* (К оде Пушкина на Вольность, с. 55)

31. *Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!* (Цицерон, с. 105)

32. *Счастье жеребии сеет
Своевольною рукой* (Поминки <Из Шиллера>, с. 171)

33. *Так порхай ваша, други, младость
По светлым счастья цветам!* (Весна, с. 58)
34. *Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков* (В деревне, с. 245)
35. *Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение* («Теперь тебе не до стихов...», с. 188)
36. *Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?* («Увы, что нашего незнанья...», с. 188)
37. *Что ж негодует человек,
Сей злак земной!* («Сижу задумчив и один...», с. 129)
38. *Я, царь земли, прирос к земле!..* («С поляны коршун поднялся...», с. 130)

Человек конкретный

39. *Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы* («Две силы есть – две роковые силы...», с. 243)
40. *В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут* (Михаилу Петровичу Погодину, с. 239)
41. *Где старики, как язву, мысль бичуют
И с целой армией в бронях и на коне
Противу мальчигов воюют?* («Какие песни, милый мой...», с. 282)
42. *Гражданина голос смелый
На совет к земным богам...* (Песнь радости (Из Шиллера), с. 65)
43. *Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой...
Одна есть Смерть, другая – Суд людской* («Две силы есть – две роковые силы...», с. 243)
44. *...Для нищего отчизны нет!* (<Из Беранже> («Пришлось кончить жизнь в овраге...»), с. 132)
45. *И будет вечно мысль не там, где сила,
И сила будет век темна
И безответна, как могила,
И, как могила, холодна?* («Какие песни, милый мой...», с. 282)
46. *...И многого ему принадлежит почин –*

*И делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин («Хоть родом он был не славянин...»,
с. 279)*

47. *И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?» («Певучесть есть в морских волнах...»,
с. 220)*

48. *Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты (Из Шекспира, с. 93)*

49. *На земле, где все изменно,
Выше славы блага нет... (Поминки <Из Шиллера>, с. 171)*

50. *...Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия («На гробовой его покров...»,
с. 227)*

51. *Не по хорошу мил, а по милу хорош (Почтеннейшему имениннику Филиппу
Филипповичу Вигелю, с. 156)*

52. *Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн (Наполеон, с. 160)*

53. *Но Смерть честней...
...Смирненную иль ропщущую братью –
Своей косою равняет всех она («Две силы есть – две роковые силы...»,
с. 243)*

54. *Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца! (К оде Пушкина на Вольность, с. 56)*

55. *Поэт всесилен, как стихия,
Не властен лишь в себе самом... («Не верь, не верь поэту, дева...»,
с. 146)*

56. *Поэт, я знаю, суверен,
Но редко служит он властям («Живым сочувствием привета...»,
с. 147)*

57. *Пускай любить он не умеет –
Боготворить умеет он! («Живым сочувствием привета...»,
с. 147)*

58. *Свет не таков...
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает он («Две силы есть – две роковые силы...»,
с. 243)*

59. *...Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина («Две силы есть – две роковые силы...»,
с. 243)*

60. *Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..* (29-е января 1837, с. 140)

61. *У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно...
(На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского, с. 204)*

62. *Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить* («Умом Россию не понять...», с. 229)

Эмоции

63. *Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет* («Не рассуждай, не хлопочи!..», с. 165)

64. *Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть* («О вещая душа моя...», с. 192)

65. *...Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...* («Когда на то нет божьего согласия...», с. 216)

66. *Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит...»* (Песнь радости (Из Шиллера), с. 63)

67. *...Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу* («Не рассуждай, не хлопочи!..», с. 166)

68. *...Жизни блаженство в одной лишь любви...* (<Из «Эгмонта» Гёте>, с. 252)

69. *Злое злой конец приемлет!..
Злой конец началу злomu!..* (Поминки <Из Шиллера>, с. 171)

70. *И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..* (Двум сестрам, с. 83)

71. *И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!* (Близнецы, с. 174)

72. *И старческой любви позорней*

Сварливый старческий задор («Когда дряхлеющие силы...», с. 227)

73. *И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе* («И чувства нет в твоих очах...», с. 138)

74. *...Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!* («О, как убийственно мы любим...», с. 176)

75. *Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье...* («В разлуке есть высокое значенье...», с. 180)

76. *Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой* (Предопределение, с. 173-174)

77. *Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!* («И чувства нет в твоих очах...», с. 138)

78. *Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит...* («И чувства нет в твоих очах!..», с. 165)

79. *Нет, мера есть долготерпению,
Бесстыдству тоже мера есть!..* (По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая, с. 190)

80. *...Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить...* («Как летней иногда порою...», с. 211)

81. *...О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность* (Последняя любовь, с. 186)

82. *Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу!* («Не рассуждай, не хлопочи!..», с. 166)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПРИРОДА»

Общефилософское отражение природы

83. *Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной...* («Дума за думой, волна за волной...», с. 179)

84. *Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:*

*Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!* (Последний катаклизм, с. 85)

85. *Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...* («Не то, что мните вы, природа...», с. 135-136)

86. *Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море
И ропщет мыслящий тростник?* («Певучесть есть в морских волнах...», с. 220)

87. *Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может стать, никакой от века
Загадки нет и не было у ней* («Природа – сфинкс. И тем она верней...», с. 248)

88. *Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой* («Дума за думой, волна за волной...», с. 179)

Времена года

89. *...Блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес и море голубое...* (Могила Наполеона, с. 77)

90. *Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера...* («Есть в осени первоначальной...», с. 195-196)

91. *...Еще цветы я рассылаю,
А сам так быстро отцветаю* (<Д.Ф. Тютчевой>, с. 276)

92. *...Зима железная дохнула –
И не осталось и следов* (14-е декабря 1825, с. 73)

93. *...Как бы повеяло весной,
Как бы запело о весне...* (Графине Е.П. Ростопчиной, с. 168)

94. *Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весной
И что-то встретится в нас...* («Я встретил вас – и все былое...», с. 255)

95. *Не все душе болезненное снится:
Пришла весна – и небо прояснится* («Не все душе болезненное снится...», с. 268)

96. *Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
...Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной («Слезы людские, о слезы людские...», с. 155)*

97. *Так иногда осеннюю порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
...Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
...И душу нам обдаст как бы весною... («Когда в кругу убийственных забот...»,
с. 155)*

98. *...Что ж негодует человек,
Сей знак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом – новый знак...
И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож... («Сижу задумчив и один...», с. 129)*

Вопросы, на которые природа не дает ответа

99. *Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цветы и голоса –
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки... («MALA ARIA», с. 112)*

100. *Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной... («Через ливонские я проезжал поля...»,
с. 110)*

101. *Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих лишь грезой природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной («От жизни той, что бушевала здесь...»,
с. 261)*

102. *Природы воздух ядовитый
Нас отравляет не всегда:
Мы себялюбием повиты –
И эта губит нас беда («Я не ценю красот природы...», с. 283)*

Бытие – Небытие Человека и Природы

103. *Быть до конца так страшно одиноку,*

Как буду одинок в своем гробу («Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...», с. 221)

104. *Вот наша жизнь, - промолвила ты мне, -
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма... («Как дымный столп светлеет в вышине...»,
с. 153)*

105. *Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб... («Всесилен я и вместе слаб», с. 50)*

106. *Если смерть есть ночь, если жизнь есть день –
Ах, умаял он, пестрый день, меня!.. (Мотив Гейне, с. 240)*

107. *Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других... («Есть и в моем страдальческом застое...», с. 217)*

108. *И если бить хочу кого,
То бью себя я самого («Всесилен я и вместе слаб...», с. 50)*

109. *И мы, в борьбе, с природой целой
Покинуты на нас самих (Бессонница, с. 80)*

110. *Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет... («Из края в край, из града в град...», с. 132)*

111. *Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим... (Проблеск, с. 71)*

112. *Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, -
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем («Певучесть есть в морских волнах...», с. 220)*

113. *Тревога и труд лишь для смертных сердец... (Два голоса, с. 167)*

**НУМЕРАЦИЯ ПРИВОДИМЫХ В ПРИЛОЖЕНИИ 1 НАЗВАНИЙ
СТИХОТВОРЕНИЙ СООТВЕТСТВУЕТ УКАЗАННЫМ В < > ЦИФРАМ
(по изданию [Тютчев 1987])**

1. На новый 1816 год
2. Двум друзьям
3. “Пускай от зависти сердца зоилов ноют...”
4. Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду
5. “Всесилен я и вместе слаб...”
6. Урания
7. <С.Е. Раичу> (“Неверные преодолев пучины...”)
8. К оде Пушкина на Вольность
9. Харон и Каченовский
10. Одиночество <Из Ламартина>
11. Весна (“Любовь земли и прелесть года...”)
12. А.Н. М<уравьеву> (“Нет веры к вымыслам чудесным...”)
13. Гектор и Андромаха (*Из Шиллера*)
14. «“Не дай нам духу празднословья!”...»
15. Противникам вина (*Яко и вино веселит сердце человека*)
16. Послание к А.В. Шереметеву
17. Песнь Радости (*Из Шиллера*)
18. Другам при посылке “Песни Радости” из Шиллера
19. Слезы
20. С чужой стороны (*Из Гейне*)
21. (Из Гейне) (“Друг, откройся предо мною...”)
22. (Из Гейне) (“Как порою светлый месяц...”)
23. К Н. (“Твой милый взор, невинной страсти полный...”)
24. К Нисе
25. Песнь скандинавских воинов <Из Гердера>
26. Проблеск
27. В альбом друзьям (*Из Байрона*)
28. Саконтала (*Из Гёте*)
29. 14-е декабря 1825
30. Вечер
31. <С. Е. Раичу> (“На камень жизни роковой...”)
32. (Из Гейне) (“Закрались в сердце грусть, – и смутно...”)
33. Вопросы (*Из Гейне*)
34. “За нашим веком мы идем...”
35. Кораблекрушение (*Из Гейне*)
36. Весенняя гроза
37. Могила Наполеона
38. Cache-cache
39. Летний вечер
40. Видение
41. Олегов щит

42. Бессонница (“Часов однообразный бой...”)
43. Утро в горах
44. Снежные горы
45. Полдень
46. Сны
47. Двум сестрам
48. Императору Николаю I <Из Людвига Баварского>
49. К N. N.
50. “Еще шумел веселый день...”
51. Последний катаклизм
52. Безумие
53. “Здесь, где так вяло свод небесный...”
54. Странник
55. Успокоение (“Гроза прошла – еще курясь, лежал...”)
56. Ночные мысли (Из Гёте)
57. Весеннее успокоение (Из Уланда)
58. Приветствие духа (Из Гёте)
59. Певец (Из Гёте)
60. (Из Гётева “Западно-Восточного Дивана”)
61. Заветный кубок (Из Гёте)
- 62-63. <Из “Вильгельма Мейстера” Гёте>:
 1. “Кто с хлебом слез своих не ел...”
 2. “Кто хочет миру чуждым быть...”
- 64-65. Из Шекспира:
 1. “Любовники, безумцы и поэты...”
 2. Песня
66. Байрон (Отрывок) <Из Цедлица>
67. <Из “Федры” Расина> (“Едва мы вышли из Трезенских врат...”)
68. <Из “Пятого мая” Манзони> (“Высокого предчувствия...”)
69. Из “Путевых картин” Гёйне <«„Прекрасный будет день”, – сказал товарищ...»>
70. “Как над горячею золой...”
71. Цицерон
72. Весенние воды
73. Silentium!
74. Сон на море
75. Конь морской
76. “Душа хотела б быть звездой...”
77. Из “Эрнани” <Гюго> (“Великий Карл, прости! – Великий, незабвенный...”)
78. “Через Ливонские я проезжал поля...”
79. “Песок сыпучий по колени...”
80. Осенний вечер
81. Листья
82. Альпы
83. Mala aria
84. “Сей день, я помню, для меня...”
- 85-89. Из “Фауста” Гёте:
 1. “Звучит, как древле, пред тобою...”

2. «„Кто звал меня?? – „О страшный вид!“»
3. “Чего вы от меня хотите...”
4. “Зачем губить в унынии пустом...”
5. “Державный дух! Ты дал мне, дал мне всё...”
- 90-91. <1>. “Ты зрел его в кругу большого Света...”
- <2>. “В толпе людей, в нескромном шуме дня...”
92. “Над виноградными холмами...”
93. “Поток сгустился и тускнеет...”
94. “О чем ты воешь, ветер ночной?..”
95. “Душа моя, Элизиум теней...”
96. “Как дочь родную на закланье...”
97. “На древе человечества высококом...”
98. Probleme
99. Арфа скальда
100. “Я лютеран люблю богослуженье...”
101. “Восток белел. Ладья катилась...”
102. “Чту ты клонишь над водами...”
103. “И гроб опущен уж в могилу...”
104. “В душном воздуха молчанье...”
105. “Как сладко дремлет сад темно-зеленый...”
106. “Как птичка, с раннею зарей...”
107. “Вечер мглистый и ненастный...”
108. “Там, где горы, убегая...”
109. “Тени сизые смешались...”
110. “Нет, моего к тебе пристрастья...”
111. “Сижу задумчив и один...”
112. “С поляны коршун поднялся...”
113. “Какое дикое ущелье!..”
114. “Всё бешеной буря, всё злее и злей...”
115. <Из Беранже> (“Пришлось кончить жизнь в овраге...”)
116. “Из края в край, из града в град...”
117. (Из Гейне) (“В которую из двух влюбиться...”)
118. “Зима недаром злится...”
119. Фонтан
120. “Яркий снег сиял в долине...”
121. “Не то, что мните вы, природа...”
122. “Я помню время золотое...”
123. “Еще земли печален вид...”
124. “Люблю глаза твои, мой друг...”
125. “И чувства нет в твоих очах...”
126. “Вчера, в мечтах обвороженных...”
127. 29-е января 1837
128. 1-е декабря 1837
129. Итальянская villa
130. “Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...”
131. “Смотри, как запад разгорелся...”
132. Весна (“Как ни гнетет рука судьбины...”)
133. Лебедь

134. “С какою негою, с какой тоской влюбленный...”
135. День и ночь
136. “Не верь, не верь поэту, дева...”
137. “Живым сочувствием привет...”
138. К Ганке
139. Знамя и Слово
140. Epitre a l'Apotre. *От Русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мискиевича*
141. “Глядел я, стоя над Невой...”
142. Колумб
143. Море и утес
144. “Еще томлюсь тоской желаний...”
145. “Не знаешь, что лестней для мудрости людской...”
146. Русская география
147. Русской женщине
148. “Как дымный столп светлеет в вышине!..”
149. “Неохотно и несмело...”
150. “Итак, опять увиделся я с вами...”
151. “Тихой ночью, поздним летом...”
152. “Когда в кругу убийственных забот...”
153. “Слезы людские, о слезы людские...”
154. Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю
155. “По равнине вод лазурной...”
156. Рассвет
157. “Вновь твои я вижу очи...”
158. “Как он любил родные ели...”
159. Поэзия
160. “Кончен пир, умолкли хоры...”
161. Рим, ночью
- 162-164. Наполеон:
1. “Сын Революции, ты с матерью ужасной...”
 2. “Два демона ему служили...”
 3. “И ты стоял – перед тобой Россия!..”
165. Венеция
166. “Святая ночь на небосклон взошла...”
167. Пророчество
168. “Уж третий год беснуются языки...”
169. <К. В. Несельроде> (“Нет, карлик мой! трус безпримерный!..”)
170. “Тогда лишь в полном торжестве...”
171. “Пошли, господь, свою отраду...”
172. На Неве
173. “Не рассуждай, не хлопочи!..”
174. “Как ни дышит полдень знойный...”
175. “Под дыханьем непогоды...”
176. “Обвеян вещью дремотой...”
177. Два голоса
178. Графине Е.П. Ростопчиной (*В ответ на ее письмо*)
179. Поминки (*Из Шиллера*)

180. “Смотри, как на речном просторе...”
181. Предопределение
182. Близнецы
183. “Я очи знал, – о, эти очи!..”
184. “Не говори: меня он, как и прежде, любит...”
185. “О, не тревожь меня укорой справедливой!..”
186. “Чему молилась ты с любовью...”
187. “О, как убийственно мы любим...”
188. <Э.Ф. Тютчевой> (“Не знаю я, коснется ль благодать...”)
189. Первый лист
190. “Не раз ты слышала признание...”
191. Наш век
192. “Дума за думой, волна за волной...”
193. “Не остывшая от зною...”
194. “В разлуке есть высокое значенье...”
195. (Из Гёте) (“Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...”)
196. “День вечереет, ночь близка...”
197. “Как весел грохот летних бурь...”
198. “Недаром милосердным богом...”
199. (Из Шиллера) (“С озера веет прохлада и нега...”)
200. “Ты волна моя морская...”
201. Памяти В.А. Жуковского
202. “Сияет солнце, воды блещут...”
203. “Чародейкою Зимою...”
204. Последняя любовь
205. Неман
206. Спиритистическое предсказание
207. Лето 1854
208. “Увы, чту нашего незнанья...”
209. “Теперь тебе не до стихов...”
210. На новый 1855 год
211. По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая
212. “Пламя рдеет, пламя пышет...”
213. “Эти бледные селенья...”
214. “Вот от моря и до моря...”
215. Графине Ростопчиной
216. “О вещая душа моя...”
217. <Из Микеланджело> (“Молчи, прошу, не смей меня будить...”)
218. Н<иколаю> П<авловичу>
219. “Так, в жизни есть мгновения...”
220. <А.С. Норову> (“Тому, кто с верой и любовью...”)
221. “Все, что сберечь мне удалось...”
222. Н.Ф. Щербине
223. <Из Шиллера> (“С временщиком Фортуна в споре...”)
224. “Прекрасный день его на Западе исчез...”
225. “Над этой темною толпой...”
226. “Есть в осени первоначальной...”
227. “Смотри, как роща зеленеет...”

228. <М.Ф. Тютчевой> (“Когда *осьмнадцать лет* твои...”)
229. “В часы, когда бывает...”
230. “Она сидела на полу...”
231. Успокоение (“Когда, что звали мы своим...”)
232. “Осенней позднею порою...”
- 233-234. На возвратном пути:
1. “Грустный вид и грустный час...”
 2. “Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...”
235. “Есть много мелких, безымянных...”
236. Декабрьское утро
237. Е.Н. Анненковой (“И в нашей жизни повседневной...”)
238. “Куда сомнителен мне твой...”
239. Memento
240. “Хоть я и свил гнездо в долине...”
241. На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского
242. Александру Второму
243. “Я знал ее еще тогда...”
244. <В. Вольфсону> (“Недаром русские ты с детства помнил звуки...”)
245. Князю П. П. Вяземскому
246. “Играй, покуда над тобою...”
247. При посылке Нового завета
248. “Он прежде мирный был казак...”
- 249-250. А.А. Фету:
- <1>. “Тебе сердечный мой поклон...”
 - <2>. “Иным достался от природы...”
251. “Затею этого рассказа...”
252. “Ужасный сон отяготел над нами...”
253. Его светлости князю А. А. Суворову
254. “Как летней иногда порою...”
255. Н.И. Кролю
256. 19-е февраля 1864
257. “Утихла биза... Легче дышит...”
258. “Весь день она лежала в забытьи...”
- 259-260. Императрице Марии Александровне:
- <1>. “Как неразгаданная тайна...”
 - <2>. “Кто б ни был ты, но, встреться с ней...”
261. “О, этот Юг, о, эта Ницца!..”
262. Encyclica
263. Князю Горчакову
264. “Когда на то нет божьего согласия...”
265. “Как хорошо ты, о море ночное...”
266. Ответ на адрес
267. “Есть и в моем страдальческом застое...”
268. “Он, умирая, сомневался...”
269. “Сын царский умирает в Ницце...”
270. “Всё решено, и он спокоен...”
271. “Как верно здравый смысл народа...”
272. “Певучесть есть в морских волнах...”

273. Другу моему Я.П. Полонскому
 274. <Н.С. Акинфьевой> (“Велели вы – хоть, может быть, и в шутку...”)
 275. “Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...”
 276. “Молчит сомнительно Восток...”
 277. Накануне годовщины 4 августа 1864 г.
 278. “Как неожиданно и ярко...”
 279. “Ночное небо так угрюмо...”
 280. “Нет дня, чтобы душа не ныла...”
 281. “Как ни бесилося злоречье...”
 282. Графине А. Д. Блудовой
 283. “Так! Он спасен! Иначе быть не может!...”
 284. “Когда сочувственно на наше слово...”
 285. Князю Суворову
 286. “И в божьем мире то ж бывает...”
 287. “Когда расстроенный кредит...”
 288. “Тихо в озере струится...”
 289. “На гробовой его покров...”
 290. “Когда дряхлеющие силы...”
 291. “Небо бледно-голубое...”
 292. “Умом Россию не понять...”
 293. На юбилей Н.М. Карамзина
 294. “Ты долго ль будешь за туманом...”
 295. “Хотя б она сошла с лица земного...”
 296. В Риме (*С французского*)
 297. “Над Россией распростертой...”
 298. <А.Д. Блудовой> (“Как этого посмертного альбома...”)
 299. Дым
 300. Славянам (“Привет вам задушевный, братья...”)
 301. Славянам (“Они кричат, они грозятся...”)
 302. “Напрасный труд – нет, их не вразумишь...”
 303. На юбилей князя А.М. Горчакова
 304. “Как ни тяжел последний час...”
 305. “Свершается заслуженная кара...”
 306. По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в “Journal de St. Petersburg”
 307. “Опять стою я над Невой...”
 308. Пожары
 309. “В небе тают облака...”
 310. Михаилу Петровичу Погодину
 311. Памяти Е.П. Ковалевского
 312. “Печати русской доброты...”
 313. Мотив Гейне
 314. “Вы не родились поляком...”
 315. “«Нет, не могу я видеть вас...»”
 316. “Великий день Кирилловой кончины...”
 317. “Нам не дано предугадать...”
 318. “Две силы есть – две роковые силы...”
 319. 11-е мая 1869

320. “Как насаждения Петрова...”
321. “Там, где дары судьбы освящены душой...”
322. В деревне
323. Чехам от московских славян
324. Андрею Николаевичу Муравьеву (“Там, где на высоте обрыва...”)
325. “Природа – сфинкс. И тем она верней...”
326. “Как нас ни угнетай разлука...”
327. Современное
328. А.Ф. Гильфердингу
329. Ю.Ф. Абазе
330. “Так провидение судило...”
331. <Н.С. Акинфьевой> (“Проходя свой путь по своду...”)
332. <Из “Эгмонта” Гёте> (“Радость и горе в живом упоенье...”)
333. Гус на костре
334. “Над русской Вильной стародавней...”
335. К.Б. (“Я встретил вас – и всё былое...”)
336. Два единства
337. “Велению высшему покорны...”
338. А.В. Пл<етне>вой
339. <А.М. Горчакову> (“Да, вы сдержали ваше слово...”)
340. “Брат, столько лет сопутствующий мне...”
341. “Давно известная всем дура...”
342. “Впросонках слышу я – и не могу...”
343. Черное море
344. Ватиканская годовщина
345. “От жизни той, что бушевала здесь...”
346. “Враг отрицательности узкой...”
347. Памяти М.К. Политковской
348. “День православного Востока...”
349. “Как бестолковы числа эти...”
350. <Е.К. Зыбиной> (“Тут целый мир, живой, разнообразный...”)
351. <Э.Ф. Тютчевой> (“Всё отнял у меня казнящий бог...”)
352. Любезному папеньке!
353. “Когда-то я была майором...”
354. “Обоим Николаям...”
355. “Не всё душе болезненное снится...”
- 356-357. Князю Вяземскому:
 <1>. “Есть телеграф за наименьшем ног...”
 <2>. “Бедный Лазарь, Ир убогой...”
358. “Красноречивую, живую...”
359. “Доехал исправно, усталый и целый...”
360. “С Новым годом, с новым счастьем...”
361. <А.Ф. Тютчевой> (“Мир и согласие между нас...”)
362. Наполеон III
363. <Е.К. Богдановой> (“Хотел бы я, чтобы в своей могиле...”)
364. <Е.С. Шеншиной> (“Тебе, болящая в далекой стороне...”)
365. “Британский леопард...”
366. “Конечно, вредно пользам государства...”

367. “Во дни напастей и беды...”
368. Итальянская весна
369. <Императрице Марии Александровне> (“Мы солнцу Юга уступаем вас...”)
370. <Д.Ф. Тютчевой> (“Вот свежие тебе цветы...”)
371. “Чертог твой, спаситель, я вижу украшен...”
372. 17-е апреля 1818
373. Императору Александру II
374. Бессонница (*Ночной момент*)
375. “Хоть родом он был не славянин...”
376. “Бывают роковые дни...”
377. Святые горы
378. “Австрийский царь привык забавить...”
379. “Ну как тому судить поэтов дар...”
380. Раичу (“Каким венком нам увенчать...”)
381. Средство и цель
382. “Какие песни, милый мой...”
383. “Я не ценю красот природы...”
384. “Не в первый раз волнуется Восток...”
385. “Корабль в густом сыром тумане...”